КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XIV.

Мартъ.

1886 г.

КІЕВЪ.

Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штаномъ, мало-Житом. ул., д. 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Мартъ, 1886 г.

I. ДОСВѢТКИ И ПОСИДѢЛКИ. **Н. Ѳ. Сумцова** 421

II. ТУРЕЦКІЕ АНЕКДОТЫ ВЪ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ *(Окончаніе)*. **П. Кузьмичевскаго** 445

III. СТРАНИЧКА ИЗЪ ИСТОРІИ СЛОБОДСКОЙ УКРАЙНЫ (Историческое прошлое суджанскаго уѣзда). **Евг. Максимова** . 467

IV. КЪ ВОПРОСУ О НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ («Выпись съ книгъ гродскихъ воеводства кіевскаго», 1593 г.). **Н. Оглоблина** 482

V. КАРМЕЛЮКЪ (переводъ съ польскаго) 495

VI. ЗАПИСКИ НОВО-ОСКОЛЬСКАГО ДВОРЯНИНА И. О. ОСТРОЖСКАГО-ЛОХВИЦКАГО (1771—1846 г.) *(Продолженіе)* 561

VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Библіографическій указатель матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Г. Шевченка.—*М. Комарова*— б) Д. И. Багалѣй.—Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины московскаго государства въ XVI—XVIII столѣтіп. Харьковъ. 1886 г.—*В. А.*—в) О. В. Щербицкій. Виленскій свято-троицкій монастырь. Вильна. 1886 г.—*И. Каманина* 570

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи семейныхъ раздѣловъ у крестьянъ.—*П. Е.*—б) Находка въ области старинной южно-русской письменности.—*О. Левицкаго.*—в) Справка объ авторѣ «Топографическаго описанія харьковскаго намѣстничества».—*Н Черняева.*—г) Надгробный запорожскій крестъ.—*В. Бн—ка.*—д) Какъ судили и рядили въ Сѣчи запорожской.—*А. Скальковскаго.*—е) Изъ записной книжки.—*Н. В.*—ж) Исповѣдь Маргаса.—Сообщ. свящ. *Іоаннъ Борковскій* . . 593

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на „Кіевскую Старину“ 1886 года. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Трехсвятительская улица, д. № 8.—Оставшіеся въ незначительномъ числѣ экземпляры журнала за 1882—1885 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 28-го февраля 1886 года.

ДОСВѢТКИ И ПОСИДѢЛКИ.

Живопись и въ особенности беллетристика оказали малорусскимъ вечерницамъ большое вниманіе. Украшеніемъ девятой передвижной выставки была большая картина И. Е. Рѣпина «Вечерницы». Въ малорусской хатѣ, освѣщенной двумя свѣчами, собралась толпа парубковъ и дивчатъ. На первомъ планѣ, лицемъ къ зрителю, танцуетъ дѣвушка; передъ ней «навприсядки» выдѣлываетъ колѣна парубокъ; музыканты скрипачи играютъ; вся толпа стоящихъ и сидящихъ внимательно смотрятъ на танцующихъ. Всѣ смѣются; всѣмъ весело...

Малорусскіе писатели-беллетристы въ старинное время любили останавливаться на вечерницахъ. Г. Ѳ. Квитка-Основьяненко посвятилъ имъ въ «Панѣ Халявскомъ» нѣсколько краснорѣчивыхъ строкъ. Воспитанникъ харьковской семинаріи Порфирій Кореницкій въ харьковскомъ сборникѣ малорусскихъ стихотвореній, »Снопъ» (1841 г.), помѣстилъ сатирическую поэму «Вечерныци», написанную въ подражаніе пародированной Энеиды Котляревскаго. Н. В. Гоголь яркими красками обрисовалъ лѣтнія южно-русскія «улицы» въ «Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки». Очаровательныя картины южнорусской природы, трогательныя сцены цѣломудренной любви дѣвушки, общее ярко-радужное освѣщеніе міра и людей—уноситъ читателя въ волшебный міръ фантазіи и ласкаетъ его эстетическое чувство теплыми лучами поэзіи. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ вечерницы вошли въ «Назара Стодолю» Шевченка, въ концѣ семидесятыхъ—въ одну драму г. Кропивницкаго. Великорусскія посидѣлки не вошли въ беллетристику. Нельзя сказать, чтобы причина различнаго отношенія малорусской и русской беллетристики къ народнымъ вечерницамъ лежала въ самихъ вечерницахъ, другими словами, чтобы малорусскіе досвитки представляли въ себѣ сравни-

тельно съ русскими посидѣлками что-либо выдающееся, блестящее, увлекательное. Тутъ несомнѣнно дѣйствовало литературное вліяніе Гоголя, разукрасившаго вечерницы очаровательными красками поэзіи, и позднѣйшіе малорусскіе писатели въ данномъ случаѣ болѣе или менѣе удачно вторили ему, особенно тѣ писатели, для которыхъ источникъ вдохновенія скрывается не въ народной жизни, а въ книгѣ, въ этнографическихъ и беллетристическихъ произведеніяхъ. Затѣмъ, русская беллетристика, обратившись къ народу, сразу стала на серьезную почву бытоваго реализма, выдвинуты были крупныя явленія народнаго быта: расколъ (у Мельникова-Печерскаго), бѣдность и невѣжество (у Рѣшетникова), крѣпостной гнетъ и зародившееся господство кулака (у Тургенева, Г. Успенскаго). Малорусская беллетристика долгое время находилась подъ вліяніемъ сентиментализма и романтизма, вращалась въ заколдованномъ кругѣ благодушно-чувствительныхъ вымысловъ и образовъ, и лишь въ послѣднее время въ лицѣ г. Левицкаго и въ лицѣ г. Мирнаго выступаютъ вполнѣ серіозные беллетристы-реалисты, причемъ самая беллетристика изъ забавы и пріятнаго времяпрепровожденія обращается въ общественную службу и заслугу.

Съ поворотомъ солнца на зиму, съ уменьшеніемъ дня, начинаетъ уменьшаться деревенская работа. Хлѣбъ собранъ и сложенъ на току въ высокихъ скирдахъ. Изъ дворовъ слышатся тяжелые удары цѣповъ по снопамъ. Въ пожелтѣвшихъ полевыхъ стерняхъ поселился паукъ и сталъ выводить свои причудливыя сѣти. Съ наступленіемъ длинныхъ и темныхъ сентябрьскихъ вечеровъ, для исполненныхъ силы и энергіи деревенскихъ парней и дѣвушекъ наступаетъ досужее время. Не дремать же имъ по отцовскимъ хатамъ подъ тихое и однообразное жужжаніе материнскаго веретена. Деревенская молодежь собирается по временамъ въ просторной избѣ какой-нибудь бездѣтной вдовы, и здѣсь ищетъ развлеченія въ пѣсняхъ и пляскѣ.

Начало вечерничныхъ гуляній различно, смотря по мѣстности, равно какъ по мѣстностямъ различается и степень ихъ продолжительности. Въ Оренбургской губерніи вечерницы бываютъ отъ

Успенія до сырной недѣли [1]), въ Олонецкой губерніи отъ Рождества Христова до Великаго поста [2]). Въ большей части Великороссіи и почти повсемѣстно въ Малороссіи вечерницы начинаются со дня Симеона лѣтопроводца и продолжаются всю осень и зиму [3]). Въ малорусской народной поэзіи начало вечерничныхъ гуляній отмѣчено коротко и выразительно:

Вже минули суниченьки и полуниченьки,
Вже настали осиннии та вечерниченьки.

Вечернія собранія молодежи въ разныхъ мѣстахъ носятъ разныя названія: вечерницы, вечереньки, посидѣлки, досвѣтки, оденки, супрядки, улицы, бесѣдки. Различіе между вечерницами и улицами въ Малороссіи состоитъ въ томъ, что первыя бываютъ зимой въ хатѣ, вторыя лѣтомъ на улицѣ. Вечерницы сложнѣе, продолжительнѣе и сопряжены съ бо́льшимъ весельемъ и бо́льшими расходами. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Великороссіи вечереньки отличаются отъ досвѣтокъ. Первыя бываютъ вечеромъ, причемъ веселятся дѣвушки и парни; вторыя наступаютъ послѣ ухода парней и короткаго сна дѣвушекъ и состоятъ въ собраніи исключительно дѣвицъ, занимающихся шитьемъ, пряжей и пѣснями. Посидѣлки повсемѣстно состоятъ въ собраніи молодыхъ людей обоего пола. Вечернія супрядки въ г. Котельницѣ вятской губерніи состоятъ въ собраніи исключительно женщинъ [4]). Въ Архангельской губерніи отъ вечеринокъ отличаются посидки, на которыхъ менѣе оживленія. На посидкахъ бываютъ и замужнія женщины [5]).

Мѣстныя отличія малорусскихъ вечерницъ незначительны, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ этнографическихъ данныхъ.

«Въ Галичинѣ, какъ только окончится работа въ полѣ и въ огородѣ, настаетъ пряденье. Во все это время замужнія женщины и дѣвушки, управившись дома, идутъ «съ кужельемъ на хаты», гдѣ кому нравится, и тамъ прядутъ до вечера. Такія сходбища много способствуютъ поддержанію мѣстной народной жизни.

---

[1]) *Черемшанскій,* Описаніе Оренб. губ., стр. 206.
[2]) *Семеновъ,* Отечествовѣденіе, т. I, стр. 98.
[3]) *Снегиревъ,* Руск. простонар. праздники, т. IV, стр. 95.
[4]) *Этнографич. Сборникъ,* т. V, стр. 80.
[5]) *Москвитянинъ,* 1853 г. т. XIII, стр. 9—10.

На нихъ младшіе отъ старшихъ выучиваются пѣснямъ, сказкамъ, пословицамъ, загадкамъ, вспоминаютъ и сохраняютъ въ памяти минувшее, былое. Сходбища эти бываютъ не только днемъ, но также и по вечерамъ, и тогда они называются вечерницами. На вечерницы вмѣстѣ съ женщинами сходятся и мужчины, остающіеся ночью безъ всякой работы. Вечерницами богата въ особенности Филипповка. Вечерницы походятъ однѣ на другія и только вечерницы въ день св. Андрея Первозваннаго имѣютъ отличный характеръ» [1])?

Въ юго-западномъ краѣ для вечерницъ выбирается большая хата какой-либо вдовы или такого хозяина, у котораго малая семья. Дѣвушки назначаютъ день для первыхъ вечерницъ, и вечеромъ, приходя съ работой, приносятъ съ собою разные припасы: пшеничную муку, творогъ, масло, картофель и т. п.; каждая должна что-нибудь принести, хотя въ незначительномъ количествѣ. Освѣщеніе каждая изъ дѣвушекъ обязана доставлять поочередно. Въ дѣятельномъ участіи дѣвушекъ въ устроеніи вечерницъ обнаруживается предпріимчивый характеръ малорусской женщины, по признанію этнографовъ, болѣе предпріимчивый, чѣмъ характеръ малороссовъ мужчинъ. Часть принесенныхъ припасовъ употребляется на ужинъ, а другая, бо́льшая часть остается въ пользу хозяйки или хозяина дома. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оставшуюся провизію прячутъ на другой разъ. Къ тому времени, когда поспѣваетъ ужинъ, приходятъ парни и приносятъ водку, хотя водку покупаютъ и дѣвушки въ складчину. Послѣ ужина не работаютъ. Погулявъ немного послѣ ужина, приносятъ въ хату куль соломы, развязываютъ его и на немъ ложатся спать, по большей части вмѣстѣ съ дѣвушками [2]).

Въ Полтавщинѣ осеннія и зимнія встрѣчи молодежи происходятъ на вечерницахъ, досвѣткахъ и грищѣ. Досвѣтки—собраніе молодыхъ дѣвушекъ, сходящихся въ какую-нибудь избу для работы. Досвѣтки можно раздѣлить на двѣ части: на вечерницы и собственно досвѣтки. Дѣвушки сговариваются, избираютъ какую-нибудь

---

[1]) *Игнатій Галько,* Народ. звычаи, зъ околицъ надъ Збручемъ, т. II, стр. 6. Подробное описаніе андреевскихъ вечерницъ въ надъ-днѣстрянскихъ селахъ см. въ „Зорѣ“ 1885 г., № 3—4.

[2]) *Чубинскій,* Труды Этн.-Ст. Эксп., т. VII, стр. 450.

женщину и поручаютъ ей устроять свои собранія, принося кто что можетъ изъ провизіи, припасаемой дома секретно. Забравъ всѣ принадлежности работы и не забывая провизіи, дѣвушки отправляются съ вечера въ избранную избу и занимаются работой (это вечерницы), тамъ ночуютъ, встаютъ чрезвычайно рано и снова работаютъ, распѣвая пѣсни (это досвѣтки). На вечерницахъ всегда, а на досвѣткахъ очень рѣдко являются парни. У каждаго изъ нихъ есть своя забота, у кого же нѣтъ, тѣ идутъ съ товарищами провести время. Сначала работа идетъ чинно, потомъ начинаются шутки; парни стараются мѣшать дѣвушкамъ работать, эти бьютъ ихъ по рукамъ веретенами, гребнями и чѣмъ попадется. Разсказываютъ сказки, поютъ пѣсни. Иной парубчина хватитъ на скрипкѣ горлицу или метелицу, и начинается пляска. Въ то время, какъ вечерницы и досвѣтки представляются учрежденіями постоянными и правильными, грище является собраніемъ импровизированнымъ, въ родѣ пикника. Точно также избирается домъ, нанимается музыка и припасается угощеніе. На грище идутъ собственно веселиться, потому что дѣлается это во время праздниковъ [1]).

Въ воронежской губерніи вечерницы устраиваются молодежью обоего пола, преимущественно въ осенніе вечера, въ хатѣ одинокой старухи. Дѣвушки являются съ работой и съѣстными припасами, въ числѣ которыхъ курица и яйца составляютъ необходимую принадлежность; парни приходятъ съ балалайками, скрипками и гармоніями. Сначала время идетъ въ разговорахъ и остротахъ, потомъ слѣдуютъ пѣсни съ музыкой и пляскою, наконецъ приготовленіе ужина и самый ужинъ [2]).

Великорусскія посидѣлки очень сходны съ малорусскими вечерницами. Чтобы не вдаваться въ утомительныя подробности и не повторяться, ограничимся описаніемъ вечереньки или пирища въ сѣверной Россіи. Пирище устраивается въ межговѣнье (т. е. не въ посты), отъ Покрова до Филиппова поста и отъ Рождества Христова до великаго поста, въ домахъ, принадлежащихъ одинокимъ старухамъ или бѣднымъ поселянамъ, за небольшую плату. Люди зажиточные не допускаютъ устройства вечеринокъ въ своихъ домахъ,

---

[1]) *Этнограф. Сборникъ*, т. III, стр. 32.

[2]) *Никоновъ*, въ Трудахъ Вольн. Эконом. Общ., 1877 г., т. II, стр. 332.

изъ опасенія подвергнуть ихъ вліянію нечистой силы на три года. Вечеринки бываютъ обыкновенно по вторникамъ и воскресеньямъ, а въ понедѣльникъ и въ среду тогда, когда въ эти дни случится праздникъ. Расходы на вечеринку уплачиваются парнями сообща или однимъ молодцомъ. Дѣвушки являются съ прялками. Въ видѣ дозора приходятъ матери, а въ слѣдъ за ними и старухи-бабушки, каждая съ своей работой. Старушки усаживаются въ печномъ углу, а дѣвушки по лавкамъ. Вечерницы начинаются въ 6 часовъ по полудни, а кончаются въ 12, 1 или 3 часа утра. Изба освѣщена лучиной, иногда свѣчами, которыя становятся на грядкахъ въ видѣ люстръ. Парни обыкновенно входятъ толпой. Дѣвушки конфузятся, но не надолго; онѣ начинаютъ пѣть пѣсни, молодцы дружно подхватываютъ и раздается веселый, стройный хоръ. Парни охотники пошутить, порвать нитку, кинуть веретено въ уголъ, затушить свѣчху; но старухи этихъ шутокъ не любятъ, разсердятся, пошумятъ, и порядокъ скоро возстановляется. На вечеринкахъ дѣвушки ходятъ съ молодцами попарно, играютъ въ сосѣди, въ веревку, поютъ веселыя пѣсни или импровизируютъ шутливыя двустишія.

Въ восточной, средней и западной Россіи посидѣлки не представляютъ крупныхъ отличій отъ сѣверно-русскихъ пирищъ. Въ средней Россіи нѣтъ слѣдовъ церковнаго вліянія на вечерницы, и родительскій надзоръ за молодежью здѣсь слабѣе [1]).

У южныхъ славянъ также встрѣчаются вечерницы. У болгаръ лѣтомъ бываютъ гулянья за околицей села; осенью и зимой, начиная съ 21 ноября, въ Болгаріи бываютъ «седѣнки», т. е. посидѣлки. Дѣвушки и замужнія женщины собираются въ одной избѣ для общей работы и общаго веселья. Впрочемъ, «момицы» (замужнія женщины) рѣдко посѣщаютъ сидянки. Обыкновенко, сидянки представляютъ собраніе 4—8 момъ (дѣвицъ) и одинаковаго числа ергеней (парней). За каждой дѣвушкой слѣдуетъ мать, тетка или какая-нибудь другая родственница. На сидянкахъ момы прядутъ, распѣвая пѣсни, а ергени забавляютъ ихъ и смѣшатъ пѣснями [2]).

---

[1]) *Маск. Wallace*, Russia, t. I, стр. 154; *Этногр. Сборн.* т. V, стр. 77, 78, 80; *Терещенко*, Бытъ рус. нар., т. V, 156 и др; *Ralston*, The sangs of the russ. people, 37—39; *Москвитянинъ*, 1853 г. т. XIII, стр. 9—10.

[2]) *Каравеловъ*, Памятники, т. I, стр. 269; *Москвитянинъ*, 1845, т. VI, стр. 168.

Повсемѣстно на вечерницахъ поютъ пѣсни. Вечерничныя пѣсни многочисленны и разнообразны. Въ нихъ нѣтъ такихъ чертъ, которыя давали бы поводъ выдѣлить ихъ въ самостоятельный пѣсенный отдѣлъ. Вечерничныя пѣсни вполнѣ бытовыя; нѣтъ въ нихъ ни религіозно-миѳическихъ, ни историческихъ мотивовъ. Содержаніе большею частью не важное,—небольшія сценки изъ семейной жизни, выраженіе любовныхъ желаній, безобидныя шутки и т. п. Въ сборникѣ великорусскихъ народныхъ пѣсень г. Шейна вечерничныя пѣсни разбросаны въ отдѣлахъ пѣсенъ плясовыхъ и бесѣдныхъ; въ сборникахъ малорусскихъ пѣсень Метлинскаго, Чубинскаго и др. собирателей и этнографовъ вечерничныя пѣсни вошли съ отдѣлы пѣсень семейно-родственныхъ.

Изъ вечерничныхъ пѣсенъ найбольшій бытовой интересъ представляютъ пѣсни шутливыя; къ тому же пѣсни послѣдняго разряда не лишены художественнаго достоинства. Любопытнѣе всего, что между великорусскими и малорусскими шутливыми вечерничными пѣснями обнаруживаетъя большое сходство. Ограничимся однимъ примѣромъ. На далекой, юго-западной окраинѣ русской земли, въ Холмской Руси, во время уличныхъ игръ, преимущественно во время «кривого танця», дѣвушки поютъ пѣсню, въ которой дѣвичьей красотѣ противопоставляется парубоцкое безобразіе. Между прочимъ, поютъ:

Ой, диво дивное, диво,
Пошли дивоньки на жниво;
Жнуть дивоньки жито, пшеницю,
А парубоньки куколь, митлицю.
Чого дивоньки красныя?
Бо ѣдять пироги мясные.
Масломъ поливають,
Перцемъ посыпають.
А парубоньки блидныи,
Бо ѣдять пироги пистныи,
Золою (щелокомъ) поливають
И попеломъ посыпають [1]).

[1]) *Батюшковъ*, Памятн. Зап. Рос., т. VII, стр. 353.

Въ переяславскомъ уѣздѣ полтавской губерніи во время «кривого танця» дѣвушки поютъ подобную пѣсню:

Дивоцькая краса,
Якъ литняя роса,
Въ меду ся купала,
Въ меду выгравала.
На парубочкахъ краса,
Якъ зимняя роса,
Въ смоли ся купала,
Въ дёгти выгравала.
Помалу ступайте,
Пылу не збивайте,
Шматя не валяйте.
На дивонькахъ шматя
То шовкъ та китайка,
Кармазинова крайка.
А на парубкахъ шматя
То михъ та ряднина,
Зъ заткала шапки,
Зъ клочья пояснина [2]).

Подобнаго рода шутливыя пѣсни встрѣчаются въ Великой и Малой Россіи на свадьбахъ, причемъ подруги невѣсты насмѣшки направляютъ на родныхъ и пріятелей жениха, преимущественно на свата.

Въ тверской губерніи дѣвушки на вечерницахъ на приведенный мотивъ поютъ:

Пряльюшки, попрядальюшки!
А что-же вамъ, пряльюшки,
Прясть-то будетъ?
Старымъ старушкамъ охлопочковъ,
Молодымъ молодушкамъ чесаный ленъ,
Краснымъ дѣвушкамъ бумажки куделя,
Молодцамъ-щегольцамъ омяльица.
Пряльюшки, попрядальюшки!
Что-же вамъ, пряльюшки,

---

[1]) *Чубинскій,* Труды этногр.-стат. эксп., т. III, стр. 34.

Ѣсть-то будетъ?
Старымъ старушкамъ хлѣбъ да вода,
Молодымъ молодушкамъ хмель да сыта,
Краснымъ дѣвушкамъ калачики,
Молодцамъ-то щегольцамъ дурынды [1]) кусокъ.
Пряльюшки, попрядальюшки!
А гдѣ-же вамъ, пряльюшки,
Спать-то будетъ?
Старымъ старушкамъ на печи въ углу,
Молодымъ молодушкамъ на войлочкѣ,
Краснымъ дѣвушкамъ на перинѣ пуховой,
Молодцамъ-то щегольцамъ со свиньями въ хлѣву.
Пряльюшки, попрядальюшки!
Чѣмъ-то васъ, пряльюшки,
Будетъ-то будить?
Молодцовъ-то щегольцовъ полѣномъ по пятамъ,
Красныя дѣвушки, пусть онѣ спятъ:
Въ люди-то выйдутъ, намаются,
Всякой-то заботы напрiймаются [2]).

Въ архангельской губерніи дѣвушки на бесѣдахъ иногда импровизируютъ двустишія, въ которыхъ высказываютъ свое мнѣніе о томъ или другомъ односельчанинѣ. Напримѣръ:

Александру палка,
Жена его бахвалка.

Смыслъ понятенъ. Александръ долженъ бить палкой свою жену за хвастовство.

Алексѣю дуга,
Жена его слуга;

т. е. такая послушная, что хоть запрягай ее въ телѣгу, и она повезетъ.

Семену-то доска,
Жена его баска;

т. е. срисовать портретъ красавицы и любоваться имъ [3]).

Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ буковинскихъ русиновъ или высказывается сожалѣніе, что настали «молоди парубочки, не носять

[1]) Выбоины отъ конопляного масла.
[2]) *Шейнъ*, Рус. нар. пѣсни, т. I, стр. 272.
[3]) *Труды* Этногр. Отд. Люб. Естеств., т. I, стр. 147.

горилочки» на вечерницы или выражается желаніе дѣвушекъ, чтобы парубки подолѣе сидѣли на вечерницахъ [1]). Въ одной малорусской пѣснѣ родители порицаютъ сына за посѣщеніе вечерницъ, повидимому, на томъ основаніи, что посѣщеніе вечерницъ отвлекаетъ парубка отъ дѣла [2]). Въ южно-русскихъ и буковинскихъ пѣсняхъ находятся указанія, что мать не пускаетъ дочь на улицу или на вечерницы [3]). Простонародный пѣсенный мотивъ непусканія дѣвушки на вечерницы и вызываемыя тѣмъ сѣтованія послѣдней на мать вошли, между прочимъ, въ «Кобзарь» Шевченка. Встрѣчаются малорусскія пѣсни съ такого рода содержаніемъ: замужняя женщина не можетъ заснуть въ лунную ночь, когда по улицамъ разносятся громкія пѣсни парубковъ и дивчатъ. Она проситъ мужа отпустить ее на вечерницы. Вся его родня находитъ невозможнымъ исполнить эту просьбу, считая посѣщеніе вечерницъ замужней женщиной дѣломъ неприличнымъ, и мужъ даже грозитъ женѣ нагайкой [4]).

Происхожденіе вечерницъ кроется въ глубокой древности. Въ сентябрьской книжкѣ «Трудовъ кіев. дух. акад.» 1871 г. высказано было мнѣніе, что вечерницы возникли изъ древнихъ миѳологическихъ воззрѣній народа. Мнѣніе это не было основано на достаточныхъ фактическихъ доказательствахъ, которыя врядъ-ли въ настоящемъ случаѣ могутъ быть представлены. Въ дѣйствительности, вечерницы не заключаютъ въ себѣ ничего религіозно-миѳическаго. Съ ними не связано какихъ-нибудь древнихъ, окрашенныхъ языческими чертами пѣсенъ, въ родѣ колядокъ, щедривокъ, купальскихъ пѣсенъ. На исключительно бытовой характеръ вечерницъ указываетъ уже одно отсутствіе обряднаго кушанья. На вечерницахъ нѣтъ привиллегированнаго кушанья, которое приготовляли-бы и употребляли съ торжественностью, съ таинственными обрядами и пѣснями. Подобнаго рода кушанья почти всегда являются остаткомъ древняго жертвоприношенія. Въ этомъ отношеніи вечерницы существенно отли-

---

[1]) *Лоначевскій*, Сборн. пѣс. буков. народа, стр. 122.

[2]) *Чубинскій*, Труды, т. V. стр. 147.

[3]) *Лоначевскій*, стр. 184.

[4]) *Rulikowski*, Opis powiatu Wasilk., стр. 210; *Чубинскій*, т. V, стр. 607.

чаются отъ свадьбы, гдѣ видную роль играетъ круглый хлѣбъ, отъ родинъ и похоронъ, когда торжественно ѣдятъ кашу. Правда, въ волынской губерніи наканунѣ Андреева дня на вечерницахъ приготовляютъ «калету»,—прѣсный колобокъ или коржъ, намазанный медомъ. Этотъ коржъ привѣшиваютъ къ потолку среди хаты и при немъ сажаютъ одного парубка, которому даютъ въ руки кисть, намоченную въ водѣ съ сажею (сажа, по близости къ печи, была нѣкогда священнымъ предметомъ). Затѣмъ присутствующіе поочередно подъѣзжаютъ къ коржу на палкѣ и откусываютъ частичку его съ серьёзнымъ видомъ. Если кто нибудь при этомъ засмѣется, парубокъ («писарь») мажетъ его кистью по лицу [1]). Волынская «калета» въ дѣйствительности принадлежитъ не столько вечерницамъ, сколько кануну праздника св. Андрея, имѣющаго большое значеніе въ повѣрьяхъ и гаданіяхъ, относящихся къ женитьбѣ, причемъ на самый канунъ Андреева дня «калета» попала, можно думать, съ Рождественскаго праздника. У литовцевъ тождественный обрядъ бываетъ въ праздники Рождества Христова [2]).

Чтобы опредѣлить происхожденіе и древнѣйшее значеніе вечерницъ и посидѣлокъ, нужно обратиться къ исторіи брака. Не останавливаясь на изложеніи главныхъ формъ брака, коммунистической, поліандрической, полигамической и моногамической, мы ограничимся здѣсь замѣчаніемъ о такъ называемомъ пробномъ бракѣ, представляющемъ переходную ступень отъ коммунизма и полигаміи къ моногаміи. Культурные народы давно уже перешагнули черезъ пробные браки на пути нравственнаго и соціальнаго совершенствованія, и пробные браки въ жизни современныхъ цивилизованныхъ народовъ оставили очень слабые слѣды въ потерявшихъ смыслъ обычаяхъ и обрядахъ. У многихъ нецивилизованныхъ народовъ пробные браки встрѣчаются, и теперь въ чистомъ видѣ. У вотяковъ парни въ такомъ только случаѣ женятся на дѣвушкѣ, когда она обѣщаетъ въ скоромъ времени сдѣлаться матерью [3]). Мускогульги женятся на одинъ годъ, отъ весны до весны. Супружество рѣдко расторгается, если плодомъ его бываютъ дѣти. Индѣецъ беретъ себѣ жену на

---

[1]) *Н. И. Петровъ*, въ „Трудахъ Кіев. дух. Акад.“, 1871 г., сент., стр. 570.
[2]) *Терещенко*, Бытъ рус. нар. т. VII, стр. 61.
[3]) *Народы Россіи*, т. II, стр. 150.

пробу. Если онъ поладитъ съ ней, въ особенности если она рожаетъ дѣтей, то онъ не расходится съ нею до смерти. Бракъ, скрѣпленный дѣтьми, дѣлается пожизненнымъ [1]). Семья охотника и пастуха нуждалась въ дѣтяхъ, преимущественно дѣтяхъ мужескаго пола. Въ свадебныхъ обрядахъ находится много выраженій пожеланія, чтобы у новобрачныхъ были дѣти, преимущественно мальчики. Въ Чехіи мальчики бьютъ шапками молодую замужнюю женщину, чтобы она рожала дѣтей мужескаго пола [2]). У русскихъ, болгаръ и поляковъ (кашубовъ) на свадьбѣ на колѣни невѣсты сажаютъ мальчика [3]). Въ Сербіи празднуется только рожденіе мальчика; рожденіе дѣвочки считается обыкновеннымъ событіемъ, не заслуживающимъ увеселенія и пиршества [4]). Слѣды существовавшей нѣкогда общности женъ и слѣды пробнаго брака сохранились въ различныхъ мѣстностяхъ Великой и Малой Россіи. Такъ, напримѣръ, въ мезенскомъ уѣздѣ невинность дѣвушки вовсе не цѣнится; напротивъ, родившая дѣвушка скорѣе находитъ тамъ себѣ мужа, чѣмъ сохранившая дѣвственность. Въ ставропольской губерніи въ день дѣвичника, послѣ пирушки, всѣ ложатся спать, женихъ съ невѣстою, а парубки съ прочими дѣвицами [5]). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малороссіи отдаленнымъ указаніемъ на существованіе пробнаго брака служитъ обычай, по которому, со времени сговоринъ у молодой, женихъ до самой свадьбы ночуетъ въ домѣ невѣсты, съ разрѣшенія ея родителей, и даже вмѣстѣ съ ней. Такое сближеніе молодыхъ не ведетъ однако къ дурнымъ послѣдствіямъ и вызываетъ лишь у жениха большую привязанность къ невѣстѣ и лестные о ней отзывы, которые надо понимать въ смыслѣ отсутствія у невѣсты физическихъ недостатковъ [6]). Быть можетъ и вечерницы первоначально имѣли значеніе пробнаго брака и на нихъ опредѣлялась годность женщины къ дѣторожденію, причемъ не способные къ супружеству и къ дѣторожденію, по исключительности своей физической природы,

---

1) *Жакъ Лефренъ*, „Дѣло“, 1868 г. т. I, стр. 128—129.

2) *Casop. ces. Musea*, 1859, т. I.

3) *Пенз. Губ. Вѣд.* 1864 г., № 19; *Kolberg*, Lud. XI, 305, *Верховичъ*, Опис. быта болгар., стр. 15.

4) Гласник, 1867 г. т. V, стр. 135.

5) *Якушкинъ*, Обычное право, т. VIII.

6) *Николайчикъ*, въ „Кіев. Старинѣ“, 1883 г., т. I, стр. 370.

какъ негодные члены общины, падали въ мнѣніи древняго человѣка. Только мать, производительница домашней рабочей силы, пользовалась общественнымъ уваженіемъ и, на опредѣленной ступени культуры народа, только она могла имѣть самостоятельный голосъ въ рѣшеніи семейныхъ дѣлъ. Безплодная женщина выгодное положеніе въ обществѣ могла пріобрѣсти только вѣдовствомъ, чародѣйствомъ. Въ такомъ случаѣ она дѣлалась въ селѣ вліятельнымъ лицемъ. Къ ней прибѣгали въ нуждѣ, просили ея помощи и совѣта. Въ немногихъ мѣстностяхъ вечерницы сохранили древнее значеніе коммунальнаго или пробнаго брака, являясь такимъ-же обломкомъ глубоко-древняго быта и міросозерцанія, какъ наказаніе животныхъ по судебному приговору, «кувада» или притворные стоны мужа во время родовъ его жены, продолжительный постъ невѣсты передъ свадьбой съ цѣлью временнаго устраненія или задержанія менструаціи и т. п. Въ «Путевыхъ письмахъ» Якушкина находится сообщеніе, что въ новгородской и псковской губерніяхъ дѣвицы вмѣняютъ себѣ въ честь имѣть на посидѣлкахъ любовника, или, какъ тамъ говорятъ, дружня, что вовсе не мѣшаетъ имъ потомъ выйти замужъ за кого-бы то ни было. Обыкновенно дружень впослѣдствіи становится мужемъ. Вечериночная легкость нравовъ замѣчена также среди малоруссовъ астраханской губерніи [1]). Въ большей части Россіи семейные люди не посѣщаютъ вечерницъ. Возникнувъ во времена крайней грубости нравовъ, подъ свѣжимъ вліяніемъ коммунальнаго брака или, точнѣе сказать, гетеризма, вечерницы въ большей части Россіи выработались въ нравственныя увеселенія молодежи.

Досвѣтки и посидѣлки издавна подвергались обличеніямъ въ безнравственности и преслѣдованіямъ, сначала со стороны духовенства, потомъ со стороны административныхъ властей. Вмѣстѣ съ христіанствомъ въ Россію была внесена идея аскетизма, требовавшая отреченія отъ всякой мірской прелести. Пришлые византійскіе просвѣтители въ молодой и свѣжей жизни русскаго народа усмотрѣли слѣды «треклятаго эллинства» и стали исправлять и регулировать

---

[1]) *Волга*, 1864 г., № 51.

народную жизнь по церковной мѣркѣ. Въ московскомъ государствѣ, одичавшемъ и огрубѣвшемъ подъ продолжительнымъ татарскимъ игомъ, особенно сильно развилась идея суроваго аскетизма. Въ силу ея отрицалось все мірское, какъ суетное и грѣховное; идеаломъ общества сталъ монастырь, идеаломъ индивидуума—аскетъ, пустынникъ, побѣдившій, по старинному выраженію, «мятежъ міра сего» постомъ, молитвой и страданіемъ. Такимъ образомъ, вся жизнь, до мелочей, заковывалась въ тѣсныя вериги аскетическаго смиренія и «благопристойности». Одною изъ главныхъ заботъ, говоритъ г. Михневичъ, старинаго русскаго духовенства, а впослѣдствіи и правительства, къ поддержанію добрыхъ нравовъ въ народѣ было сугубое преслѣдованіе «свѣтскихъ срамотныхъ пѣсенъ, гуденія, скаканія и плясанія... Всѣ забавы и игры, весь народный внутренній задушевный міръ, связанный съ поэтическою, милой сердцу стариною и находившій себѣ образное выраженіе въ пѣснѣ, игрѣ и пляскѣ, словомъ всякое веселье преслѣдовалось, какъ бѣсовское навожденіе» [1]). Первоначально преслѣдованіе ограничивалось увѣщаніями и наставленіями, устными и письменными, въ формѣ многочисленныхъ «поученій» и «словъ»; но такъ какъ консервативная народная жизнь очень не охотно уступала «плясьбу, гудьбу и пѣсни бѣсовскія» и оказывала въ этомъ отношеніи прямое сопротивленіе церковнымъ властямъ, то духовенство привлекло къ содѣйствію правительство, и въ подкрѣпленіе церковной проповѣди были выдвинуты суровыя административныя понужденія. Гоненія правительства на народныя увеселенія или, какъ ихъ тогда называли, «бѣсованія», начинается въ XVI ст., съ вѣдома и благословенія духовной власти, преимущественно Стоглаваго собора, и найбольшей энергіи и безпощадности достигаетъ въ XVII ст., въ царствованіе Алексѣя Михайловича, отличавшагося, какъ извѣстно, чрезвычайной набожностью. На смѣну словесныхъ увѣщаній и духовныхъ наказаній явились батоги, штрафы, ссылка и т. п. Воеводамъ предписывалось имѣть «крѣпкое смотрѣніе», чтобы нигдѣ никакихъ «позорищъ» и «игрищъ» не было. Однако русскій народъ постоянно соблазнялся запрещеннымъ плодомъ. Его славянская натура неудержимо вырывалась изъ византійской рамки, въ которую ее старались заключить.

[1]) *Михневичъ*, Очеркъ исторіи музыки, стр. 37.

Въ одномъ поученіи Ефрема Сирина, передѣланномъ на русскій ладъ, находится жалоба книжника: «заповѣдай постъ и бдѣнье—всѣ ужаснутся и убѣгутъ; а скажи, пирове-ли, вечеря-ли, пѣсни пріязны, то всѣ готовы будутъ и потекутъ, аки крилаты» [2]).

Въ Украйнѣ гоненіе на вечерницы начинается, судя по документальнымъ извѣстіямъ, съ половины XVII ст., притомъ прежде всего въ дальнемъ сѣверо-восточномъ углу Украйны, находившемся подъ прямымъ вліяніемъ московскихъ порядковъ. Еще въ 1648 г. жителямъ г. Бѣлгорода, по представленію московскаго патріарха, въ вѣдѣніи котораго находился тогда Бѣлгородъ, съ относящимися къ нему еще немногочисленными слободско-украинскими поселеніями, дается царская грамота, которою строго внушается имъ: «чтобы скомороховъ съ домрами, и съ гуслями, и съ волынками, и со всякими играми, и ворожей, мужиковъ и бабъ, къ больнымъ и къ младенцамъ въ домъ къ себѣ не призывали, и въ первый день луны и въ громъ на водахъ не купались, и съ серебра по домамъ не умывались, и олова и воска не лили, и зернью и картами и шахматами и лодыгами не играли, и медвѣдей не водили, и никакихъ бѣсовскихъ игръ не творили, и на бракахъ пѣсенъ бѣсовскихъ не пѣли, и никакихъ срамныхъ словъ не говорили, и по ночамъ на улицахъ и на поляхъ богомерзкихъ и сквернѣхъ пѣсенъ не пѣли, и сами не плясали, и въ ладоши не били, и кулачныхъ боевъ межъ себя не дѣлали, и на качеляхъ не качались, и личинъ на себя не накладывали, и кобылокъ бѣсовскихъ и на свадьбахъ безчинства и сквернословія не дѣлали». Ослушниковъ грозили бить батогами и подвергать ссылкѣ. Тѣ-же обычаи обличаетъ позднѣе, въ 1676 г., въ окружномъ посланіи къ духовенству, бѣлгородскій митрополитъ Михаилъ, называя эти обычаи также бѣсовскими [1]). Хотя въ этихъ обличеніяхъ вечерницы, досвѣтки, посидѣлки не названы по имени, несомнѣнно, однако, что обличеніе было направлено также противъ нихъ, причемъ къ вечерницамъ въ данномъ случаѣ, нужно думать, относится пѣніе богомерзкихъ пѣсенъ по ночамъ на улицахъ.

Прямое наступленіе на вечерницы сдѣлано было въ 1719 г. кіевской духовной консисторіей, для отвращенія приближавшейся

---

[1]) *Костомаровъ*, Очеркъ домашн. жизни великорус. народа въ XVI—XVII ст., стр. 86.

[2]) *А. С. Лебедевъ*, „въ „Мирѣ“ 1882 г., январь, стр. 22.

моровой язвы, и сдѣлано было притомъ не по собственной иниціативѣ, а «по указу его священнѣйшаго царскаго величества». Получивъ указъ, гетманъ послалъ въ «консисторіумъ митрополитанской власти» соотвѣтствующій универсалъ, а консисторія уже предписала гадяцкому, миргородскому, опошанскому, полтавскому, кобеляцкому протопопамъ и всѣмъ вообще духовнымъ лицамъ позаботиться о томъ, чтобы въ «селахъ малороссійскихъ попрестали богомерзкихъ молодыхъ людей сборища на вкулачки и Богу и человѣкомъ ненавистныя гулянья, прозываемыя вечерницы, на которыя многіе люди молодые и неповстягливые отъ родителей своихъ, мужеска и женска пола, дѣти, по ночамъ купами собираючися, неисповѣдимыя безчинія и мерзкія беззаконія творятъ, справуючи себѣ игри, танци и всякія піятихи скверныя и воздухъ оскверняючія пѣсней восклицанія и козлогласованія, откуда походятъ галаси, зачепки до сваровъ и заводовъ, почему найбарзѣй послѣдуютъ и забойства, а найпаче подъ часъ такихъ нечестивыхъ сборовъ разные дѣлаются ексцесса, яко то блудніе грѣхи, дѣвства растлѣнія, беззаконное дѣтей прижитіе; отчего презъ тихъ-же беззаконниковъ... частыя стаются дѣтогубства, за каковыя умножившаяся нечестивая беззаконія явственнаго праведнаго гнѣва Божія чаша на всѣхъ насъ изливается, яко-же и теперь коликолѣтніи неурожаи хлѣбные, бездождевная суша, многіе падежи скотовъ, въ людехъ тяжкія болѣзни, еще больше моровыя губительныя язви и страшное повѣтряное время понесла Малая Россія и прочая поноситъ многая злоключенія» [1]). Этотъ консисторскій «патентъ» предписывалось протопопамъ прочесть въ церквяхъ, прибить вездѣ къ церковнымъ дверямъ, сказавъ народу соотвѣтствующее нравоученіе, а ослушниковъ, посѣщающихъ вечерницы, до двухъ разъ усовѣщивать, а затѣмъ, въ случаѣ противленія, отлучать отъ церкви.

Обличеніе и запрещеніе вечерницъ возобновлено было тридцать лѣтъ спустя бѣлгородскимъ архіепископомъ Іоасафомъ Горленкомъ. «Усмотрѣно во многихъ городахъ и селахъ, писалъ онъ въ наставленіи духовенству отъ 10 ноября 1750 г., что народъ, языческаго празднованія и идолослуженія слѣды храня, дѣлаетъ колыски, называемыя рѣли, и въ недѣлю св. Пасхи, въ день св.

[1]) *А. Маркевичъ*, въ „Кіевск. Стар." 1884 г. сентябрь, стр. 177—180.

апостоловъ Петра и Павла, на нихъ качаются, такожъ въ недѣлю св. Тройцы празднуютъ бѣсовскій праздникъ Березы, и въ день св. Іоанна Предтечи Купала, и вечерницы и пѣсни скверныя; вся же слѣды идолопоклонства празднуетъ народъ отъ неразумія своего, а священники, по званію своего пастырства, того имъ не возбраняютъ» [1]). Любопытна въ этомъ пастырскомъ наставленіи особенно та архаическая черта, что въ вечерницахъ признается идолопоклонство.

Какъ духовенство выполняло архипастырское предписаніе и какъ встрѣчалъ народъ вмѣшательство іереевъ въ подробности его семейной и общественной жизни, можно отчасти видѣть изъ слѣдующаго любопытнаго документа 1750 г., извлеченнаго профес. А. С. Лебедевымъ изъ одного архива харьковской губерніи. Священникъ харьковскаго уѣзда с. Ольшаной Потапъ подалъ въ ноябрѣ 1750 г. въ харьковское духовное правленіе доношеніе, въ которомъ писалъ: «сего 750 года, ноября 6 дня, указъ ея императорскаго величества изъ консисторіи мною полученъ, въ которомъ, между прочимъ, въ 8 пунктѣ о искорененіи языческихъ идолослуженія слѣдовъ изображено; а понеже въ моемъ приходѣ, у дѣвицы Ксенія Олейниковой вечерницы собирались, то я по должности своей оную дѣвицу о несобираніи оныхъ вечерницъ персонально и черезъ нарочно посланныхъ многажды увѣщевалъ, и городка Ольшаной сотнику Ивану Ковалевскому, дабы запретилъ оной дѣвицѣ въ свою избу вечерницы собирать, я докладывалъ; но оная дѣвица Ксенія какъ моего совѣта, такъ и сотникова запрещенія не слушала; того ради я, по должности моей, сего декабря 26 дня причетниковъ изъ онаго собранія молодцовъ и дѣвокъ разогнать послалъ, что и учинено; и сего-жъ декабря 27 дня, будучи мнѣ у вышепомянутаго сотника Ивана Ковалевскаго, невѣдомо съ какого умысла, харьковскаго полку подпрапорный Василій Самородскій, напавъ на меня нахально, безъ всякой моей передъ нимъ винности, матерно бранилъ и поносилъ скверными словами, и къ грудямъ моимъ съ тростью прискакивалъ и въ глаза и по головѣ ударить замѣрялся, сказуя: «на что ты вечерницы разгоняешь?» и ежели-бы я отъ его злаго намѣренія подъ столъ не схоронился, то мнѣ главу-бы раз-

[1]) *А. С. Лебедевъ*, въ „Мірѣ“ 1882 г., т. I, стр. 23.

билъ и глаза-бы выткнулъ, отъ чего мнѣ учинилось не малое безчестіе и впредь въ исполненіи указовъ опасность». «Время, говоритъ по этому поводу А. С. Лебедевъ, лучшій, хотя и медлительный, цѣлитель нравственныхъ недуговъ, давно уже, къ счастью паствы и самихъ пастырей, угомонило эту пастырскую ревность къ очищенію лица родной земли посредствомъ дьячковъ отъ слѣдовъ «идолопоклонства», и современное духовенство, не снѣдаемое болѣе такою ревностью, безъ особенныхъ усилій видитъ уже полную благопристойность тамъ, гдѣ прежніе ревнители съ точки зрѣнія бѣсовщины могли видѣть лишь нечестіе».

Въ настоящее время гонителями вечерницъ, досвѣтокъ и посидѣлокъ иногда являются низшіе полицейскіе чины, урядники, подчасъ слишкомъ расширяющіе кругъ дѣятельности, намѣченной въ 5 параграфѣ инструкціи. Въ газетахъ время отъ времени появляются сообщенія о томъ, что урядники разгоняютъ вечерницы. Такъ, въ «Южномъ Краѣ» была какъ-то напечатана корреспонденція о томъ, что въ изюмскомъ уѣздѣ гавриловской волости урядникъ разгоняетъ вечерницы. Вооруженный нагайкою, урядникъ расхаживаетъ въ сопровожденіи десятскихъ каждый вечеръ по селу и, заставъ молодежъ въ домахъ на вечерницахъ, парубковъ разгоняетъ нагайкою, а дивчатъ отправляетъ подъ конвоемъ десятниковъ на ночевку въ кугузку при волостномъ правленіи.

На основаніи многочисленныхъ этнографическихъ свидѣтельствъ можно сказать, что досвѣтки и посидѣлки въ настоящее время въ Россіи, почти повсемѣстно, представляются нравственными увеселеніями молодежи. Онѣ удовлетворяютъ важной потребности предварительнаго знакомства лицъ, желающихъ соединиться супружескимъ союзомъ. Деревенская дѣвушка, воспитанная въ простыхъ и трезвыхъ понятіяхъ о супружеской жизни, смотритъ на жизнь трезвыми глазами и, сознавая въ себѣ достаточно силы воли для предохраненія себя отъ нравственнаго паденія, не боится близко сходиться съ парубкомъ на вечерницахъ въ зимнее время и не смущается въ лѣтнее время близостью купающагося нагаго парубка. Она знаетъ, что въ случаѣ потери невинности до замужества отъ нея отвернутся всѣ ея родные; она хорошо сознаетъ, какое горемычное

положеніе въ обществѣ занимаетъ незаконнорожденное дитя, «и босе, и голе». Т. Шевченко въ нѣкоторыхъ своихъ стихотвореніяхъ, напр. въ «Катеринѣ», обрисовалъ достаточно хорошо такихъ злополучныхъ дѣтей. Въ одной превосходной малорусской пѣснѣ, козакъ, узнавъ, что соблазненная имъ дѣвушка родила ребенка, отпрашивается у пана домой на побывку:

Козакъ: Пусти-жъ мене, пане, зъ Польши на Волынне,
Пише дивча листы, що вже мае сына.
Панъ: Мигъ-бы ты, козаче, тее занехати.
Козакъ: Не можу я, пане, на инчихъ казати,
Бо моя причина, буде Богъ карати.
Прійшовъ козакъ до свитлоньки—дивчина хоруе,
Припавъ до лиженька—дивчину цилуе.

Дѣвушка обращается къ нему съ словами:

Циловала-бъ тебе лихая година,
Цурается мене вся моя родина;
Цурается мене ще отець и мати [1]).

Той дѣвушкѣ, которая «прошкодила», въ старинное и даже недавнее время въ Малороссіи всегда покрывали голову платкомъ. Она не отдѣлялась отъ родительскаго дома, не подвергалась преслѣдованію со стороны родныхъ и односельцевъ, а лишь получала неблаговидное имя »покрытки». Иногда оскорбленная дѣвушка мстила обманувшему парубку, даже прибѣгала къ отравленію, что выражено въ извѣстной пѣснѣ: «Не ходи, Грицю, на вечерныци». Многочисленные свадебные обряды свидѣтельствуютъ о томъ, что малороссіяне дѣвическое цѣломудріе цѣнятъ очень высоко. На отца и на мать нецѣломудренной невѣсты надѣваютъ хомутъ; въ домѣ родителей невѣсты разваливаютъ иногда печь; на воротахъ или на крышѣ вѣшаютъ мазницу, рогожу или заткало, которымъ затыкаютъ трубу; встаскиваютъ на крышу дома старыя сани или разъѣзженное колесо; угощеніе подаютъ въ надщербленныхъ рюмкахъ, въ разбитыхъ мискахъ, на рваной скатерти [2]).

---

[1]) *Чубинскій*, т. V, стр. 343.

[2]) Любопытныя подробности см. въ статьѣ *А. Кистяковскаго* „О цензурѣ нравовъ у народа“, напечатанной въ VIII т. Записокъ Геогр. Общ. по отд. этногр. 1879 г., стр. 191—191.

Почти всѣ этнографы, касавшіеся вечерницъ, признавали ихъ нравственными увеселеніями молодежи. Въ приложеніи къ малорусскимъ вечерницамъ здѣсь можно сгруппировать отзывы объ ихъ нравственной сторонѣ въ томъ-же мѣстномъ порядкѣ, отъ дальняго галицкаго запада до дальняго воронежскаго востока, отъ Карпатъ до Дона, въ какомъ ранѣе были сгруппированы самыя описанія малорусскихъ вечерницъ. Галичанинъ г. Лепкій, помѣщающій на страницахъ львовской газеты «Зоря» любопытныя этнографическія замѣтки о галицкой Руси, на основаніи личнаго знакомства съ галицкими вечерницами говоритъ слѣдующее: «я не знаю, якимъ способомъ пріймлось-бы молодымъ людямъ на селѣ перепхати довги зимови вечеры, наколибъ не то ти весели вечерницѣ. Неразъ парень або дѣвчина при цѣпѣ або при жорнахъ, горюе цѣлѣсенькій день, томить ся, працюе, якъ волъ у ярмѣ, прійде вечѣръ, пойде собѣ на весели вечерницѣ и тамъ середъ молодечого гумору, середъ тысяча розличныхъ казокъ, обрядовъ, ворожбы, затихають на серци всѣляки муки, здае ся, що и руки якось такъ тяжко не болять одъ роботы, а на души колише ся радость, поки та молодеча веселость перемѣшана зъ дѣвочимъ та парубочимъ гуморомъ. Кто хоче добре познати нашъ простый людъ зъ его веселои стороны, кто хоче наслухати ся его прехорошихъ казокъ, зимовымъ обрядамъ, а при томъ познати свѣтоглядъ нашого селянина, той най иде на вечернищѣ. Менѣ ще до пынѣшного дня гомонять въ ушахъ розлични переспѣвани на вечерницяхъ дѣвчатами та парубками пѣсни, привиджують ся розлични ворожбы та обряды, а въ конци пригадують ся казки, котрыхъ я маленькимъ хлопцемъ въ батьковской хатѣ на вечерницяхъ наслухавъ ся» [1]).

Говоря о вечерницахъ юго-западнаго края, Чубинскій замѣчаетъ, что парубки «никогда не позволяютъ себѣ вступать съ дѣвушками въ интимныя сношенія, а напротивъ каждый парубокъ заботится о своей невѣстѣ и бережетъ ее. И горе той дѣвушкѣ, которая позволитъ себѣ вступить съ кѣмъ либо въ интимныя сношенія! Ее опозорятъ и не пріймутъ въ компанію; въ ту-же самую ночь парубки «выставлять ворота коло ін двора, наколотять сажи зъ водою та пообмазують зо всихъ бокивъ хату [2]).

[1]) *Зоря*, 1885 г., № 3.

[2]) *Чубинскій*, т, VII, стр. 451.

Подобнаго рода свидѣтельство имѣется относительно вечерницъ полтавской губерніи. И здѣсь «вечернія и ночныя собранія молодежи основаны на самой чистой, строгой нравственности. Ни парень, ни дѣвушка не позволятъ себѣ нескромности, оскорбляющей добрые нравы» [1]).

Священникъ Никоновъ, описывая вечерницы малорусскихъ крестьянъ воронежской губерніи, объ ихъ нравственной сторонѣ говоритъ слѣдующее: «властямъ, руководящимъ нравственнымъ преуспѣяніемъ нашего народа, всегда казалось и вѣрно всегда будетъ казаться, что малороссійскія вечерницы—порожденіе князя тьмы, омутъ разврата и гибель всего лучшаго въ человѣкѣ; отсюда тѣ строгія и длинныя инструкціи, которыми въ избыткѣ надѣляются молодые дѣятели на поприщѣ нравственнаго руководства поселянъ, отсюда и та ревность не по разуму у сихъ послѣднихъ, отъ которой приходы нерѣдко болѣе страдаютъ, чѣмъ благоденствуютъ и преуспѣваютъ... На самомъ дѣлѣ вечерницы тоже у низшаго класса, что домашніе вечера у высшаго, по крайней мѣрѣ они ни чуть не безнравственнѣе бальныхъ танцевъ и гораздо нравственнѣе маскарадовъ; а если посерьёзнѣе посмотрѣть на послѣдствія сказанныхъ увеселеній у тѣхъ и другихъ, если обсудить цѣль собранія молодежи тамъ и здѣсь, то выйдетъ, что преслѣдовать на вечерницахъ рѣшительно нечего... если не хотятъ только одной безполезной ломки національныхъ вѣковыхъ обычаевъ, которые вообще не уступаются народомъ дешево» [2]).

Число свидѣтельствъ о нравственномъ характерѣ малорусскихъ вечерницъ можно значительно увеличить. Достаточно будетъ добавить, что о томъ-же говорятъ Аѳанасьевъ-Чужбинскій въ Словарѣ малор. нарѣчія (стр. 101) и Н. И. Костомаровъ въ «Бесѣдѣ» 1872 г. (т. IV, стр. 49).

Существуетъ значительное число свидѣтельствъ о томъ, что великорусскія посидѣлки и увеселенія на нихъ также вполнѣ нравственны, притомъ свидѣтельства о нравственномъ характерѣ великорусскихъ посидѣлокъ большею частью исходятъ отъ такихъ безпристрастныхъ судей, какъ сельскіе священники. По словамъ Жаравова [3]) и свящ.

[1]) *Этногр. Сборн.* т. III, стр. 32.

[2]) *Никоновъ*, въ „Трудахъ Вольно-Эконом. Общ., 1874 г., т. III, стр. 332.

[3]) *Москвитянинъ*, 1853 г., т. XIII, стр. 3.

Доброзракова [1]), въ архангельской и нижегородской губерніяхъ парни, посѣщающіе вечеринки, держатъ себя вполнѣ благопристойно.

Замѣченный этнографами въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вечериночный развратъ представляется такимъ образомъ остаткомъ первобытной, почти животной простоты половыхъ отношеній. Нельзя отрицать возможности въ нѣкоторыхъ случаяхъ возникновенія вечериночной распущенности нравовъ въ позднее время, какъ результата вреднаго, развращающаго вліянія заводовъ и фабрикъ. Мнѣ приходилось наблюдать черезъ знакомыхъ парубковъ за вечерницами въ двухъ малорусскихъ селахъ харьковской губерніи, отстоящихъ одно отъ другаго на разстояніи около двадцати верстъ. Одно село глухое и бѣдное, съ плохенькой школой, съ небольшой деревянной церковью; другое село торговое, богатое, вблизи сахарнаго завода, съ образцовымъ двукласнымъ училищемъ, съ четырьмя каменными церквами, съ признаками измѣненія народныхъ обычаевъ, выражающимися, между прочимъ, въ томъ, что всѣ женщины приняли мѣщанское платье. Въ глухомъ селѣ вечерницы не вызываютъ порицанія со стороны благонамѣренныхъ мѣстныхъ стариковъ, потому что проходятъ мирно, тихо. Въ богатомъ селѣ на вечерницахъ случается буйство, драка; бываетъ, пьяные парубки стучатъ въ окна и требуютъ, что-бы ихъ впустили въ хату, когда уже потушена свѣча, причемъ бьютъ окна, разламываютъ тыны, портятъ печь. Неудивительно, что мѣстное населеніе относятся къ вечерницамъ очень враждебно и не даетъ для вечерницъ хаты.

На вечерницахъ бываютъ иногда ссоры и драки, кончающіяся даже убійствами; но все это бываетъ такъ рѣдко и самыя убійства и членовредительства совершаются при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ и большею частью по такимъ исключительнымъ мотивамъ, что вмѣнить ихъ въ вину собственно вечерницамъ нѣтъ возможности. Такъ, въ прошломъ 1885 году въ г. Богодуховѣ харьковской губерни досвитковые парубки убили одного изъ своихъ товарищей, «позволявшаго себѣ оскорбить цѣломудренный характеръ вечерницъ» [1]). Въ с. Стецовкѣ, александрійскаго уѣзда херсонской губерніи, парубокъ, не успѣвъ расположить къ себѣ на вечерницахъ

---

[1]) *Этногр. Сборн.* т. I, стр. 55.

[2]) *Харьк. Губ. Вѣд.*, 1885 г., № 279.

одну дѣвушку замѣчательной красоты, нанесъ ей такіе побои, что дѣвушка впала въ умопомѣшательство [1]). Здѣсь кстати будетъ упомануть объ одномъ часто повторяющемся газетномъ сообщеніи. Въ «Южномъ Краѣ», потомъ въ «Зарѣ» 1884 № 25, переданъ былъ такой чудовищный фактъ: «въ м. Боркахъ, зеньковскаго уѣзда, собрались «парубки» и «дивчата» на «досвитки», причемъ каждый захватилъ изъ дому кое-что нъ «вечерю», кто пшена, кто сала и т. п. Недоставало только мяса. Посовѣтовавшись между собою, «парубки» рѣшились украсть гдѣ нибудь барана, причемъ жребій палъ на одного зажиточного казака изъ того же мѣстечка, у котораго и выкрали изъ овчарни овцу. Снявъ уже шкуру и приготовивъ мясо, «парубки» вдругъ вспомнили, что между ними находится дочь того самаго казака, у котораго украдена овца. Испугавшись послѣдствій, похитители рѣшились покончить съ опасной свидѣтельницей и, не долго думая, схватили ее, заткнули ротъ коноплей, связали и зарыли въ землю. Скрыть преступленіе однако же не удалось и на другой же день все обяснилось.

Такое звѣрское преступленіе можетъ навести на самыя грустныя мысли о народной нравственности и въ особенности возбудить отвращеніе къ вечерницамъ. Мы, однако, сильно сомнѣваемся въ самой справедливости сообщенія, особенно когда постоянно встрѣчаешь его повторяющимся въ разныхъ газетахъ изъ года въ годъ, съ сохраненіемъ однѣхъ и тѣхъ же ужасающихъ подробностей, только въ примѣненіи къ разнымъ мѣстностямъ. Такъ, тоже самое сообщеніе, съ небольшими амплификаціями, напечатано въ 70 № «Русск. Вѣдомостей» 1885 г. Здѣсь говорится, что преступленіе совершено на вечерницахъ въ Александровской слободѣ Міусскаго округа, что на вечерницахъ было до 30 человѣкъ. что дѣвушка грозила парубкамъ, укравшимъ ягненка, «острогомъ», что парубки, убивъ ее, зарыли въ скирду соломы. Можетъ быть, что-нибудь подобное и случилось гдѣ-нибудь и было сообщено въ газеты; затѣмъ «ужасная исторія» пріобрѣла всѣ свойства бродячей, странствующей повѣсти. Корреспондентамъ нѣтъ охоты доканываться, вѣрно или невѣрно то, что они слышатъ; нуждаясь въ матеріалѣ для корреспонденцій, захолустные корреспонденты мелкихъ провинціальныхъ

[2]) *Заря*, 1884 г., № 151.

газетъ рады всякому слуху, особенно пикантному, съ уголовщиной, и несутъ его услужливо въ газеты; и странствуетъ слухъ потомъ по градамъ и весямъ русской земли, обращаетъ иногда на себя вниманіе начальства и въ газетѣ является «опроверженіе». А сказка растетъ и движется, по тѣмъ же законамъ литературнаго странствованія, по какимъ индусскія и персидскія сказки проникли въ русскія народныя пѣсни, сказки и лубочныя картинки.

Если допустить, что вечерницы безнравственны, преступны, то и въ такомъ случаѣ насильственное уничтоженіе ихъ не подниметъ народной жизни, такъ какъ корень безнравственности, наклонности къ преступленіямъ лежалъ бы все таки не въ вечерницахъ, а въ самой народной жизни, народномъ характерѣ. Пониженіе нравственнаго уровня вечериночныхъ гуляній должно указывать на пониженіе нравственнаго характера народа, на общую болѣзнь народной жизни, и лѣчить ее нужно было бы не запрещеніями, а мѣрами созидательными въ нравственномъ отношеніи.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

ТУРЕЦКІЕ АНЕКДОТЫ

ВЪ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(Окончаніе) [1]).

XII.

Подобно подставкѣ цыгана вмѣсто Наср-Эддина Ходжи, въ другихъ украинскихъ отголоскахъ его похожденій подставляется другой иноплеменникъ, *жидъ*, и также противурѣчиво.

Такъ мы слышали, какъ разсказъ «о глупыхъ жидахъ», слѣдующій анекдотецъ о Наср-Эддинѣ:

«Кто-то въ домѣ Ходжи былъ боленъ; (знакомые) пришли узнать о его здоровьи.—«Совсѣмъ было выздоровѣлъ утромъ, отвѣчаетъ тотъ, но теперь умеръ» [2]).

XIII.

«Глупость жидовъ» выведена и въ болѣе длинномъ разсказѣ о возвратившемся съ того свѣта: разсказъ этотъ напечатанъ у Чубинскаго въ двухъ варіантахъ. Въ первомъ [3]) жидъ шинкарь поѣхалъ въ лѣсъ за дровами, а шинкарка осталась дома. Къ ней приходитъ «пьянюжка, та сивъ, та й дума». Еврейка спрашиваетъ его: «видкиля ты, чоловиче, йдешь?»—«Зъ того свита», каже.—«Ци не бачивъ ты тамъ мого батька, та ёго (мужа) матери».—«Чомъ же не бачивъ? бачивъ!»—«Що-жъ вони роблять?»—«Що роблять? Батькомъ твоимъ лозу въ пекло возять, а мати гола, боса, та ще простоволоса, кизъ пасе».—«Ну, роскази бо, роскази дрибницъ», пристала она къ нему.—«Ну, давай осьмушку, такъ роскажу».

Такимъ образомъ пьяньчужка выманилъ у жидовки нѣсколько осьмушекъ, вещи для передачи родственникамъ на томъ свѣтѣ и

[1]) См. „Кіев. Стар.“, февраль. кн. 1886 г., стр. 209—236.

[2]) Sottisier, CCLIX; Plais, XLVI.

[3]) Труды Этногр.-стат. экспед., т.II, 577—578.

коня, очевидно, для болѣе скорой доставки. Возвратившійся жидъ самъ садится на коня догонять обманщика. Догнавши, онъ простираетъ свою глупость до того, что говоритъ пьяньчужкѣ: «ну подержъ коня, а я побижу въ лисъ та выломаю лозину, бо ничимъ тебе бити». Конечно пьяньчужка уходитъ съ лошадьми, а жидъ, вернувшись домой, оправдывается передъ женою: «воно якъ росказало мени, сцо тамъ робиться на тимъ свити, такъ я й свого коня ёму дало!»

Въ другомъ варіантѣ начало, плохо привязанное къ этой темѣ, принадлежитъ къ другому сюжету, а дальше идетъ сходная съ предидущимъ исторія, только прохожій сообщаетъ, чго родители евреевъ на томъ свѣтѣ воду возятъ дя песокъ, и не получаетъ отъ жидовки коня. Полученіе коня у жида разсказано такъ: «догоня (жидъ), коли чоловикъ той побачивъ жида, та швидче до дерева, та притулився спиною, та й стоить. Отъ жидъ и пита: «ци не бацивъ ты, ци не ишовъ тутъ цоловикъ?»—«Бачивъ, каже; оце недавно пройшовъ». —«Будь ласкавъ, дожени ёго, я тоби коня свого дамъ».—«Э, не можна, мени треба дерево держати!.. Хиба подержишъ дерева, а я поиду». Воротившись домой, жидъ на вопросъ жены отвѣчаетъ: «догнавъ, та якъ роспитався, такъ и коня ще давъ, щобъ на ихъ тамъ не возили» [1]).

Эту самую исторію мы походимъ въ шуткахъ Наср-Эддина безъ всякихъ жидовъ.

«Разъ, когда Ходжа плелся грустный, онъ встрѣтилъ одну женщину.

— Откуда ты идешь въ такомъ видѣ, Ходжа? говоритъ она ему.

— Возвращаюсь изъ ада!

Баба начинаетъ плакать.

— Не видѣлъ ли ты тамъ моего сына? продолжаетъ она.

— Видѣлъ; вѣдь онъ умеръ, не уплативъ долга, такъ его не пускаютъ въ рай.

— А какъ великъ его долгъ?

— Тысяча аспровъ; жена его, добавляетъ Наср-Эддинъ, въ раю, а мужъ никогда не можетъ попасть туда иначе, какъ за тысячу аспровъ.

---

[1]) Труды этногр.-стат. эксп., т. II, стр. 572—573.

— А когда ты, спрашиваетъ баба, назадъ туда воротишься?

— Сейчасъ же.

— Ну, говоритъ ему она; вотъ тысяча аспровъ; бѣги немедля, кончи это дѣло!

Возвращается она домой; мужъ былъ тамъ.

— Я получила новости о нашемъ сынѣ, говоритъ она; такъ какъ онъ не могъ войти въ рай иначе, какъ за 1000 аспровъ, то я ему передала ихъ.

— Кому же ты дала эти деньги?

— Ходжѣ.

Не медля мужъ бѣжитъ въ догонъ за послѣднимъ. Наср-Эддинъ, видя его, бѣжитъ въ мельницу.

— Видишь ты этого человѣка, который бѣжитъ? говоритъ онъ мельнику; это судебный приставъ идетъ тебя арестовать.

— Что жъ мнѣ дѣлать? говоритъ мельникъ, весь перепуганный.

— Бери мое платье, я надѣну твое, полѣзай на это дерево и сиди тамъ.

Едва они помѣнялись платьями, и мельникъ успѣлъ спрятаться на деревѣ, какъ прибѣгаетъ тотъ мужъ. Но онъ видитъ только Ходжу, переодѣтаго мельникомъ, который тотчасъ же принимается глядѣть на дерево. Человѣкъ тоже смотритъ и видитъ тамъ мнимаго Ходжу. Такъ какъ онъ былъ на лошади, то слазитъ, даетъ ее держать мнимому мельнику, потомъ, что-бъ не испортить платья, взбираясь на дерево, раздѣвается. Не долго думая, Ходжа схватываетъ его платье и садится на лошадь.

— Товарищъ, кричитъ онъ своей жертвѣ, удаляясь, не узнаешь ли ты меня теперь?

При этихъ словахъ, бѣдный мужъ оставляетъ атаку на мельника, слѣзаетъ съ дерева и возвращается домой, голый и безъ лошади.

— Ну, спрашиваетъ его жена, что-жъ ты сдѣлалъ?

— Я догналъ Ходжу; все, что онъ тебѣ разсказалъ, правда, сказалъ онъ, что-бъ избѣжать упрека, и въ награду за его доброе намѣреніе, я далъ ему коня и платье» [1]).

---

[1]) Sottisier, CCXIX.

Что-бъ отмѣтить извѣстную долю реализма въ этой каррикатурѣ (очевидно сатирѣ на вымогательства ходжей),[1]) мы напомнимъ, что Ходжа, конечно, долженъ былъ пользоваться извѣстнымъ довѣріемъ и кромѣ того отличался особою одеждою,—обстоятельство, дѣлающее хоть нѣсколько правдоподобною послѣднюю половину разсказа. Сравнивъ въ подробностяхъ турецкій и украинскіе разсказы, мы увидимъ, какъ въ послѣднихъ перепутаны и плохо переданы частности и мотивы перваго, что уже одно говоритъ въ пользу относительной оригинальности турецкаго разсказа.

Подобно анекдоту о говорящемъ мертвецѣ, и этотъ распространился у разныхъ европейскихъ народовъ, болѣе или менѣе отклоняясь отъ турецкаго оригинала въ подробностяхъ и наконецъ перепутываясь съ мотивами изъ другихъ разсказовъ родственнаго характера [2]).

Извѣстенъ еще одинъ украинскій варіантъ этой же исторіи, не только болѣе гладкій по разсказу, но и съ большими усиліями осмыслить мотивы дѣйствій и обставить ихъ мѣстными бытовыми чертами. Это разсказъ: «*Чоловикъ видъ Богу*», помѣщенный у г. Шейковскаго, въ «Бытѣ Подолянъ» (вып. II, 68—72). Тутъ обманъ жидовки обусловленъ тѣмъ, что она невѣрно понимаетъ отвѣтъ мужика, что

---

[1]) Въ родѣ корсиканской о томъ, какъ священникъ берется вывести отца крестьянина изъ чистилища (Ortoli, Les contes pop. de l'île de Corse. P. 1883, 273—277).

[2]) Проще сохранилась основная тема въ бискайскомъ варіантѣ (Vinson, de folk-lore du pays Basque, 112—114), во французскихъ (Jeanne et Brimborian, въ Romania, 1877, 548—550, Mélusine, 1878, 135), въ бретонскомъ (Mélusine, 1878. 133), въ англійскомъ (Mélusine, 1878. 352), валашскомъ (Schott, Walach. Märchen, № 43); дальше отъ турецкаго и вмѣстѣ нашего варіанты: моравскій (Wenzig, Westslavisches Märchenschatz, 41—44). нѣмецкій (Grimm, № 104) и великорусскій (Аѳанасьевъ, т. III, стр. 344—352). Дальше этихъ всѣхъ жмудскій (Weckenstedt, Die Mythen, Sagen und Legenden der Żamaiten, 1883, V—VI, 42—43). Старонѣмецкій писанный варіантъ находится въ книгѣ крещенаго еврея, франциканца Паули Schimpf und Ernst (первое изданіе въ 1522). Здѣсь роль Ходжи исполняетъ странствующій школяръ; разсказъ простъ, близокъ къ турецкому, но переодѣваніе мельникомъ уже опущено, а дерево превратилось въ лѣсъ, въ который будто-бы ушелъ обманщикъ (Schimpf und. Ernst, 85—ste Publikation des Liter. Vereins in Stuttgart, 274, № CCCLXIV). По канвѣ Паули, Гансъ Сакъ (1495—1576) сдѣлалъ комедію (въ родѣ нашихъ интермедій) Der Schwank von dem fahrenden Schüler im Paradies.

онъ идетъ *видъ Богу*, т. е. отъ рѣки, которая по малорусски называется Богомъ а не Бугомъ [1]). Во второй половинѣ подниранiе дерева мотивировано особымъ видомъ панщины [2]). Панщину встрѣчаемъ мы въ этомъ варiантѣ и въ аду. «Чоловикъ видъ Богу» говоритъ жидовкѣ, что ея отецъ возитъ на себѣ дрова и тѣмъ отправляетъ панщину, и на восклицанiе жидовки: «Ой вей міръ! то й тамъ панщину!» отвѣчаетъ злою, хотя, по ходу разсказа, въ разговорѣ съ жидовкой, совсѣмъ лишней картинкой:

— А ты думала, що тамъ нема панщины? Паны й тамъ панами! Воны соби сидять у котлахъ зо смолою, а мы пидкладаемъ дрова пидъ котлы, роспалюемъ, мишаемъ у котлахъ смолу, щобъ панамъ добре було въ нiй, щобъ воны добре укипилы.

Эта уже *чисто украинская* вставка обратилась потомъ въ самостоятельный анекдотецъ, у Чубинскаго (т. II, стр. 648).

«Иде бидный мужикъ дорогою, а панъ йде шистьма киньми и пытаеться ёго:

— А звидки ты, чоловиче?

А винъ каже:

— Съ тамтого свиту.

— А що жъ, каже, наши батьки роблять?

— А що жъ, вельможный пане; панамъ всюды добре; къ котлахъ сидять, люльки палять. а бидный мужикъ дрова рубае и пидъ ними палить.

А той панъ каже:

— А неправда, дурно!

---

[1]) Подобнымъ же каламбуромъ старается осмыслить разсказъ и англiйскiй варiантъ, въ которомъ обманщикъ является изъ Whitehaven (Бѣлая гавань), а баба слышитъ вм. *haven—heaven* (небо).

[2]) Это подниранiе, котораго нѣтъ ни въ какихъ другихъ варiантахъ, очевидно, образовалось изъ воспоминанiя о деревѣ въ варiантѣ Наср-Эддина. Въ варiантѣ валашскомъ невозможность обманщику сойти съ мѣста мотивирована тѣмъ, что онъ будто держитъ подъ шапкою рѣдкую птицу; тоже и въ моравскомъ и въ великорусскомъ варiантѣ, въ которыхъ впрочемъ этотъ обманъ продѣлываетъ не тотъ, который будто-бы пришелъ съ того свѣта, а мужъ или сынъ обманутой бабы, который идетъ искать людей глупѣе ея. По словамъ г. Де-Губернатиса, подобный разсказъ есть и въ Италiи (Mythologie Zoologique, I, 217). Очевидно, и эти послѣднiя разновидности, начиная отъ валашской, должны имѣть своего предка на Востокѣ.

И взявъ, застыдився и поихавъ».

Тутъ украинскій юморъ попалъ въ свою сферу и нашелъ должное количество соли и сжатую ловкость разсказа [1]).

XIV.

Одинъ изъ вышеупомянутыхъ варіантовъ Чубинскаго о передачѣ посылокъ на тотъ свѣтъ привязанъ къ такому вступленію:

«Повизъ мужикъ продавать гарбузы. Прыйшовъ жидъ та й каже:

— Цоловице, цоловице! Сцо тоби за цей гарбузъ?

— Сто рубливъ, каже.

— А цого се винъ такій дорогій?

— А, бачъ, якъ посидишъ на цимъ гарбузи, то высидишъ такого жеребця, що ніяка тройка не збижить.

Отъ жидъ и купивъ той гарбузъ; принисъ до дому, сивъ на нёму и сидить. А жидивка й каже:

— Та буде вже тоби сидить! винъ вже просмердився; выкинь ёго геть.

Отъ жидъ и понисъ, а передъ хатою бувъ гаёкъ. Винъ якъ кинувъ ёго пидъ кущь, а тамъ бувъ заяць, та якъ выскочить видтиля, а жидъ давай кричать: косюроцка, косюроцка!.. Приходить жидъ до дому и почавъ лять жинку:

— А сцобъ ты не доздала мене посылать выкидать ёго! Сце якъбы троски посидивъ, тобъ зеребець вылизъ; а то якъ выскоцивъ, та такій хоросый, а я—косюроцка, косюроцка, а винъ и втикъ [2])».

---

[1]) Подробность о возьбѣ дровъ въ пеклѣ, обращенная съ жида на пана, встрѣчается, какъ вставка, въ фантастическую сказку объ исполненіи трудныхъ задачъ у г. Рудченка (Южн.-рус. нар. сказки, т. I, стр. 96). Въ жмудскомъ варіантѣ видно то-же желаніе внести соціальную идею въ чужой разсказъ о „человѣкѣ съ неба“; тутъ обманщикъ говоритъ бѣднымъ, что ихъ родичи живутъ на томъ свѣтѣ хорошо, и обираетъ только богатыхъ. Нѣчто въ родѣ вышеприведеннаго украинскаго разговора мужика съ паномъ встрѣтили мы у трансильванскихъ нѣмцевъ въ разсказѣ о состязаніи барина и мужика въ изобрѣтеніи лжи, которая должна показаться другому невѣроятной. Мужикъ говоритъ, что онъ видѣлъ, какъ „на небѣ сидятъ за длиннымъ столомъ одни мужики и пьютъ сладкое вино, а въ аду заключены все баре, и черти поджариваютъ ихъ на спицахъ“. Баринъ кричитъ: „врешь, врешь!“ и проигрываетъ закладъ (Haltrich, op. cit., 58). Интересно, что въ Грузіи состязанія въ выдумкахъ приписываются Наср-Эддину (Бебуръ Б. op. cit., 45—47).

[2]) Труды, т. II. стр. 571—572.

Вступленіе это есть въ свою очередь отголосокъ отдѣльнаго разсказа о Наср-Эддинѣ, въ которомъ роль глупаго жида играетъ самъ Наср-Эддинъ. Вотъ этотъ разсказъ.

Ходжа собирался разъ рубить дрова въ горахъ. Онъ взялъ съ собою арбузъ (кавунъ) и отправился. Но по дорогѣ арбузъ выпалъ изъ подъ руки и покатился внизъ. На томъ мѣстѣ спалъ заецъ; перепуганый арбузомъ, онъ бросился бѣжать.

— Какой грубый промахъ далъ я, вскричалъ Ходжа, при видѣ зайца: арбузъ-то былъ беременный; онъ родилъ-бы мула!

Съ этими словами онъ пошелъ себѣ и сталъ рубить дрова безъ перерыву. Воротившись домой, онъ разсказалъ женѣ свое приключеніе.

— Ахъ, мужъ мой, вскричала жена: нужно было взять его (мула) и привести сюда, чтобъ ѣздить на немъ въ садъ и огородъ.

Тутъ Ходжа беретъ палку въ руки и говоритъ:

— Слѣзай сейчасъ; онъ еще слишкомъ молодъ; ты ему сломишь спину [1])!

Какъ видимъ, тутъ Ходжа является не такимъ уже набитымъ дуракомъ, какъ жидъ въ нашемъ варіантѣ. Но все таки и въ турецкомъ разсказѣ есть несообразности, слишкомъ большія даже для каррикатуры. Дѣло въ томъ, что турецкій разсказъ самъ отголосокъ индійскаго, котораго примѣръ находимъ опять въ упомянутыхъ выше приключеніяхъ жреца Парамарта и его учениковъ.

Тутъ дѣло начинается съ того, что одинъ изъ учениковъ вышелъ изъ монастыря искать пропавшую корову и пришелъ въ поле, гдѣ увидѣлъ на плотинѣ много кобылъ, а сбоку какія-то круглыя вещи (тыквы), какихъ онъ никогда прежде не видѣлъ. На вопросъ его, что это такое, мужики отвѣтили ему: «какъ, ты не знаешь столь обычныхъ вещей? Это кобыльи яйца». Монахъ спросилъ, можно-ли ихъ купить и за какую цѣну?—и получилъ отвѣтъ: «это не наши, но вѣрно можно; обыкновенно продаютъ ихъ по 5 пагодъ» (около 15 рублей).

Здѣсь мы должны напомнить читателю, что индійскіе отшельники выбираютъ себѣ обыкновенно для жилья дремучіе лѣса, такъ что каррикатурное вмѣненіе монахамъ Парамарга незнанія, что

[1]) Sottisier, LXXXIV.

такое тыква, не такъ уже несообразно, какъ подобные разсказы о Ходжѣ, или о нашемъ жидѣ.

Довольный открытіемъ, ученикъ возвращается въ монастырь и получаетъ полномочіе съ товарищемъ купить кобылье яйцо. Пока они ходятъ, въ монастырѣ идетъ разсужденіе о томъ, что недостаточно добыть конское яйцо, а надо еще высидѣть его. По очереди монахи доказываютъ каждый, что они не могутъ, имѣя спеціальныя обязанности, сидѣть на яйцѣ; тогда за это берется самъ настоятель, такъ какъ у него весь день свободенъ. Между тѣмъ два монаха приходятъ къ хозяину тыквъ покупать кобылье яйцо. Сообразивъ по первому ихъ вопросу, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, мужикъ заявляетъ покупателямъ, что онъ возьметъ дорого, такъ что врядъ-ли они въ состояніи заплатить такія деньги.—«Что?! восклицаютъ хитрые покупатели: ты думаешь, намъ это впервые? За дураковъ, что-ли ты принимаешь насъ? Мы знаемъ прекрасно цѣну этихъ яицъ; ихъ вездѣ можно купить за пять нагодъ!» Мужикъ соглашается уступить «собственно для нихъ», но съ условіемъ, чтобъ никому не разсказывали, иначе ему невозможно будетъ продолжать торговлю. Въ восторгѣ отъ сдѣлки, монахи спѣшатъ домой, при чемъ одинъ несетъ яйцо на головѣ и толкуетъ о прелести монашескихъ подвиговъ и добродѣтелей, за которыя дается такая награда, какъ пріобрѣтеніе за ничтожную плату столь дорогой вещи, какъ вдругъ несущій наталкивается на вѣтку дерева; тыква катится, разбивается и спугиваетъ зайца. Монахи принимаютъ его за лошенка и бѣгутъ догонять, но напрасно. Пробѣгавъ цѣлый день, изодранные, оцарапанные, разбитые возвращаются они въ монастырь и въ отчаяніи разсказываютъ свое горе, расхваливая того лошенка, какого они потеряли. Настоятель успокаиваетъ ихъ, говоря, что если лошенокъ маленькій да уже обнаружилъ такую живость, то, выросши, врядъ-ли и подпустилъ бы къ себѣ кого нибудь, а потому онъ самъ и не рѣшился-бы и ѣздить на немъ [1]).

Сравнивъ эту редакцію съ турецкою, явно видимъ, которая изъ нихъ оригиналъ, а которая отголосокъ, а также видимъ, что турецкая редакція, хотя и плоховато, усвоила начало разсказа, а во второй половинѣ усложнила основную тему мотивомъ пылкости фангазіи женской, которую мужъ укрощаетъ, становясь на ея-же

[1]) Sottisier, XXXIV, 15—27.

точку зрѣнія [1]). Въ такомъ усложненномъ, очевидно *литературномъ* видѣ, разсказъ этотъ и не могъ удержаться въ устной словесности, которой болѣе по плечу была первоначальная индійская редакція, каковая, конечно, распространилась и по передней Азіи. Этимъ и должно быть объяснено то обстоятельство, что варіанты этого разсказа мусульманскіе и европейскіе, въ томъ числѣ и украинскій, ближе къ индійскому, чѣмъ къ вышеприведенному Наср-Эддинову.

Изъ этихъ варіантовъ намъ извѣстны два *алжирскіе:* арабскій [2]) и кабильскій [3]), *хорватскій* [4]) и нѣсколько *французскихъ* [5]).

Въ Италіи заключеніе этого анекдота (заецъ, выбѣжавшій изъ подъ куста) прицѣпилось къ довольно распространенной шуткѣ о мужчинѣ, вообразившемъ себя беременнымъ, вслѣдствіе подмѣны бутылки съ жидкостію, приготовленной для медика [6]). Ту-же самую комбинацію находимъ и въ разсказахъ въ В. Бретани [7]) и въ старонѣмецкомъ стихотвореніи Der Swanger Münch [8]).

---

[1]) Эта приставка напоминаетъ развязку мечтаній простоватой пары въ 21 гл. монгольской книги Шидди-Куръ (передѣлка съ индійской); здѣсь жена мечтаетъ купить на выручку отъ найденныхъ клочковъ шерсти ослицу, чтобъ отъ нея получить осленка. При этомъ мальчикъ глупой пары проленеталъ: „я на немъ буду ѣздить". Мать кричитъ: „ты переломишь осленку спину!"—и бьетъ сына по головѣ. Мальчикъ умираетъ (Jülg. Mongolische Märchen. Innsbruck, 1868, 42—43). Подобная параллель знаменитой баснѣ о разбитомъ горшкѣ (Панчатантра, V, 9) увлекла турецкаго разсказчика отъ первой темы. Мы слышали, что разсказъ, совершенно подобный монгольскому, существуетъ въ Великороссіи.

[2]) Въ книгѣ Pharaon—Spahis, Turcos, Goumiers. P. 1864, 200—203.

[3]) Rivière, Recueil de contes pop. de la Kabilie, 1882, 173—174. l'enfant et la pastèque.

[4]) Krausz, Sagen und Märchen der Südslaven, 1884, II, № 114.

[5]) Sébillot, Contes populaires de la Haute-Bretagne, 2—série, 1881, № XLVIII, Mélusine, 1885. 423, 493.

[6]) Pitrè, Fiabe, № CCLXIII; тамже IV, 413—414, id. Novelle p. toscane, № LXV, prete pregno.

[7]) Κρυπτάδια, II, 91—99.—Въ одномъ изъ послѣднихъ начало о томъ, какъ малообразованный священникъ считаетъ дни недѣли по яйцамъ, которыя несетъ ему курица и пропускаетъ воскресенье, потому, что служанка съѣла одно яйцо, напоминаетъ разсказъ, какъ Наср-Эддинъ считаетъ по камушкамъ дни Рамазана и какъ дочка его бросила въ его горшокъ двѣ горсти камушковъ (Sottisier, XLI). Нѣкоторое, впрочемъ очень отдаленное, подобіе этого разсказа представляетъ разсказъ у Рудченка.—Южно-рус. нар. ск., т. II, стр. 198—199.

[8]) V. Hagen, Fesammtabenteuer, 1850, № XXIV. Тамже и обзоръ близкихъ варіантовъ.

Всѣ европейскіе варіанты о высиживаніи мула или лошади лишены всякаго общественно-сатирическаго смысла; приписывая приключеніе по большей части набитому дураку, нѣкоторые изъ нихъ приноровлены для сосѣдскаго зубоскальства, какъ напр. одинъ изъ французскихъ разсказовъ о жителяхъ городка *St. Maixent* и огородникахъ въ окрестностяхъ *Niort* и нашъ о жидѣ. Кабильскій варіантъ даже конфузится приписывать приключеніе кому либо иному, кромѣ ребенка. Хорватскій варіантъ поставляетъ дѣйствіе разсказа въ то время, когда люди въ Хорватіи не знали еще тыквъ, а сѣмена тыквы занесла птица. Послѣ опыта съ высиживаніемъ люди разсмотрѣли плодъ, добыли сѣмена и узнали, что это такое.

Изъ названныхъ выше варіантовъ мы впрочемъ считаемъ нужнымъ остановиться на арабскомъ, который интересенъ по крайней мѣрѣ для уясненія путей распространенія народныхъ разсказовъ. Здѣсь простакъ (*Bou-hémar*) покупаетъ огромную тыкву невидимаго имъ прежде рода (*Kabouïa*) и узнаетъ отъ продавца, что это яйцо, изъ котораго можно за три дня высидѣть осленка, но только надо при этомъ соблюдать безусловное молчаніе. «Бабы болтливы!» думаетъ простакъ и рѣшаетъ высидѣть яйцо самъ, не смотря на то, что жена его увѣряетъ, что это просто тыква. Что-бъ не было ужъ очень скучно сидѣть, мужъ помѣщается у окна и строго выдерживаетъ свою роль. Но на третій день онъ замѣчаетъ свою жену съ любовникомъ, и не выдержавъ, кидаетъ въ ласкающуюся пару своей тыквой и спугиваетъ кролика, котораго и принимаетъ за осленка. Съ удвоенной яростію простакъ кидается на жену.

Варіантъ этотъ явно соединяетъ въ себѣ основу украинской редакціи ризсказа о высиживаніи лошенка жидомъ съ украинскою же редакціей разсказа о Наср-Эддинѣ и его женѣ, состязающихся въ продолжительности молчанія. Изъ сравненія украинскаго разсказа *Упрямая пара*, приведеннаго выше въ гл. VI, съ только что резюмированнымъ арабскимъ, оказывается, что даже существенныя особенности этой устной украинской редакціи отъ писанной турецкой должны принадлежать восточнымъ устнымъ варіантамъ [1]).

---

[1]) Обращаясь въ послѣдній разъ въ настоящей статьѣ къ похожденіямъ Парамарта, мы считаемъ не безполезнымъ замѣтить при этомъ случаѣ, что въ книжкѣ объ этихъ похожденіяхъ (31—33) находимъ и варіантъ исторіи суда цыгана у пана Потоцкаго (заплата звукомъ денегъ за пользованіе запахомъ

XV.

Разсказывая подобныя выше разсмотрѣнной исторіи о жидахъ, украинцы и сами чувствуютъ, что онѣ не очень то подходятъ къ дѣйствительности, а потому одинъ такой разсказъ у Чубинскаго (т. II, стр. 573) начинается съ такого предупрежденія: «жиды недавно стали де що тямити, а напередъ були дуже дурни». Очевидно, что подобные анекдоты служатъ теперь болѣе пріемомъ междуплеменнаго зубоскальства, чѣмъ художественно-реальнымъ, хотя-бы и каррикатурнымъ, изображеніемъ дѣйствительности. Такого зубоскальства не чужды и сами турецкіе анекдоты о Наср-Эддинѣ, въ которыхъ тоже иногда выводятся и жиды въ каррикатурномъ видѣ. Очень можетъ быть, что уже въ турецко-татарскихъ устныхъ передачахъ, отъ которыхъ собственно пошли наши вышеразобранные анекдоты, вставлены были и жиды, вмѣсто правовѣрныхъ и самаго Ходжи. А вотъ одинъ изъ разсказовъ, зашедшихъ и на Русь, въ которомъ уже въ турецкомъ писанномъ варіантѣ выставленъ жидъ съ цѣлью посмѣянія.

Разъ Ходжа прогуливался по Ак-Шеиру. — «Господи Боже мой! воскликнулъ онъ, дай мнѣ тысячу червонцевъ; я не возьму ни одной штукой меньше!» Около него случился жидъ, который подслушалъ эту молитву. Что-бъ узнать, что изъ этого выйдетъ, онъ

кушанья), переданной г. Б. П. въ Кіевской Старинѣ, 1885 г., окт. 367—470. Въ этой исторіи очень мало спеціально украинскаго „историко-этнографическаго колорита". Она издавна распространена на Востокѣ и Западѣ (кромѣ указанныхъ см. Fables turques, trad. p. Decourdemanche, P. 1882, № LXXVII; Le Cento novelle antiche, ed. L. Cappelletti. F. 1884, nov. VII; D'Ancona, Le fonti del Novellino, Romania, 1874, 166—167: Ulenspiegel, Lappenberg, 118—119; Schimpf und Ernst, № 48). Этотъ анекдотъ съ родни разсказу о судѣ древне-египетскаго царя Бохориса въ претензіи гетеры Тониды къ юношѣ, который обладалъ ею во снѣ (Плутархъ, Demetrius, 27) и слѣдовательно принадлежитъ къ числу самыхъ древнихъ восточныхъ разсказовъ. Замѣтимъ, что варіантъ г. Б. П. ближе къ индійскому и старинному итальянскому (XIII в.), который, по всей вѣроятности, пошелъ отъ арабскаго,—чѣмъ къ нѣмецкимъ, а потому, по всей вѣроятности, пришелъ на Украйну прямо съ Востока. Интересно, что въ индійской повѣсти разсказъ о платѣ за запахъ сообщается человѣкомъ *низшей касты*, который является и судьею въ дѣлѣ о требованіи съ Простака платы за пользованіе тѣнью быка, какъ у г. Б. П. *цыганъ*. *Не сами ли цыгане и занесли къ намъ этотъ разсказъ?— вопросъ, который можно поставить и относительно многихъ другихъ разсказовъ.*

кладетъ въ кошелекъ 999 червонцевъ и бросаетъ въ отверстіе трубы Ходжи [1]). Этотъ видитъ кошелекъ на землѣ.

— Господи, кричитъ онъ, ты исполнилъ мою молитву!

Онъ открываетъ кошелекъ, считаетъ монеты и находитъ, что одной не достаетъ.

— Тотъ, кто мнѣ далъ эти монеты, дастъ мнѣ и остальную; итакъ я принимаю! говоритъ онъ. При этихъ словахъ жидъ безпокоится, бѣжитъ и стучится въ двери Ходжи.

— Добрый день, господинъ Ходжа; отдай пожалуйста мои деньги.

— Съ ума ты сошелъ, купецъ! Я обратился съ молитвою къ Богу, который никогда не обманываетъ (да будетъ прославлено имя Его!) Богъ исполнилъ мою молитву, и какъ-же эти деньги могутъ быть твоими?

— Клянусь душей моей, это все шутка; право, это я пошутилъ съ тобою.

— Я не знаю, о какой шуткѣ ты говоришь!

— Я это сдѣлалъ потому, что услышалъ будто ты не возьмешь, если будетъ одной монетой меньше.

— Но вѣдь я сказалъ, что принимаю и такъ.

— Коли такъ, идемъ въ судъ.

— Ну, я пѣшкомъ не пойду!

Жидъ приводитъ ему коня.

— Мнѣ нужно также шубу на спину.

Жидъ доставляетъ и шубу. Являются они такъ въ судъ къ кади. Тотъ спрашиваетъ ихъ о дѣлѣ.

— Этотъ человѣкъ, говоритъ жидъ, взялъ мои деньги и отказывается отдать ихъ.

— Ты что на это скажешь? спрашиваетъ судья Ходжу.

— Господинъ судья, я просилъ тысячу червонцевъ у Бога, вѣчно праведнаго (да будетъ прославлено имя Его!) Онъ исполнилъ мою просьбу, но считая деньги, я нашелъ однимъ червонцемъ меньше; не смотря на это, я принялъ деньги [2]). Теперь этотъ жидъ не только тре-

---

[1]) Вар.: подкидываетъ по дорогѣ Ходжѣ.

[2]) Въ другомъ варіантѣ объ этой недостачѣ Ходжа не разсказываетъ судьѣ.

буетъ ихъ у меня, какъ свои, но хочетъ взять еще и шубу, что у меня на плечахъ, и коня, на которомъ я пріѣхалъ.

— Да, конечно, и это мое, господинъ судья! замѣчаетъ живо еврей.

— Иди къ чорту, жидъ! заключилъ кади, и безъ дальнихъ словъ, жида палками выгнали изъ присутствія, а Ходжа спокойно вернулся къ себѣ съ конемъ и шубой [2]).

Начало разсказа не совсѣмъ ясно. Слѣдуетъ предполагать, что дѣло пошло изъ-за испытанія твердости на словѣ, на которую, какъ извѣстно, претендуютъ мусульмане вообще, а турки въ особенности. Очень можетъ быть, что первоначально анекдотъ выдуманъ былъ евреями противъ мусульманъ, а послѣ уже мусульмане повернули его противъ евреевъ и прибавили вторую половину анекдота. Интересно, что приводимый ниже русскій отголосокъ этого анекдота хотя и напуталъ по обыкновенію, но все таки передаетъ начало его яснѣе двухъ извѣстныхъ намъ турецкихъ варіантовъ, тѣмъ, что упоминаетъ о спорѣ между жидомъ и цыганомъ (замѣнившемъ Ходжу) о томъ, чья вѣра больше. Русскій разсказъ напечатанъ у Аѳанасьева (т. III, стр. 479) безъ обозначенія мѣста его записи, но въ сосѣдствѣ съ украинскимъ разсказомъ *о цыганѣ и хохлѣ*, и по языку, кажется намъ переводомъ съ украинскаго или съ бѣлорусскаго.

«Однажды заспорилъ жидъ съ цыганомъ и говоритъ ему:

— Чуешь, цыгане! ты со мною не спорь, не то худо будетъ.

— А скажи, батиньку, отъ чего-бы такъ было мнѣ худо?

— Отъ того, что вѣра наша больше вашей.

— Э, нѣтъ, батиньку! наша вѣра больше вашей. Да вотъ: если я положу на дорогѣ девяносто девять цѣлковыхъ, вѣдь ты, жидъ, не утерпишь, возьмешь деньги себѣ, а послѣ божиться станешь, что не только не бралъ—совсѣмъ не видалъ! А если ты положишь, я ни за что не возьму!

Постой, думаетъ жидъ, узнаю-же я цыганскую правду! Побѣжалъ впередъ въ ту самую сторону, куда нужно было идти цыгану, положилъ на дорогѣ девяносто девять цѣлковыхъ, а самъ за кустъ спрятался и смотритъ, возьметъ-ли цыганъ деньги, или нѣтъ.

Вотъ и цыганъ показался; дошелъ до того мѣста, увидалъ кучу денегъ на дорогѣ, остановился и думаетъ: «навѣрно, это поганой

[1]) Les Plaisanteries, LVI; въ вар. Sottisier (XIX) дѣло обходится безъ коня и безъ палокъ.

жидъ съ-дуру насыпалъ! дай сосчитаю». Сосчигалъ—какъ разъ девяносто девять цѣлковыхъ.

— Такъ и есть жидовскія штуки! да ничего, что всѣхъ девяносто девять; я одинъ свой добавлю—будетъ ровно сто!

Забралъ деньги, положилъ за пазуху и пошелъ куда надо.

Жидъ выбѣжалъ изъ-за куста, нагналъ цыгана:

— Такъ-то, говоришь, ваша вѣра крѣпче нашей! зачѣмъ ты забралъ на дорогѣ мои деньги?

— Какія деньги! я ихъ и не видывалъ.

— Что ты, цыгане! отдай безъ грѣха; вить я нарочно положилъ, твоей правды пыталъ!

— Отвяжись, проклятый! Что ты пристадъ ко мнѣ? Я тебя совсѣмъ не знаю, впервой вижу.

Потащилъ жидъ цыгана до пана судиться.

— Э, батеньку! говоритъ цыганъ; на мнѣ одежа вся оборвана, какъ я пойду съ тобой къ пану?

— Жидъ подумалъ, что онъ не хочетъ идти къ пану—суда боится, снялъ съ себя кафтанъ:

— На! говоритъ, надѣвай мою одежу, а я твою надѣну.

Помѣнялись кафтанами и пошли къ пану судиться.

Жидъ разсказалъ все, какъ было, какъ спорили они о вѣрѣ—чья крѣпче и больше? и какъ завладѣлъ цыганъ его деньгами. А цыганъ стоитъ на одномъ: «знать не знаю, паночекъ! Привязался жидъ ни съ того ни съ сего; онъ, чего добраго, станетъ говорить, что и одежа-то на мнѣ его, а не моя!»

— Да, моя и есть!

Панъ плюнулъ имъ въ глаза и закричалъ на своихъ слугъ: «чортъ ихъ разберетъ! ведите обоихъ на конюшню, положите рядомъ да дайте кнутовъ!»

Потащили добрыхъ молодцовъ на конюшню. Жидъ кланяется, проситъ панскихъ слугъ: «голубчики! не кладите меня подъ цѣлой кнутъ, положите подъ конецъ кнута; я вамъ рубль заплачу!»

Вотъ положили ихъ рядомъ: цыгана подъ цѣлой кнутъ, а жида подъ кончикъ, и начали драть. Не такъ больно цыгану досталось, какъ его товарищу: славно ему постегали спину, едва портки натянулъ! Пошли они съ панскаго двора.

— Что, цыгане! говоритъ жидъ, будешь пана помнить? Мнѣ было горько, а тебѣ, чай вдвое; вить я недаромъ упрозилъ, да тебя подъ цѣлой кнутъ подвелъ!» [1]).

Выше мы высказали предположеніе, что анекдотъ о Наср-Эддинѣ и жидѣ сводный изъ двухъ. Мы основываемъ это предположеніе между прочимъ на томъ, что оба мотива этого анекдота ходятъ по свѣту и отдѣльно. Такъ напр. въ одномъ западно-сербскомъ разсказѣ *Čovjek i 99 dukata* [2]) находимъ только первую половину турецкаго: обманъ на деньгахъ до процесса, при чемъ тутъ нѣтъ жида, а дѣло идетъ между «человѣкомъ» и «богатымъ торговцемъ». Другую же половину—обманъ на платьѣ, на процессѣ, встрѣчаемъ въ другомъ сербскомъ разсказѣ, сводномъ изъ нѣсколькихъ мотивовъ, въ числѣ коихъ находится и упомянутая выше передача ударовъ о мужикѣ-дуракѣ, потомъ плутѣ, при чемъ тутъ мужикъ обманываетъ жида [3]).

Въ Великороссіи находимъ этотъ послѣдній мотивъ въ особой юмористической комбинаціи, въ исторіи плута и Егорія Храбраго. Въ «Русскихъ нар. легендахъ» Афанасьева (№ 12) цыганъ встрѣчаетъ Егорія, который идетъ къ Богу, и проситъ его узнать у Бога, чѣмъ ему, цыгану, жить, такъ какъ онъ «работать лѣнится, а воровать боится?» Егорій забываетъ порученіе, и въ другую поѣздку цыганъ береть у него золотое стремя, что-бъ святой не забылъ комиссіи. Богъ отвѣчаетъ: «а цыгану то и промыселъ, коли у кого что возьметъ да утанетъ; его дѣло обмануть да выбожить». Цыганъ начинаетъ съ того, что не отдаетъ Егорію стремени, потомъ продаетъ его барину за 1500 рублей; у барина есть съ собою только 1000, которые цыганъ и получаетъ тотчасъ-же, удержавъ стремя, и когда баринъ присылаетъ съ слугой остальные 500, цыганъ, взявъ ихъ, отказывается отъ уговора, и когда его зовутъ въ судъ, выманиваетъ еще и платье, какъ Наср-Эддинъ. Другой варіантъ (безъ цыгана, а съ мужикомъ Нестеромъ) съ нѣкоторыми осложненіями, довольно демократическими, хотя плохо разсказанными, напечатанъ у Колосова

---

[1]) Другой вѣликорусскій разсказъ разработалъ только первый мотивъ исторіи обмана жида, опустивъ какъ мотивъ суда, такъ и состязанія о вѣрѣ; да и этотъ первый мотивъ разработанъ въ немъ довольно своеобразно (Чубинскаго, Русскія народныя сказки, прибаутки и побасенки. М. 1864, № 29).

[2]) V. Vrcević, Nar. humor. Gatalice i varalice, 71—72.

[3]) Krausz, Sagen und Märchen der Südslaven, I, 247.

(Замѣтки о языкѣ и нар. словесности въ области сѣверо-великорусскаго нарѣчія, 203—204). Мы думаемъ, что окончательное сложеніе этого разсказа не обошлось безъ цыганской редакціи. Такой же разсказъ есть и на Украйнѣ (Рудченко, т. II, стр. 190—191, цыганъ и Юрій), съ тою розницею, что здѣсь опущена продажа стремени барину, а цыганъ прямо идетъ съ Юріемъ судиться «до пана». Такъ какъ въ украинскомъ разсказѣ мотивы перепутаны и вообще плохо переданы, то мы склонны думать, что онъ плохо усвоенъ отъ великоруссовъ. Если это наше предположеніе справедливо и если, какъ слѣдуетъ предполагать, и великорусскій разсказъ о цыганѣ и Егоріи пошелъ съ Востока, отъ одного корня съ анекдотомъ о Наср-Эддинѣ, то мы получаемъ здѣсь линію движенія на Украйну восточнаго разсказа совсѣмъ другую, противъ той, какой слѣдовала большая часть разсказовъ, составляющихъ предметъ настоящей статьи. Тутъ нѣтъ ничего особенно удивительнаго, такъ какъ и по такой линіи прошло къ намъ много народныхъ сказаній.

Вообще линіи движенія этихъ сказаній бываютъ очень разнообразны, и интересно бываетъ видѣть въ одной и той же странѣ конечную встрѣчу варіантовъ какой нибудь повѣсти, принявшихъ по дорогѣ до того разные виды, что только тщательное сравнительное изученіе можетъ открыть ихъ родственную связь.

XVI.

У Афанасьева (т. III, стр. 478—479) находимъ еще одинъ анекдотъ о цыганѣ, записанный по великоррусски, въ тверской губерніи, но который, помнится намъ, мы слышали когда-то и на Украйнѣ. Это тоже отголосокъ турецкаго анекдота, въ которомъ играетъ роль жидъ и мусульманинъ.

«Пришелъ цыганъ въ монастырь. На дворѣ-то стояла масляница, въ монастырѣ кормятъ вдоволь, ужъ онъ пожелалъ было въ монахи. Но вотъ масляница кончилась, насталъ великій постъ. Пришелъ чистый понедѣльникъ—ѣсть не даютъ; пришелъ вторникъ—ѣсть не даютъ; въ среду рано бѣжалъ цыганъ изъ монастыря. Утащилъ гдѣ-то калачъ, идетъ да и ѣстъ. Попадается ему на встрѣчу прохожій: «что ты, цыганъ, спозаранку ѣшь?»—«Да что-бы не забыть, какъ хлѣбъ-то ѣдятъ! А ты добрый человѣкъ, куда собаку

ведешь?»—«На кожевню, ободрать хочу».—«Не веди туда, сведи на монастырскій дворъ и сама околѣетъ« [1])!

Въ турецкомъ разсказѣ постъ и масляница обернуты иначе. Разсказываютъ, что одинъ мусульманинъ провелъ всю жизнь, соблюдая предписанія Магомета. Одинъ годъ онъ сталъ ѣсть во время Рамазана (поста) съ евреями и говорилъ, что онъ обратился къ ихъ вѣрѣ; но когда наступилъ Байрамъ (нѣкоторымъ образомъ масляница), объявилъ, что онъ не ихъ вѣры.

— Что ты говоришь? заключили жиды, развѣ ты не изъ нашихъ?

— Какъ?! отвѣчалъ неофитъ; я прожилъ тридцать лѣтъ въ мусульманской вѣрѣ, и не сталъ истиннымъ магометаниномъ, а теперь бы я сталъ жидомъ только за тридцать дней! Это невозможно [2]).

XVII.

Въ противуположность вышеприведеннымъ разсказамъ, въ одномъ украинскомъ отголоскѣ анекдота о Наср-Эддинѣ роль самаго Ходжи поручена жиду, и въ этой роли жидъ является очень остроумнымъ.

Между прочими сатирическими анекдотами, направленными противъ духовнаго класса, въ собраніи шутокъ Наср-Эддина находится и анекдотъ объ утонувшемъ школярѣ-богословѣ.

Разъ говорятъ Ходжѣ, что ученикъ утонулъ.

— Что тутъ дѣлать, чтобъ вытащить его изъ воды? спрашиваютъ.

— Нѣтъ развѣ ни у кого изъ васъ кошелька? Покажите утопленнику, онъ подумаетъ, что вы ему дарите, и самъ выйдетъ изъ воды [3]).

---

[1]) Въ томъ украинскомъ разсказѣ, который мы слышали, нѣтъ ни слова о живодернѣ, тутъ дѣйствительно неумѣстной, а разсказывается, что „чоловикъ“ ведетъ *ледачу собаку* топить, цыганъ же, узнавъ объ этомъ, совѣтуетъ такъ: „отведи ее въ монастырь, то вона й сама здохне“.

[2]) Sottisier, CXXXIII.

Варіантъ вышеприведеннаго разсказа о цыганѣ въ монастырѣ у Чубинскаго (№ 19) передаетъ только основной мотивъ, не говоря ничего о собакѣ, а потому ближе къ разсказу, который приписывается Наср-Эддину.

[3]) Sottisier, XLIV. 36.—Тотъ же мотивъ въ другомъ разсказѣ:

„Разъ женщина (вар.—жена самого Ходжи) мучилась долго родами.

— Иди, говорятъ мужу, попроси Ходжу, пусть помолится; можетъ быть всевышній Богъ пошлетъ ей освобожденіе.

На Украйнѣ изъ ученика-богослова сдѣланъ былъ засѣдатель или становой, а изъ Ходжи жидъ, и весь анекдотъ обращенъ былъ въ стихотвореніе болѣе живое и гораздо болѣе злое, чѣмъ турецкій разсказъ. Стихотвореніе это или пѣсня находится у насъ въ четырехъ варіантахъ, записанныхъ отъ крестьянъ въ губерніяхъ подольской (два), волынской и кіевской. Мы приведемъ здѣсь два варіанта, болѣе короткій и удлиненный.

а) Гнався почтою засидатель [1]) на чіюсь биду,
Середь ставу заломився на тонкимъ лёду.
Бьються соцьки, розсыльныи, бьються рыбаки,
Водять шнуры край пролому, ости и гаки;
Ажъ иде жидокъ убогій, пейсами потрясъ:
—«*Гирсте, гирсте*! ставъ питати: що таке у васъ?»
—Засидатель утопився, Господи прости!
Ходи, жидку, намъ поможешь шнуры завести.
—«*Гирсте*, на що мни шукати чужои биды?
Вы карбованця наставте, выйде самъ зъ воды! [2]).

б) Ихавъ засидатель на быстри рици,
Проломився засидатель на тонкимъ лёду.
Иде жидокъ, пейсами трясе:
—«*Гирсте, гирсте*, люде добри, що чути у васъ?»
—Охъ, що въ насъ чути?
Проломився засидатель на тонкимъ лёду!
Охъ вы хлопци-рыболовци, закидайте гостри гаки,
Будемъ тягнути засидателя зъ быстрои рики.
—«На що вамъ той клопитъ здався?
Покажить ёму карбованця, покажите й три,
То винъ самъ вылизе зъ воды.
Показали карбованця, показали й три,

Человѣкъ бѣжитъ, объясняетъ дѣло и проситъ Ходжу молиться.
— Къ чему ей мои молитвы? отвѣчаетъ тотъ. Не медля возьми орѣховъ, положи ихъ въ рѣшето, и пусть акушерка постучитъ ими передъ родильницей; какъ только дитя услышитъ орѣхи, вылѣзетъ играть ими".—Sottisier, LIX, 48, Plaisanteries, CXIV, 92.

[1]) Запис. въ с. Скулинѣ, ковельскаго уѣзда, вол. губ.

[2]) По другимъ разсказамъ, становой.

Нема нашого засидателя зъ быстрои рики!
Ото-жъ ёму чужа праця,—чортъ ёго бери! [1]).

Варіантъ *а*, очевидно, найболѣе близокъ къ первоначальному; варіантъ *б*, конечно, позднѣйшій и обнаруживаетъ въ слагателѣ его болѣе злости на засѣдателей, чѣмъ музыкальнаго уха. Во всякомъ разѣ этотъ стишокъ можно счесть довольно популярнымъ, по крайней мѣрѣ на правомъ берегу Днѣпра, отъ Балты до Ковеля. Мы впрочемъ слышали, что подобное стихотвореніе разсказывалось и около Новгородъ-Сѣверска.

XVIII.

Въ числѣ турецкихъ анекдотовъ круга Наср-Эддина находится не мало такихъ, въ которыхъ онъ является, какъ особа духовная, или въ которыхъ онъ и его собесѣдники трактуютъ о религіозныхъ предметахъ, причемъ какъ духовный санъ Ходжи, такъ и эти предметы затрогиваются далеко не почтительно, съ ироніей и скептицизмомъ. Судя по нашимъ свѣдѣніямъ, не говоря уже о печатныхъ собраніяхъ, такихъ анекдотовъ перешло на Украйну не очень много. Но все-же, кромѣ приведенныхъ выше, мы напомнимъ еще нѣсколько.

Одинъ изъ нихъ, по нашему мнѣнію, первоначально представлялъ сатиру на вопросительный пріемъ старыхъ ораторовъ, особенно духовныхъ. Вотъ его содержаніе.

Разъ Ходжа Наср-Эддинъ взошелъ на каѳедру, чтобъ наставлять и проповѣдывать народу.

— Люди, сказалъ онъ, слушайте! Знаете-ли, о чемъ я буду вамъ говорить?

— Не знаемъ, эффенди! закричалъ одинъ голосъ изъ всѣхъ присутствовавшихъ.

Ходжа на ново обращается къ вѣрнымъ и говоритъ:

— Вотъ, когда вы узнаете, тогда я стану и говорить съ вами.

На другой день онъ вновь всходитъ на каѳедру и вновь начинаетъ рѣчь:

— Люди, знаете вы сегодня, что я буду говорить вамъ?

Слушатели совѣтуются между собою, какъ ему отвѣчать; одни говорятъ: знаемъ! другіе: не знаемъ.

---

[1]) Запис. въ Сквирѣ, кіев. губ.

— Ну, если такъ, то пусть тѣ, что знаютъ, научатъ тѣхъ, кто не знаетъ, сказалъ онъ, сходя съ каѳедры.

На слѣдующій день онъ опять всходитъ на каѳедру:

— Теперь, люди, знаете вы, о чемъ я буду разговаривать съ вами? [1]).

На этотъ разъ слушатели не находятъ ничего отвѣтить и молчатъ.

Тогда Ходжа Наср-Эддинъ (милосердіе Божіе да будетъ на немъ!) возвышаетъ голосъ и говоритъ:

— Воздавайте великую благодарность Всевышнему, ибо, если-бъ онъ далъ крылья верблюду, верблюдъ леталъ бы по воздуху и ушелъ-бы летая.

— Если-бъ онъ леталъ, замѣтили среди слушателей, онъ-бы могъ спускаться на наши дома.

— А что-бъ съ вами было, отвѣтилъ Ходжа этимъ завзятымъ охотникамъ отвѣчать, если-бъ онъ обвалилъ вамъ крышу? [2]).

У Аѳанасьева (т. III, стр. 536) напечатанъ подобный анекдотъ великорусскій, изъ тверской губерніи, но мы слышали нѣчто подобное и въ Малороссіи.

«Давно было. Не стало на селѣ попа. Согласились мужики избрать попа міромъ, выбрали и пошли къ дядѣ Пахому: «Пахомъ, говорятъ ему, а Пахомъ! будь ты у насъ на селѣ попомъ». Пахомъ и сталъ попомъ, да то бѣда: ни службы не знаетъ, ни пѣть, ни читать не умѣетъ. Вотъ однажды собрались міряне въ церковь, а въ тотъ день былъ большой у Бога праздникъ. Пахомъ выноситъ книгу и спрашиваетъ: «православные! знаете-ли вы эту книгу?»— Знаемъ, батька, знаемъ. Еще покойной попъ все бывало ее читалъ.

— «Ну, коли знаете, нечего вамъ ее и читать». Выноситъ другую:

---

[1]) Sottisier, I.—Въ вар. въ Les Plaisanteries (I) во второй разъ на отвѣтъ слушателей: „знаемъ"!—проповѣдникъ замѣчаетъ: „что-жъ я буду говорить вамъ, чего бъ вы не знали!" Въ третій разъ, когда одни кричатъ: „знаемъ," другіе: „нѣтъ"!—проповѣдникъ говоритъ: „пусть тѣ, кто знаетъ, научитъ тѣхъ, кто не знаетъ". На этомъ варіантъ оканчивается.

[2]) Въ Les Plaisanteris мотивъ о верблюдѣ стоитъ, какъ отдѣльный анекдотъ (II) и есть пародія на разглагольствія о цѣлесообразности въ твореніи. Тутъ самъ Ходжа восклицаетъ: „о правовѣрные! благодарите многочасно Всевышняго за то, что онъ не далъ верблюду крыльевъ, а то онъ бы садился на наши крыши и сады, или падалъ бы на наши головы"!

«православные! а эту книгу знаете?»—«Нѣтъ, батька, этой не знаемъ».—«Ну такъ что-жъ вамъ ее и читать!» [1]).

XIX.

Равнымъ образомъ слышали мы, помнится, нѣчто подобное слѣдующему анекдоту о Наср-Эддинѣ и его ослѣ:

«Однажды, когда Ходжа потерялъ осла, одинъ человѣкъ сказалъ ему: «я видѣлъ, онъ теперь муэдзиномъ въ такомъ-то мѣстѣ».—Ходжа идетъ туда. Какъ разъ въ это время муэдзинъ всходилъ на минаретъ, чтобъ звать на молитву.—Откуда взялся этотъ несчастный! восклицаетъ Ходжа, при видѣ его; затѣмъ беретъ мѣшокъ, который былъ у него за спиною, и дѣлаетъ, какъ зовутъословъ, показывая ячмень муэдзину: чокъ! чокъ!

Муэдзинъ, съ верху минарета, видитъ, что Ходжа подаетъ ему что-то, и думаетъ, что тотъ хочетъ заставить его спуститься, чтобъ сыграть надъ нимъ какую нибудь шутку.

— Ты хочешь меня поймать, говоритъ муэдзинъ, не удастся!

Ходжа остолбенѣлъ при этомъ отвѣтѣ.

Въ слышанномъ нами разсказѣ вмѣсто муэдзина названъ дьяконъ, или дьякъ.

XX—XXI.

Отмѣтимъ въ заключеніе № CCVII въ Sottisier *(Solution théologique)*, который напоминаетъ анекдотъ: «*И духови твоему!*», а также № CLXXXIII *(Le Paradis du pauvre)*, который передаетъ основу побасенки о помѣщеніи папы въ Римъ, о заключеніи дьявола (Іуды, грѣшника) въ адъ, издавна распространенный во всей Европѣ, въ старыхъ новеллахъ Боккаціо (т. III, стр. 10), (Саккетти, стр. 101) и стихахъ Hagen, Gesammtabenteuer (№ 28), въ сказкѣ Лафонтена *Le Diable en Enfer*, а также устно (Κρυπτάδια, т. I, стр. 162, т. II, стр. 128), извѣстный и у насъ, впрочемъ, въ формѣ болѣе близкой къ западнымъ варіантамъ, чѣмъ къ турецкому. Н. В. Го-

[1]) Очевидно, ламять о подобномъ анекдотѣ оставила по себѣ слѣдующія, не совсѣмъ умѣстныя въ данномъ случаѣ слова въ затронутомъ нами выше разсказѣ о лѣнивомъ попѣ у Рудченка (в. II, стр. 198–199): „Вы, люде добри, знаете Боже слово"?—Знаемо, батюшка!—„Дакъ вамъ и казать ничого! Идить соби зъ Богомъ, да въ ту недилю прыйдете"!

голь, очевидно, имѣлъ въ памяти своей подобный разсказъ, когда писалъ въ «Ночи передъ Рождествомъ» забавный діалогъ дьяка съ «несравненною Солохою», преждевременно прерванный появленіемъ соперника.

Послѣдній разсказъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, о которыхъ трудно говорить съ должной отчетливостію. Мы замѣтимъ только, что турецкій варіантъ не лишенъ своего рода соціальной ироніи, напоминая нѣсколько подробность въ послѣднемъ романѣ Золя *Germinal:* изображеніе единственныхъ неплатныхъ удовольствій пролетаріевъ [1]). Европейскіе варіанты завладѣли этой темой съ цѣлью осмѣянія монашескаго лицемѣрія и разработали ее злѣе и вмѣстѣ гораздо скабрёзнѣе, хотя, судя по варіанту Боккаччіо, возможно, что еще мусульмане повернули эту тему противъ монаховъ Ѳиванды.

На этомъ мы окончимъ наше сравнительное обозрѣніе, за неимѣніемъ дальнѣйшаго матеріала, хотя вполнѣ увѣрены, что указанными выше примѣрами не исчерпывается количество отголосковъ анекдотовъ Наср-Эддинова круга въ нашей народной словесности. Но и теперь, даже если отбросить нѣсколько сближеній, которыя могутъ показаться читателю слишкомъ натянутыми, у насъ набралось этихъ отголосковъ больше, чѣмъ въ сборникахъ разсказовъ другихъ народовъ, не исключая даже фацецій Поджжіо. Конечно, это слѣдуетъ объяснить прежде всего относительно малымъ вниманіемъ, какое до сихъ поръ обращали европейскіе этнографы и историки литературы на разсказы Наср-Эддинова цикла. Но не было-бы ничего удивительнаго, если-бы точно оказалось, что, послѣ балканскихъ народовъ, украинцы усвоили себѣ найболѣе разсказовъ изъ этого цикла; такъ близки и многообразны были соотношенія нашего народа съ турками и родственными имъ крымскими татарами.

Закончимъ нашу статью пожеланіемъ, чтобъ имѣющіе къ тому возможность обратили вниманіе на изученіе устной словесности остающихся еще крымскихъ татаръ, которая несомнѣнно можетъ пролить свѣтъ на многіе вопросы культурнаго обмѣна между народами нашей части свѣта.

П. Кузмичевскій.

---

[1]) Стр. 129, un seul bon moment de la journée.... un dessert qui ne coûtait rien.

СТРАНИЧКА ИЗЪ ИСТОРІИ СЛОБОДСКОЙ УКРАЙНЫ.

(Историческое прошлое суджанскаго уѣзда).

Суджанскій уѣздъ принадлежитъ къ тѣмъ мѣстностямъ Слободской Украйны, въ которыхъ двѣ народности—малорусская и великорусская—встрѣчаются лицомъ къ лицу. Эта, въ прежніе времена, не всегда мирная встрѣча перешла постепенно въ незлобное сосѣдство и сожительство, породившія въ свою очередь тѣ своеобразныя черты въ обѣихъ національностяхъ, которыми характеризуются такъ называемые «перевертни». Послѣдній терминъ употребляется у насъ для обозначенія великоруса или малоросса (преимущественно послѣдняго), утратившаго нѣкоторыя, болѣе или менѣе характерныя черты своей національности. Такими «перевертнями» могутъ считаться почти всѣ жители малороссійской части суджанскаго уѣзда. Правда, они еще настолько крѣпки своей національности, что только коренной «черкасъ» или очень внимательный наблюдатель могутъ указать пошатнувшіеся національные устои. Но тѣмъ не менѣе они пошатнулись или приняли иныя формы, въ которыхъ сказался народный духъ и народное творчество. Изученіе этихъ-то формъ народной жизни, которыми суджанскій «перевертень» отличается отъ кореннаго «хохла» или «москаля», должно представлять особенный интересъ, какъ съ точки зрѣнія этнографической, такъ и болѣе широкой исторической. Опредѣленіе степени національной устойчивости, на ряду съ изученіемъ особенностей культурныхъ племенъ въ тотъ или другой историческій моментъ, всегда важны для исторической науки. Въ этомъ смыслѣ особенно желательны и интересны сообщенія изъ настоящаго и прошлаго отдѣльныхъ мѣстностей края. Статистико-экономическое опи-

саніе суджанскаго уѣзда, произведенное въ 1883 г., съ одной стороны, и земско-партійные интересы, выразившіеся, между прочимъ, въ стремленіи опредѣлить избирательныя права старозаимочниковъ и четвертниковъ, съ другой, вызвали нѣкоторое оживленіе среди мѣстныхъ дѣятелей къ изученію прошлаго своего уѣзда. Хотя въ этомъ отношеніи сдѣлано еще очень немного, но и то, что извѣстно намъ изъ личныхъ наблюденій, изъ актовъ разсмотрѣнныхъ нами, изъ сообщеній другихъ лицъ (главнымъ образомъ неизвѣстнаго «любителя старины», помѣщавшаго вызраженія на статьи г. Благовѣщенскаго) [1]) и изъ статей посвященныхъ крестьянскому землевладѣнію въ уѣздѣ и, равумѣется, изъ распространенныхъ историческихъ сочиненій, касающихся Слободской Украйны—все это въ совокупности составляетъ цѣнный матеріалъ для исторіи заселенія края и объясненія существующихъ въ уѣздѣ формъ землевладѣнія. Разработка этого матеріала мѣстной исторіи, пополняемаго мѣстными изслѣдованіями, должна благотворно повліять и на общую исторію края, въ смыслѣ ея достовѣрности и всесторонности. Эти соображенія побудили насъ попытаться составить краткій очеркъ историческаго прошлаго суджанскаго уѣзда, при чемъ подробнѣе мы остановились на заселеніи уѣзда въ XVII вѣкѣ, такъ какъ процессъ этого заселенія породилъ тѣ формы землевладѣнія, съ которыми мы встрѣчаемся теперь въ уѣздѣ. Описаніе современнаго состоянія ихъ мы думаемъ сдѣлать въ ближайшемъ будущемъ.

Во время догосударственной жизни славянъ, мѣстность занимаемая нынѣ курской губерніей, почти на всемъ своемъ протяженіи была заселена сѣверянами. На югѣ и юго-востокѣ отъ нея начинались безграничныя степи, не имѣвшія постоянныхъ обитателей. Уже и въ то время она была окраиной славянской осѣдлости. Олегъ застаетъ сѣверянъ платящими дань хозарамъ, освобождаетъ ихъ отъ той дани, и съ тѣхъ поръ сѣверскій край во всемъ своемъ составѣ надолго дѣлается составной частью русской земли. Часть его, находящаяся по обѣимъ сторонамъ Сейма и захватывающая верховья Сулы, Псла, Ворсклы и другихъ рѣкъ, получила названіе Посемья. Сѣверяне, населявшіе послѣднее, во время княженія Ольги, были

[1]) См. статьи обоихъ авторовъ въ „Еженедѣльникѣ Суджанскаго земства“ за 1885 г., №№ 27, 28, 29, 30, 38 и 29 и за 1886 г. № 1 и 2.

уже по всей вѣроятности народомъ осѣдлымъ, такъ какъ имѣли свои города. Курскъ возникъ вѣроятно еще въ X вѣкѣ, хотя въ лѣтописи о немъ говорится въ началѣ XI. Но, кромѣ Курска. сѣверяне имѣли много и другихъ укрѣпленныхъ городовъ, на существованіе которыхъ указываютъ городища, разсѣянныя по всему Посемью. Въ предѣлахъ теперешняго суджанскаго уѣзда находится нѣсколько городищъ возлѣ заштатнаго гор. Мирополья, да и сама Суджа построена, по преданію, тоже на мѣстѣ стараго городища. Возлѣ нихъ встрѣчается цѣлая масса кургановъ и могильныхъ насыпей. Въ 1829 г. г. Дмитрюковъ насчитывалъ послѣднихъ до 2 тысячъ [1]); распахано-же и срыто ихъ было еще больше, такъ что возможно съ полнымъ основаніемъ предположить объ относительной густотѣ населенія сѣверянъ въ территоріи суджанскаго уѣзда. Раскопки этихъ могилъ, произведенныя въ началѣ текущаго столѣтія тѣмъ-же г. Дмитрюковымъ, а позднѣе проф. Самоквасовымъ (въ 1872 г.), установили тотъ несомнѣнный фактъ, что сѣверяне, будучи еще язычниками, имѣли относительно высокую культуру. Найденные въ курганахъ горшки, ножи, пряжки, бусы, кольца, браслеты, обручи и даже одна серебрянная монета, указызывали на нѣкоторое развитіе ремеслъ горшечнаго, слесарнаго, ювелирнаго и др. [2]). Лѣтописныя указанія о поселеніяхъ въ суджанскомъ уѣздѣ относятся ко второй половинѣ XIII вѣка (1275 г.), когда упоминается сельцо Костро, построенное на р. Реутцѣ; это очевидно теперешняя деревня Косторная на той-же рѣкѣ. Лѣтопись не говоритъ о времени возникновенія его; но легко предположить, что возникнуть во второй половинѣ XIII в. оно едва-ли могло, такъ какъ татарскія разоренія въ Посемьи, разумѣется, мѣшали этому. Гораздо вѣроятнѣе допустить, что с. Костро построено много раньше перваго татарскаго погрома (1239 г.). Съ половины XI в. все Посемье принадлежало роду Ольговичей, князей черниговскихъ. Но по мѣрѣ того, какъ дробились ихъ владѣнія, Посемье переходило изъ рукъ въ руки. Сначало оно составляло часть новгородъ-сѣверскаго удѣла, а за тѣмъ, раздѣлившись по частямъ, отошло то къ путивльскому, то къ трубчевскому, то къ рыльскому удѣламъ. Территорія тепе-

---

[1]) „Ежен. Суд. Зем.“, № 2 за 1886 г.

[2]) Тамъ же, № 1.

рѣшняго суджанскаго уѣзда вошла, если судить по разстоянію, въ составъ рыльскаго княжества. Порубежное положеніе Посемья сдѣлало его постоянной ареной войнъ то однихъ удѣльныхъ князей съ другими, то русскихъ дружинъ съ кочевниками, всегда готовыми къ набѣгу. До конца XI в. его разоряли печенѣги, затѣмъ половцы; съ XII вѣка идутъ усобицы князей черниговскихъ и переяславскихъ, разыгравшіеся въ томъ-же злополучномъ Посемьѣ. За тѣмъ, послѣ похода князя Игоря, воспѣтаго въ извѣстномъ «Словѣ», половцы такъ опустошили край, «яко-же николи-же не бывало». Въ 1239 г. онъ былъ разгромленъ татарами, а въ 1274 г., при возвращеніи орды изъ Литвы, вторично. Черезъ девять лѣтъ на Посемье обрушилось новое несчастье. Баскакъ Ахматъ, взявшій на откупъ у хана Ногая посемскую дань, устроилъ во владѣніяхъ Олега, князя рыльскаго, двѣ слободы и населилъ ихъ татарами и разнымъ сбродомъ. Эти новые поселенцы чинили такое безпрерывное разореніе всей волости, что Олегъ, посовѣтовавшись съ Святославомъ, княземъ липецкимъ, отправился съ жалобой къ Телебугѣ, хану золотой орды. Послѣдній, внявши просьбѣ князя, далъ ему отрядъ татаръ для разоренія ахматовыхъ слободъ, что князь и поспѣшилъ исполнить. Но ханъ Ногай, по настоянію Ахмата, послалъ сильное войско для наказанія какъ Олега, такъ и совѣтчика Святослава. Весь край былъ преданъ этимъ войскомъ такому разоренію, что головы и руки бояръ, казненыхъ Ахматомъ, по выраженію лѣтописца, «нѣкуда послати, за не вся волость изъимана». Этотъ фактъ служитъ лучшимъ доказательствомъ тому, что татары (по крайней мѣрѣ такіе откупщики, какъ Ахматъ) не заботились объ удержаніи населенія на мѣстѣ, а гнались лишь за быстрымъ пріобрѣтеніемъ богатства путемъ грабежа и взиманія возможно большей дани. Слободами, устроенными Ахматомъ, преслѣдовались не цѣли колонизаціи [1]), а лишь одно быстрое обогащеніе. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ быстрое запустѣніе края, начавшееся со времени ахматовскаго погрома (1283 г.). Это запустѣніе продолжается почти три столѣтія. Опустѣли прежде всего окраины, а слѣдовательно и терри-

[1]) Такъ думаетъ и почтенный „Любитель старины“, занимавшійся исторіей суджанскаго уѣзда и изучившій ее, съ замѣчательною добросовѣстностью и положительностію; но въ данномъ случаѣ онъ очевидно ошибается.

торія теперешняго суджанскаго уѣзда. Оставшееся въ немъ незначительное населеніе ютилось по самымъ глухимъ и укромнымъ мѣстностямъ.

Въ началѣ XIV в. Гедиминъ, въ числѣ другихъ областей, покорилъ и Посемье, которое впрочемъ не переставало имѣть своихъ князей. Но тревожная жизнь въ Посемьѣ дѣлается ужъ черезъ чуръ тяжела, а потому поселеніе эмигрируетъ въ болѣе покойныя мѣста, свободныя отъ татарскаго гнета, а именно въ великое княжество литовское. Правители послѣдняго, искавшіе для завоеванія новыхъ областей и ведшіе упорную борьбу съ нѣмецкими рыцарскими орденами, дорожили каждымъ новымъ человѣкомъ, селившимся въ предѣлахъ ихъ владѣній и поближе къ центру ихъ. Вѣроятно съ цѣлью привлеченія и удержанія найбольшаго количества переселенцевъ, литовскіе правители и магнаты всячески старались сохранять всѣ особенности славянской патріархальной общины, быстро клонившейся къ упадку въ сосѣдней Польшѣ. Въ силу такого стремленія со стороны властей предержащихъ, въ Литвѣ почти вся маасса земледѣльческаго населенія пользовалась значительными вольностями. О закрѣпленіи тогда еще не могло быть и рѣчи; напротивъ, земли раздавались владѣльцами на самыхъ льготныхъ условіяхъ. Этими-то условіями, которыхъ нельзя и сравнивать съ татарской данью, покупались безопасность и спокойствіе. Неудивительно поэтому, что сѣверскіе земледѣльцы предпочитали спокойную Литву своему разоренному и безпрерывно разоряемому краю. Лѣвый берегъ Сейма, а слѣдовательно и верховья Псла (части нынѣшнихъ обоянскаго и суджанскаго уѣздовъ) сильно опустѣли. Близъ Рыльска еще ютились поселенія, но южнѣе онѣ существовали развѣ только въ видѣ небольшихъ хуторовъ и деревень. Все это пространство (южное Посемье) составляло начало «дикаго поля», тянувшагося далеко на югъ и юго-востокъ. Переходъ рыльскаго и новгородъ-сѣверскаго удѣловъ отъ Литвы къ Москвѣ (1500 г.), вѣроятно, не касался южной части суджанскаго уѣзда, сдѣлавшагося, какъ часть «дикаго поля», ничьимъ.

Литва, сыгравшая роль въ запустѣніи края, вліяла (тоже, разумѣется, косвеннымъ образомъ) и на заселеніе его. Литовскіе бояре, познакомившись съ безправнымъ положеніемъ крестьянства въ Польшѣ, не могли не стремиться къ тому-же и у себя. Подъ вліяніемъ этихъ новыхъ стремленій была составлена первая редакція Литовскаго

Статута, измѣнявшаяся чуть-ли не каждые двадцать лѣтъ, и всякій разъ не въ пользу крестьянъ. Тѣ-же стремленія къ закрѣпощенію массы населенія вліяли и на люблинскую унію. Литовское дворянство въ этомъ политическомъ актѣ видѣло уравненіе своихъ правъ съ правами польской шляхты, какъ по отношенію къ государственной власти, такъ и по отношенію къ крестьянству. Послѣднее къ Польшѣ было вполнѣ безправно. Шляхта смотрѣла на «хама», какъ на «песью кровь» и въ его неимовѣрныхъ утѣсненіяхъ видѣла чуть-ли не заслугу передъ отечествомъ и культурой. Вслѣдъ за люблинской уніей (1569 г.) литовское крестьянство теряетъ свои права: личную свободу, земельную собственность и право самосуда. Естественно оно не могло остаться равнодушнымъ къ такимъ новшествамъ. Протестъ его выразился въ побѣгахъ, принявшихъ столь громадные размѣры, что сеймъ въ теченіи ста лѣтъ издалъ 42 постановленія противъ бѣглыхъ крестьянъ, хотя, разумѣется, побѣговъ не прекратилъ. Южныя области Рѣчи Посполитой, съ своими военными общинами, долго служили обѣтованной землей для крестьянъ, бѣгущихъ отъ шляхетскаго гнета. Весь этотъ бѣглый людъ постоянно пополнялъ ряды козачества, приводившаго въ трепетъ шумное и праздное польское дворянство. Мощная сила козацкаго воинства выросла, развилась и окрѣпла въ шляхетской Польшѣ, на ея почвѣ, но и на ея же гибель. Но козацкія военныя общины не могли вмѣстить всѣхъ искавшихъ счастья въ бѣгствѣ отъ панской неволи. Большинство бѣглецовъ не были способны къ постоянной войнѣ, несмотря на то, что козачество было ихъ идеаломъ. Привычка къ труду и къ земледѣльческой жизни замѣтно сказывалась въ нихъ. Вотъ для такихъ-то людей, оказывавшихся при томъ лишними въ средѣ реестровыхъ козаковъ, нужна была отдушина, въ которую они вышли бы за предѣлы рѣчи Посполитой. Такъ подготовила эта послѣдняя будущихъ сторожей русскаго государства, заселившихъ «дикое поле».

Съ уничтоженіемъ сѣверскихъ удѣловъ (1523 г.) московское правительство начинаетъ заботиться о заселеніи Посемья съ цѣлью сторожи и наблюденія за движеніями татаръ въ степи. Съ юго-восточной стороны сюда шли татарскіе шляхи (большія дороги) и сакмы (слѣды), за которыми и должны были наблюдать сторожевые отряды. Въ случаѣ невозможности остановить набѣги татаръ, пра-

вительство прибѣгало къ такимъ мѣрамъ, какъ въ 1571 г., когда дикое поле, на пространствѣ почти всей нынѣшней курской губерніи, было выжжено. Въ концѣ XVI вѣка (1586—1593 г.), къ существовавшимъ укрѣпленнымъ пограничнымъ городамъ Рыльску и Путивлю, выстроены и возобновлены новые, и въ томъ числѣ Бѣлгородъ, который скоро сдѣлался средоточіемъ сторожевой службы. Болѣе или менѣе замѣтная колонизація всего этого края, а въ частности суджанскаго уѣзда, началась во второй половинѣ XVI вѣка съ двухъ сторонъ: съ сѣвера великороссами, а съ юго-запада малороссами, выходцами изъ Рѣчи Посполитой. Нѣкоторое число первыхъ переселенцевъ далъ черкасскій уѣздъ (нынѣ кіевской губерніи) въ 1589 г., вслѣдствіе чего всѣ малороссы, поселившіеся здѣсь, до сихъ поръ называются черкасами. Названія селъ «Русская Конопелька», «Черкаская Конопелька», «Русское Порѣчное» и «Черкаское Порѣчное» (всѣ суджанскаго уѣзда) ясно указываютъ на народность ихъ населенія.

Тѣ и другіе поселенцы встрѣчали, вѣроятно, остатки кореннаго населенія, прямыхъ потомковъ сѣверянъ, ютившихся по глухимъ, непроходимымъ мѣстамъ края. «Любитель старины», о которомъ мы говорили раньше, въ доказательство того, что сѣверяне не покинули совсѣмъ суджанскій уѣздъ, а жили въ немъ, хотя и въ незначительномъ количествѣ, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, приводитъ цѣлый рядъ доказательствъ. Во-первыхъ, въ книгѣ «Большой Чертежъ», пополненной въ 1627 г., существуетъ указаніе на рѣченки нынѣшняго суджанскаго уѣзда Воробжа, Реутъ и Гнилица [1]). Вслѣдствіе незначительности переселенцевъ до 1627 г., вышеупомянутый авторъ допускаетъ, что названіе этихъ рѣченокъ сохранилось остатками того населенія, которое было здѣсь въ началѣ государственной жизни Россіи. Во-вторыхъ, существованіе такихъ названій рѣченокъ, какъ Стригосль (на которой расположено село Кривицкія Буды суджанскаго уѣзда), тоже несомнѣнно указываетъ на то, что названіе дано славянами-язычниками (стри-вѣтеръ) и что это названіе могло быть сохранено какимъ либо мѣстнымъ населеніемъ, не по-

---

[1]) Не смѣшиваетъ ли почтенный „Любитель старины“ р. Воробжи курскаго уѣзда (въ нѣсколькихъ верстахъ сѣвернѣе Реута) и р. Гнилицы рыльскаго съ таковыми же суджанскаго уѣзда?

кидавшимъ своего края. Наконецъ, въ третьихъ, тотъ-же авторъ усматриваетъ остатки прежнихъ поселеній, сохранившихся до XVII в. и принадлежавшихъ вѣроятнѣе всего сѣверянамъ, въ слѣдующихъ мѣстностяхъ суджанскаго уѣзда: 1) близъ бѣлогорскаго монастыря, 2) на р. Реутѣ, въ д. Косторная, 3) на р. Воробжѣ, 4) на р. Гнилицѣ, 5) на р. Суджѣ, въ самомъ городѣ, который еще до прибытія главной массы переселенцевъ (1664 г.) именуется городомъ, 6) при с. Рыбицѣ, 7) на мѣстѣ теперешняго заштатнаго города Мирополья, 8) по р. Стригослѣ и 9) по р. Гирьякѣ [1]). Кромѣ того и г. Благовѣщенскій, принимавшій участіе въ статико-экономическомъ описаніи суджанскаго уѣзда въ 1883 г., слышалъ отъ крестьянъ с. Хотежъ-Колодезь разсказъ, по которому предки ихъ, прежде чѣмъ занять мѣсто подъ поселеніе, вытѣснили какой-то народъ, названный ими «бычками». Съ этимъ-то кореннымъ населеніемъ и должны были встрѣтиться новые колонизаторы края. Приливъ ихъ особенно увеличивается съ половины XVII вѣка, когда борьба малороссовъ съ поляками приняла особенно острый характеръ. Каждый разъ, когда Польша уменьшала число реестровыхъ козаковъ (какъ послѣ бѣлоцерковскаго мира), не попавшіе въ реестры, болѣе или менѣе значительными общинами, сохраняя свою воинскую организацію, переселялись на границы «дикаго поля» и строились «слободами» «по бѣлгородской чертѣ». Въ 1654 г., вслѣдъ за присоединеніемъ Слободской Украйны къ московскому государству, грамотой царя Алексѣя Михайловича объявляется слободскимъ полкамъ царская милость и изъясняются взаимныя права и обязанности. Въ это и въ ближайшее къ нему время московское правительство всячески заботится о малорусскихъ военныхъ колонизаторахъ. Оно даже дѣлаетъ распоряженіе, чтобы изъ дикаго поля земель великороссамъ не давать, дабы оттого малороссамъ не было утѣсненія и въ землѣ оскудѣнія. Предоставляя при этомъ и другія льготы въ торговлѣ, промыслахъ, винокуреніи и владѣніи землей, московское правительство старалось избѣгать своевольной, буйной, бездомной и безсемейной толпы. Въ новыхъ переселенцахъ оно стремилось пріобрѣсти не только защитниковъ окраинъ русской земли, но и кормильцевъ ея, т. е. людей домовитыхъ и во всѣхъ отношеніяхъ

[1]) „Еженедѣл. Судж. Зем.“ № 2, 1886 г.

благонадежныхъ. Такого рода переселенцы заняли всю южную, восточную и почти всю западную часть суджанскаго уѣзда. Устройство правильной полковой организаціи по рр. Локнѣ и Ислу, т. е. въ указанныхъ выше мѣстностяхъ, начинается приблизительно съ 1645 г., когда вся желвацкая волость (такъ называлась посемская часть путивльскаго уѣзда), захватывавшая и суджанскій уѣздъ, заселялась и организовывалась съ особой энергіей. Въ 1664 г. на территоріи теперешняго суджанскаго уѣзда насчитывалось, стольникомъ Рагозинымъ, 13 поселеній, исчисляемыхъ въ его описи. Изъ нихъ укрѣплены были только два—Суджа и Мирополье. Годъ основанія послѣднихъ невозможно опредѣлить даже приблизительно. Суджа, какъ мы уже говорили, была основана, по преданію, на мѣстѣ стараго городища «на средней татарской сакмѣ». Всѣхъ-же сакмъ было три и всѣ онѣ сходились въ нынѣшнемъ тимскомъ уѣздѣ. Въ 1661 г. вся Суджа выгорѣла до тла, но, какъ важный въ стратегическомъ отношеніи пунктъ, при помощи правительства, быстро была возобновлена. Съ 1664 г. она именуется городомъ, а за Миропольѐмъ тоже названіе устанавливается съ 1670 г. Около этого-же времени образовались козацкія слободы и по другимъ сосѣднимъ рѣкамъ: Сулѣ, Вырѣ, Ворсклѣ, Лопани, Харьковѣ, Мжѣ, Донцѣ, Осколѣ, Торцѣ, Крыгѣ и др. «рѣкамъ и урочищамъ». Всѣ эти поселенія, основанныя малороссами, управлялись по своимъ обычаямъ.

Ихъ «чужеземныя», «черкаскія» «обыклости» не только не нарушались, но даже гарантировались московскимъ правительствомъ. Въ просьбахъ, челобитныхъ, въ царскихъ грамотахъ того и послѣдующаго времени прекрасно разсказывается исторія заселенія края и отношеніе московскаго правительства къ колонизаторамъ. «Въ прошлыхъ-де годахъ», говорится о челобитчикахъ сумскаго полка въ одной грамотѣ Петра Великаго [1]), «дѣды и отцы и братья и родственники ихъ и они изъ разныхъ малороссійскихъ и изъ заднѣпровскихъ городовъ пришли подъ нашу государеву высокодержавную руку, на сю сторону Днѣпра, и будущіе въ Бѣлгородѣ и въ Курску бояре и воеводы, обнадеживая ихъ нашею государевою неотмѣнною милостію и всякими ихъ черкаскими, неотъемлимыми отъ нихъ, обыклыми вольностями, велѣли имъ селиться въ защиту украинскимъ

[1]) Правописаніе подлинника.

жилымъ городамъ, по бѣлгородской чертѣ, въ дикихъ степяхъ, на татарскихъ сакмахъ, которыми мѣстами хаживали крымскіе и ногайскіе орды подъ наши государевы жилые украинскіе города; а для размноженія тѣхъ новостроящихся городовъ велѣли имъ призывать въ тѣ мѣста на жилье всенадежно и иныхъ ихъ братію черкасъ, и тѣми новоприхожими черкасами построены городы на путивльскихъ дикихъ земляхъ: Сумы, Суджа, Мирополье, Краснополье, Бѣлополье, и къ тѣмъ городамъ уѣзды, села и деревни, а во время прихода крымскихъ и ногайскихъ ордъ подъ украинскіе города служили они намъ великому государю, по своему обѣщанію, не щадя головъ своихъ, вѣрно, также и во измѣнныя шаточныя времена ко измѣнникамъ не приставали и на подметныя ихъ ни на какія письма, памятуя къ себѣ нашу государскую милость, не склонились никогда-же, и въ прошлыхъ де годахъ, по указу отца нашего, блаженныя памяти, великаго государя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, и братьевъ нашихъ государевыхъ, блаженной памяти, великаго государя царя и великаго князя Федора Алексѣевича и Іоанна Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, для утвержденія тѣхъ городовъ, за тѣ ихъ вѣрныя службы пожалованы и велѣно имъ, вмѣсто нашего государева денежнаго и хлѣбнаго жалованья, въ тѣхъ городахъ жить и нашу государеву службу служить по ихъ черкаской обыклости при всякихъ вольностяхъ и *велѣно-же* [1]) *заимки занимать, паспки и всякіе грунты заводить* и торговыми всякими промыслами промышлять въ своихъ полкахъ безъоброчно и безъпошлино, противъ старо-черкаской обыклости, и оброки, которые до измѣны Ивашки Брюховецкаго на мельницы и всякія угодья и на торговые промыслы были положены за вышеписанную ихъ службу и ко измѣнникомъ несклонность, велѣно тѣ оброки сложить и впредь тѣхъ оброковъ не править, и на тѣ ихъ всѣ вольности и на грунта и на промыслы имъ и дѣтямъ ихъ, въ надежду и въ предыдущіе годы, даны наши государевы жалованные грамоты изъ Разряду и изъ Приказу Великія Россіи многія, и въ прошломъ де 1704 году, по нашему государеву именному указу, полку ихъ съ городовъ и съ уѣздовъ, съ черкасъ нашихъ государевыхъ, никакихъ оброчныхъ статей, ко-

[2]) Курсивъ вездѣ нашъ.

торые статьи и вновь было состоялись въ ингерманландской канцеляріи, имать не велено, а велено владѣть по прежнему обыкновенію» [1]). Это подтвержденіе правъ переселенцевъ суджанскаго уѣзда относится къ 1705 г. Суджа и Мирополье (нынѣ заштатный городъ суджанскаго уѣзда) считались сотенными поселеніями сумскаго полка, а потому копія съ этой грамоты хранилась въ сумскомъ уѣздномъ судѣ. Грамота вполнѣ объясняетъ происхожденіе старозаимочныхъ земель уѣзда путемъ переселенія козаковъ, которымъ разрѣшалось «заимки занимать» на дикихъ путивльскихъ земляхъ, захватывавшихъ и суджанскій уѣздъ. Отсюда-же ясно, что старозаимочное право на землю составляетъ законную принадлежность лишь малорусскаго населенія бывшихъ окраинъ московскаго государства.

Но, кромѣ малорусскихъ, въ суджанскомъ уѣздѣ есть не мало и великорусскихъ поселеній. Великоруссъ колонизировалъ край лишь съ сѣвера. Объ этомъ хлопотало московское правительство еще со временъ Іоанна Грознаго, который даже назначилъ особаго начальника Посемскихъ старостъ—князя Воротынскаго. Для исполненія сторожевой службы тогда набирались вольные люди всѣхъ сословій: тутъ были и дѣти боярскіе, и стрѣльцы, и пушкари, и разная голытьба. Но со временемъ главная тягота сторожевой службы перешла на дѣтей боярскихъ. Первоначально за сторожевую службу земля давалась московскимъ правительствомъ всегда въ указанномъ опредѣленномъ размѣрѣ въ помѣстное владѣніе, какъ государево жалованье; но съ теченіемъ времени помѣстныя владѣнія передавались дѣтямъ и родственникамъ, пользовавшимся ими преимущественно передъ другими, а съ конца XVII вѣка помѣстья стали обращаться въ вотчины. Боярскіе дѣти получали землю по жалованнымъ грамотамъ, выдаваемымъ одному лицу или нѣсколькимъ заразъ. Въ грамотахъ точно обозначалась граница жалованной земли. Въ имѣющейся у насъ подобной грамотѣ, послѣ подробнаго описанія границъ, сказано, что земля та «порожняя, не владѣетъ ею никто» и

---

[1]) „1785. Мая 7 изъ Сумскаго уѣзднаго Суда выдана сія копія Курскаго намѣстничества города Суджи отъ общества повѣреннымъ Ивану Степанову сыну Гладкому и Лукъяну Константинову сыну Крамареву для общественныхъ г. Суджи прежде бывшей козачей службы, а нынѣ обывательскихъ дѣлъ". Мы имѣемъ старинную копію съ этого документа.

что «великій государь пожаловалъ ихъ, Михаила Кудинова съ товарищами, велелъ имъ на той землѣ дикомъ полѣ осадами селится и дворы строить, а съ того помѣстья и дикаго поля великій государь службы служить Михаилу Кудинову съ товарищи своею братіею».... «и въ тѣхъ урочищахъ имъ Михаилу съ товарищи пашнею и сѣнными покосы и всякими угодьи до указу великаго государя по сей выпискѣ владѣть» [1]). Стрѣльцы же, пушкари, затинщики и другіе служилые люди низшаго разряда получали землю на всю общину, составлявшую слободу или поселеніе, но тоже всегда въ указанныхъ опредѣленныхъ границахъ. Часто указывалась и мѣра земли въ четвертяхъ. Въ грамотахъ въ такомъ случаѣ говорилось, что столько-то пушкарей или иныхъ какихъ либо служилыхъ людей получаютъ тамъ-то по стольку-то четвертей на душу. Такія земли, жалованныя въ опредѣленныхъ размѣрахъ и границахъ различнаго рода московскимъ служилымъ людямъ за сторожевую службу, получили теперь названіе четвертныхъ земель, въ отличіе отъ старозаимочныхъ.

Таковъ былъ офиціальный узаконенный путь заселенія окраинъ московскаго государства. Но былъ еще иной путь, неофиціальный или «воровской», какъ говорили въ то время. Г. Благовѣщенскому жители д. Саморядовки суджанскаго уѣзда такъ разсказывали исторію своего переселенія: «Мы были рязанскіе бондари. Первые наши осадчіе, облюбовавъ мѣсто, вернулись домой и начали сманывать сходцевъ: лѣса, говорятъ, тамъ хорошіе, кадушки будемъ дѣлать, черкасы мѣшать не будутъ. И вотъ пришло цѣлыхъ 40 дворовъ и заняли мѣсто, захвативъ лѣсъ, принадлежавшій дѣтямъ боярскимъ деревни Будищъ, у которыхъ были грамоты. Началась открытая война: саморядовцы пригласили на помощь козыревцевъ, а будищенцы призвали пана Извѣкова изъ нынѣшняго с. Знаменскаго, что на рѣкѣ Бѣлицѣ. Панъ пріѣхалъ съ вооруженными людьми—холопами и псовой охотой. Лѣсъ былъ отбитъ у саморядовцевъ, но за услуги пана будищенцамъ пришлось отрѣзать въ

---

[1]) Сама грамота царя Алексѣя Михайловича относится къ 1669 г. Копія выдана воеводой Яковомъ Шишковымъ суджанцамъ, дѣтямъ боярскимъ, Михаилу Кудинову, Якову Бобровскому и др. (перечисляемымъ въ грамотѣ). Мы имѣли копію съ этой копіи.

пользу Извѣкова чуть ли не больше отвоеваннаго. Но мало по малу саморядовцы «отбили себѣ землю». И въ память этого событія ежегодно бываютъ кулачки между Будищами съ одной стороны и Саморядовой и Козыревкой съ другой» [1]). Такой путь переселенія великоруссовъ встрѣчался довольно часто въ суджанскомъ уѣздѣ. Потомки этой вольницы, занимавшей мѣста по своему усмотрѣнію, въ большинствѣ случаевъ не помнятъ своего происхожденія, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ, занятыхъ на основаніи грамотъ, правнуки переселенцевъ указываютъ на свое происхожденіе отъ дѣтей боярскихъ, однодворцевъ и т. п. Суджанскій уѣздъ съ сѣвера заселялся больше «голытьбой» и вольнымъ «сбродомъ». Здѣсь были и холопы, бѣжавшіе отъ притѣсненія, и преступники, скрывавшіеся отъ преслѣдованія, и бродяги, не имѣвшіе выбора между побѣгомъ и кнутомъ, и наконецъ тѣ жаждущіе новыхъ мѣстъ, которымъ по экономическимъ или инымъ причинамъ не сидѣлось дома. Курскіе дозорщики скоро открывали такія вольныя поселенія и привлекали ихъ къ отбыванію общей для всѣхъ повинности—сторожевой службѣ.

Такъ какъ эти переселенія начались задолго до регулированія заселенія окраинъ (при Алексіѣ Михайловичѣ), то онѣ, какъ мы уже видѣли, были не всегда мирными. Это подтверждается, между прочимъ, и тѣмъ, что въ суджанскомъ уѣздѣ встрѣчаются селенія съ несомнѣнно малороссійскими названіями (Буды и др.), не заселенныя великороссами, что нѣкоторыми изслѣдователями объясняется тѣмъ, что великоруссы вытѣснили черкасъ уже изъ готовыхъ поселеній. Обѣ народности прибыли сюда съ различныхъ сторонъ и завели борьбу за право владѣнія землею. Кто оказывался сильнѣе въ этомъ захватѣ земли, тотъ и выигрывалъ. Оттого суджанскіе великороссы называютъ свою землю *старозаимочною*, желая этимъ, какъ объясняетъ г. Благовѣщенскій, указать лишь на то, что они не имѣютъ никакихъ юридическихъ правъ на землю, кромѣ права захвата, заимки, нѣкогда ими учиненной. Эту борьбу за землю между переселенцами сѣвера и юга остановила грамота царя Алексѣя Михайловича, санкціонирующая малорусскую заимку на дикомъ полѣ. Эта грамота останавливаетъ движеніе малороссовъ на сѣверъ, а великороссовъ на югъ.

---

[1]) „Еженедѣльникъ Суджан. зем.“, № 27 и 28 за 1885 г.

Такимъ образомъ, въ суджанскомъ уѣздѣ, между землями, носящими названіе старозаимочныхъ, слѣдуетъ отличать, во первыхъ, такія, которыми владѣютъ малороссы на основаніи жалованной грамоты царя Алексѣя Михайловича, а во вторыхъ такія, которыми великороссы владѣютъ лишь на основаніи захвата или заимки, произведенной ими самовольно, безъ вѣдома правительства.

Въ XVII и началѣ XVIII вѣка малороссы владѣли несомнѣнно большимъ количествомъ земли, чѣмъ въ настоящее время. Такъ въ 1767 году поручикъ сумскаго полка Яковъ Ямпольскій пробизведя, по порученію правительства, опись урочищъ суджанскаго уѣзда, нашелъ, что на жалованныхъ малороссійскихъ земляхъ построились слѣдующія великороссійскія села: Русская Порѣчная, Скородная, Пушкарная, Русская Конопелька, Большой Каменецъ, Сторожевое, Маховая, Растворово, Бирюковка, Козыревка, Саморядовка, Будищи, Черный Олехъ, Осиповка, Хотежъ-Колодезь и Бѣлица. Земли этихъ селеній перешли къ великороссамъ «по куплямъ, доставшимся разными случаями въ недавнѣхъ годѣхъ»[1]). Другія земли были отобраны отъ малороссовъ во время царствованія Анны Іоанновны безъ всякихъ «куплей», и только потому, что по ея повелѣнію слободскіе полки были переформированы въ драгунскіе, а офицеры послѣднихъ, перечисленные изъ великорусской арміи, получили въ пользованіе села и деревни, вмѣстѣ съ населявшими ихъ козаками. Такимъ путемъ, т. е. путемъ покупокъ и пожалованій образовалось и частное владѣніе землею лицъ не принимавшихъ участія въ сторожевой службѣ. Такъ въ описи Ямпольскаго упоминаются, какъ владѣльцы земель въ суджанскомъ уѣздѣ, кн. А. М. Голицынъ, В. Савичъ и бунчуковый товарищъ И. Лизогубъ[2]).

Что касается происхожденія крѣпостнаго права въ средѣ малорусскихъ козаковъ суджанскаго уѣзда, то появленіе его можно объяснить, какъ справедливо полагаетъ «Любитель старины», съ одной стороны вышеупомянутымъ распоряженіемъ Анны Іоанновны, а съ другой матеріальной зависимостью, въ которую могли попадать козаки и козацкіе подсусѣдки отъ московскихъ служилыхъ людей и своихъ же войсковыхъ старшинъ.

---

[1]) „Еженедѣл. Судж. зем.“, № 2.
[2]) Тамъ же.

По мѣрѣ того, какъ граница московскаго государства отодвигалась все южнѣе и южнѣе, военная организація слободскаго населенія дѣлалась не нужной. Преобразованный Анной Іоанновной драгунскій полкъ былъ уничтоженъ въ 1743 г. въ царствованіе Елизаветы Петровны. Но еще ранѣе того въ 1708 г. города Суджа и Мирополь, по волѣ великаго преобразователя Россіи, вошли въ составъ кіевской губерніи, а въ 1710 г. въ составъ бѣлгородской провинціи, въ которой и числились цѣлыхъ 60 лѣтъ. Въ 1779 же году, съ преобразованіемъ курскаго намѣстничества, г. Суджа былъ отнесенъ къ этому послѣднему со всею сѣверною частью теперешняго уѣзда, южная же половина, съ Миропольемъ, была присоединена къ харьковскому намѣстничеству. Но съ 1797 г. городъ Мирополье снова отнесенъ къ курской губерніи, а затѣмъ съ 1802 г. вошелъ въ составъ суджанскаго уѣзда, какъ заштатный городъ.

Съ паденіемъ полковой организаціи козаки переименовываются въ войсковыхъ обывателей, и имъ воспрещается переходъ съ одного мѣста на другое. Учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ ознаменовалось для войсковыхъ обывателей перечисленіемъ ихъ въ разрядъ государственныхъ крестьянъ. Съ этихъ поръ земельное и общественное устройство ихъ зависѣло отъ министерства, и оно стало смотрѣть на ихъ дачи, какъ на имущество государственное, вслѣдствіе чего обложило ихъ оброчной податью. Вмѣсто же «черкаской обыклости» въ управленіе вводится волость, окружное управленіе и палата государственныхъ имуществъ. Такимъ образомъ «чужеземная» народность, по выраженію грамотъ, входитъ въ составъ обширнаго государства.

Евг. Максимовъ.

КЪ ВОПРОСУ О НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ.

(«Выпись съ книгъ гродскихъ воеводства кіевскаго», 1593 г.).

I.

Въ недавнее время «Кіевская Старина» въ статьяхъ П. Л—ва [1]) и С. Т. Голубева [2]) вновь подняла старый вопросъ о началѣ кіевской академіи. Первый изслѣдователь держится того стариннаго мнѣнія, высказаннаго историографомъ Миллеромъ и В. Рубаномъ и развитаго впослѣдствіи митр. Евгеніемъ, Фундуклеемъ, Аскоченскимъ и Закревскимъ, что «кіевское братство со школой, будущею академіей, учреждено при Богоявленской церкви въ 1589 г., по благословенію патріарха Іереміи», г.-же Голубевъ, вслѣдъ за М. А. Максимовичемъ, митр. Макаріемъ и И. И. Малышевскимъ, поддерживаетъ мнѣніе о возникновеніи братства и школы около 1615 г. Этотъ споръ между двумя знатоками мѣстной исторіи и литературы, выставившими въ подкрѣпленіе защищаемыхъ ими мнѣній нѣсколько новыхъ историческихъ данныхъ и болѣе или менѣе основательныхъ предположеній, не привелъ однако ни къ какому рѣшительному результату: каждая сторона осталась при своемъ мнѣніи. П. Л—въ во второй своей статьѣ, явившейся послѣднею по данному предмету, заявилъ, что не считаетъ статьи г. Голубева «послѣднимъ словомъ по вопросу». Дѣйствительно, для всякаго безпристрастнаго зрителя этого спора является немыслимымъ всецѣло примкнуть къ тому,

---

[1]) „Историч. замѣтки о Кіевѣ", „Кіев. Стар.", 1884 г., т. X, и „По вопросу о началѣ кіевской академіи". Іb., 1885 г., т. XI.

[2]) „Древн. и нов. сказанія о началѣ кіевской академіи". Іb.. 1885 г.

или къ другому мнѣнію: каждое изъ нихъ много имѣетъ доводовъ и *за*, и *противъ* себя, и притомъ каждое защищается горячо и убѣдительно. Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи вопросъ останется до тѣхъ поръ, пока не выяснятся окончательно многія темныя стороны его, и пока новыя историческія данныя не заполнятъ тѣхъ пробѣловъ, какіе встрѣчаются здѣсь на каждомъ шагу. Именно уясненію одного изъ такихъ пробѣловъ посвящена настоящая замѣтка.

Между немногими документальными данными вопроса о началѣ кіевской академіи не послѣднюю роль играетъ «выпись съ книгъ гродскихъ воеводства кіевскаго», 1593 г. Защитники перваго мнѣнія (о началѣ академіи въ 1589 г.) ссылались на эту «выпись», какъ на одно изъ доказательствъ существованія Богоявленскаго братства и школы въ концѣ XVI ст., хотя самой «выписи» никто изъ нихъ доселѣ не видѣлъ и зналъ о ней только по немногимъ выдержкамъ, помѣщеннымъ въ подтвердительной царской жалованной грамотѣ кіево-братскому монастырю, отъ 11 января 1694 г. [1]). Прежде другихъ сослался на «выпись» Аскоченскій, по словамъ котораго этотъ документъ свидѣтельствуетъ, что въ 1593 г. «кіевскій нагорскій священникъ Филиппъ Афанасьевъ положилъ передъ урядомъ королевскимъ листы урядниковъ воеводства кіевскаго для подтвержденія принадлежащихъ къ церкви Трехсвятительской и Крестовоздвиженской вотчинъ со всѣми ихъ угодьями и для передачи ихъ потомъ кіево-богоявленскому братству» [2]). Послѣднее выраженіе есть положительная выдумка Аскоченскаго, такъ какъ царская грамота 1694 г. не даетъ никакого права сдѣлать выводъ о передачѣ свящ. Ф. Афанасьевымъ имѣній упомянутыхъ церквей въ вѣдѣніе кіево-богоявленскаго братства. Царская грамота говоритъ только о томъ, что въ числѣ разныхъ документовъ, представленныхъ братскимъ монастыремъ въ Москву, въ приказъ Малой Россіи, для подтвержденія правъ на владѣніе разными имѣніями, находилась также и «выпись» 1593 г., выданная въ этомъ году настоятелю двухъ кіевскихъ церквей. Какими судьбами выпись перешла затѣмъ, вмѣстѣ съ имѣніями этихъ церквей, къ братскому монастырю, грамота ничего не гово-

---

[1]) „Памятники кіев. коммис. для разбора древн. актовъ“, т. II, отд. I, № 29.
[2]) „Кіев. Стар.“, 1885 г., т. XI, стр. 93.

ритъ. Между тѣмъ, различныя выраженія грамоты и ея выдержекъ изъ «выписи» [1]) и другихъ документовъ [2]) прямо свидѣтельствуютъ, что «выпись» относилась въ 1593 г. именно къ трехсвятительской и крестовоздвиженской церквамъ, но никакъ не къ братскому монастырю, тогда какъ всѣ остальные документы, приведенные въ грамотѣ, ясно говорятъ о правахъ и владѣніяхъ именно этого монастыря [3]).

Не смотря на это, и послѣ Аскоченскаго другіе изслѣдователи разсматриваемаго вопроса продолжали указывать на «выпись» 1593 г., какъ на доказательство существованія въ этомъ году кіево-братской школы. Въ послѣднее время П. Л—въ снова сослался именно въ этомъ смыслѣ на «выпись». Онъ говоритъ, что «нельзя отвергать свидѣтельства выписи изъ кіевскихъ гродскихъ книгъ о существованіи кіево-братскаго монастыря въ 1594 г., приведенной на справку въ царской грамотѣ 1694 г., потому только, что выпись эта не дошла до насъ въ подлинникѣ» [4]).

Всю слабость этого утвержденія доказалъ г. Голубевъ въ своей послѣдней статьѣ [5]). Указавши на то, что ни царская грамота 1694 г., ни рукописная «Опись» конца XVIII в. документовъ кіево-печерской лавры, упоминающая въ числѣ другихъ актовъ и о выписи 1593 г., не говорятъ о ея принадлежности въ указанное время братскому монастырю, г. Голубевъ предполагаетъ, что въ 1693 г. монастырь представилъ въ Москву разсматриваемую «выпись», какъ такой «документъ, который доказывалъ, что земли, которыя перешли къ монастырю отъ кіевскихъ трехсвятительской и крестовоздвиженской церквей, принадлежали этимъ церквамъ на правѣ собственности въ 1593 г.» Въ доказательство этого вывода, построеннаго главнымъ образомъ на отвлеченныхъ соображеніяхъ, авторъ ссылается на акты, свидѣтельствующіе, что братскій монастырь сталъ владѣть имѣніями помянутыхъ церквей только съ 1638 г. Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Голубева, только въ этомъ году монастырь

---

[1]) „Памятники“, т. II, стр. 290—2.
[2]) Ibid., 307—8, 310—12.
[3]) Ibid., стр. 292—300.
[4]) „Кіев. Стар.“, 1884 г., т. X, 229—30.
[5]) Ibid., 1885 г., т. I, стр. 97, 100—102.

получилъ «выпись» 1593 г., перешедшую къ нему вмѣстѣ съ земельными имуществами двухъ церквей.

Во второй свой статьѣ П. Л—въ повидимому готовъ согласиться съ мнѣніемъ г. Голубева о значеніи «выписи», по крайней мѣрѣ онъ отказывается защищать послѣднюю, замѣчая мимоходомъ въ свое оправданіе, что этотъ документъ «упомянутъ у Аскоченскаго, а не у насъ» [1]).

Такимъ образомъ, вопросъ о «выписи» 1593 г. остается въ сущности открытымъ. Какъ ни кажется основательнымъ заключеніе о ней г. Голубева, но такъ какъ оно основано не на фактическихъ данныхъ, а на однихъ предположеніяхъ, то противъ него можно-бы найти возраженія... Подтвердить или опровергнуть его выводы можетъ только самый документъ. Въ настоящее время это представляется возможнымъ, такъ какъ давно отыскиваемая «выпись» 1593 г. недавно найдена мною въ одной изъ книгъ разряднаго приказа, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, именно—въ книгѣ № 10 кіевскаго стола или «повытья», 7195 (1687) г.

II.

Кіевскаго стола книга № 10 содержитъ «описную книгу кіевскаго ограниченія», составленную въ 194 (1686 г.) капитаномъ Ѳедоромъ Соломѣинымъ и подьячимъ кіевской приказной избы Ѳедоромъ Наковальнинымъ. Книга описываетъ порубежныя мѣстности кіевскаго уѣзда, послѣ присоединенія его къ Россіи по вѣчному миру 1686 г., и въ географическомъ отношеніи представляетъ очень цѣнный матеріалъ [2]). Но немаловажно ея значеніе и въ другихъ отношеніяхъ. Владѣльцамъ имѣній въ новоприсоединенномъ краѣ велѣно было представить свои крѣпостные акты въ кіевскую приказную избу, которая должна была снять съ нихъ «списки» (копіи), а подлинники возвратить владѣльцамъ. Эти акты, среди которыхъ находится и «выпись» 1593 г., помѣщены въ видѣ приложенія къ «описной книгѣ», составляя особый отдѣлъ ея, съ особымъ преди-

---

[1]) Ibid., 1885 г., т. II, стр. 270

[2]) Подробныя свѣдѣнія о ней и извлеченія см. въ „Обозрѣніи ист.-геогр. матер. XVII и нач. XVIII в.“ „Опис. докум. моск. арх. мин. юст.“, кн. IV, стр. 316—20 и XXX приложеніе.

словіемъ (л. 67—70) и подъ особой нумераціей листовъ (л. 1—187, гдѣ собственно акты). Такъ какъ это собраніе актовъ, принадлежавшихъ теперь Россіи [1]), кіевскихъ монастырей имѣетъ важное значеніе для исторіи послѣднихъ и вообще для исторіи Кіева и такъ какъ оно не было доселѣ извѣстно въ нашей исторической литературѣ, то считаю необходимымъ нѣсколько подробнѣе остановиться надъ нимъ, помимо главнаго вопроса настоящей замѣтки.

Въ предисловіи къ собранію крѣпостныхъ актовъ кіевскихъ монастырей говорится, что по указу великихъ государей и по грамотѣ изъ посольскаго приказа, отъ 11 ноября 195 (1686) г., «за приписью» дьяка Прокофія Возницына, велѣно у архимандрита печерскаго монастыря и у настоятелей другихъ кіевскихъ монастырей взять «списки» съ «жалованныхъ грамотъ» московскихъ царей, королевскихъ «привилеевъ» и гетманскихъ «универсаловъ» и прислать эти «списки» въ посольскій приказъ (л. 69) [2]). Вслѣдъ за этимъ предисловіемъ идутъ самые «списки» съ актовъ, которые писаны на листахъ обыкновеннаго формата, разными почерками южно-русскаго письма конца XVII в. Они расположены систематически—по монастырямъ, представившимъ акты. Въ каждомъ такомъ отдѣлѣ акты расположены безъ системы хронологической, или какой либо иной. Каждый отдѣлъ подписанъ по листамъ настоятелемъ извѣстнаго монастыря, а все собраніе актовъ скрѣплено дьячьею подписью.

Во главѣ поставлены акты кіево-печерской лавры (л. 1—37), по нижнимъ полямъ которыхъ идетъ такая скрѣпа: «къ симъ спискамъ кіево-печерскаго монастыря архимандритъ Варлаамъ Ясинскій руку свою приложилъ, а подлинные крѣпости къ себѣ въ монастырь взялъ». Здѣсь помѣщено 23 лаврскихъ акта: одинъ актъ XII вѣка, одинъ конца XIV в. или начала XIII в., по одному акту конца XIV в. и конца XV в., 11 актовъ XVI в. и 8 актовъ XVII в. Такимъ образомъ, по древности документовъ—это очень цѣнное

---

[1]) Польской шляхтѣ было запрещено „въѣзжать“ и „владѣть“ принадлежавшими имъ прежде здѣсь имѣніями (л. 32 об. „описной книги“).

[2]) На 1-мъ листѣ предисловія читаемъ такую помѣту, сдѣланную или въ посольскомъ приказѣ, или въ приказѣ Малой Россіи: „195 г., марта въ 24 день, подалъ кіевской приказной избы подьячей Матвѣй Налетовъ“.

собраніе [1]). Цѣнность его увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что большая часть находящихся здѣсь актовъ не встрѣчалась доселѣ въ другихъ собраніяхъ документовъ печерскаго монастыря. Таковы, напр., древнѣйшіе документы «описной книги»: а) № 9, «выпись зъ метрикъ Іеремѣи патріарха константинопольскаго, привѣлею великого князя Китая (sic) Андрея Юревича, внука Володимерова, на мѣсто Василковъ зъ его принадлежностями на монастыръ печерский [2]), и привѣлей Максима патріархи константинопольскаго на ставропигіонъ тому-жъ манастырови», 6666 (1158) г. (л. 9—14), б) № 3, «привилей князя Романа Галицкаго, кіевскаго, владымирскаго, луцкаго и иныхъ земль обладателя, который записуетъ землю забудецкую и проч.», 6748 (1240) г. (л. 2—3) [3]).

Кромѣ этихъ двухъ актовъ, цѣнны еще, по своей древности, одинъ актъ конца XIV в. [4]) и другой конца XV в. [5]). Остальные печерскіе акты XVI и XVII в. в., данные монастырю московскими царями, польскими королями, малороссійскими гетманами, разными административными и частными лицами, говорятъ о правахъ монастыря на разныя села, деревни, земли, дворы, озера и пр.

Вслѣдъ за печерскими актами идутъ крѣпостные акты остальныхъ кіевскихъ монастырей, но всѣ они только XVI и XVII в. Акты принадлежатъ слѣд. монастырямъ: троицкому (л. 39—41), пустынно-николаевскому (л. 44—56), златоверхо-михайловскому (л. 60—73), выдубецкому-михайловскому (л. 77—87), брат-

---

[1]) Оно не вошло въ обозрѣніе Д. М. Мейчика „Грамоты и др. акты XIV и XV в. Моск. Архива Мин. Юст.“ („Описан. докум. Моск. Арх. Мин. Юст.“, кн. IV)

[2]) Грамоту эту митрополитъ Евгеній въ „Описаніи Кіево-Печерской лавры“ назвалъ сомнительною, и на самомъ дѣлѣ въ ней много признаковъ подложности.

[3]) № 5 (л. 3), „Листъ на кону грошій, а писана сія грамота при архимандритовѣ Ѳеодосіеви“: нѣкій Семенъ Сколковъ завѣщалъ выдавать Печерскому монастырю изъ своего имѣнія въ Мойсейковичахъ и въ Лѣсникахъ „кону грошей“ ежегодно въ день „Воведенія Стыя Бцы“. Въ концѣ: „а при томъ были старци Печерского монастыря Дублянский Іона, Авраамъ ключникъ, Нифонтъ, стаго Михайла Золотоверхого игуменъ Стефанъ Переломило, попъ Лисинскій Фалелѣй..... Писанъ въ Печерскомъ монастырѣ, въ лѣто 6906“ (1398 г.).

[4]) № 7 (л. 5), „Панѣ Анастасія Чижевая записуетъ ся дань медовую давати монастиру Печерскому в земли Печерской надъ рѣчкою Бобрикомъ“, 2 іюня 7000 (1492 г.).

скому-богоявленскому (л. 90—106), кириловскому (л. 107—124), преображенскому-межигорскому (л. 125—168), вознесенскому-печерскому дѣвичью (л. 175—5)[1]), михайловскому-золотоверхому дѣвичью (л. 176—8) и ѳроловскому дѣвичью монастырю (л. 180—7). Всѣ эти акты, значительная часть которыхъ не была извѣстна доселѣ, цѣнны для исторіи этихъ монастырей въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ. Многіе изъ нихъ желательно было бы видѣть въ печати.

III.

Перехожу къ собранію актовъ кіево-богоявленскаго монастыря. 9 актовъ его (л. 90—106) были поданы въ кіевскую приказную избу іеромонахомъ Ѳеодосіемъ Гугуревичемъ, игуменомъ монастыря и «ректоромъ коллегіума» (подпись его по нижнимъ полямъ листовъ и въ концѣ отдѣла богоявленскихъ актовъ). 4 акта уже были напечатаны въ II томѣ «Памятниковъ кіев. комисс. для разб. древн. актовъ», именно: а) № 1 разсматриваемаго собранія, универсалъ гетмана Богдана Хмельницкаго отъ 11 янв. 1651 г. (л. 90)—напечатанъ въ «Памятникахъ» подъ № XVIII; б) № 4, подтвердительная жалованная грамота царя Алексѣя Михайловича, отъ 31 дек. 1659 г. (л. 91), тамъ-же, подъ № XX; в) № 6, подтвердительный универсалъ короля Владислава IV, отъ 7 іюня 1640 г. (л. 92) тамъ-же, № XI и г) № 8, подтвердительный универсалъ короля Михаила, отъ 25 апр. 1670 г. (л. 93 об.) въ тѣхъ-же «Памятникахъ», № XXIII,

Остальные 5 актовъ, представленные о. Ѳеодосіемъ Гугуревичемъ, на сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не напечатаны, именно: а) № 2, Листъ объ отдачѣ Лазаремъ Барановичемъ, братскимъ ректоромъ и игуменомъ дятеловскимъ, и братіею братскаго монастыря въ аренду сотнику Іоанну Мидкевичу «воднаго мѣста отъ байдаковъ и вшелякаго судна», перевоза на р. Днѣпрѣ, мельничнаго и виннаго сборовъ въ мѣстечкѣ Вышгородѣ и с. с. Петровцы и Мощаны, за 1500 польскихъ золотыхъ, отъ 15 авг.

[1]) Акты этого монастыря поданы были въ приказную избу игуменьей Маріей Магдалиной Мазепиной.

1550 г. (л. 90). б) № 3, Листъ объ отдаче Иннокентіемъ Гизелемъ, игуменомъ кирильскимъ, монастыря братскаго кіевского ректоромъ, «въ дозоръ» сотнику Ивану Митюрѣ мыта, перевоза и пр. въ мѣстечкѣ Вышгородѣ и с. с. Петровцы и Мощаны, отъ 30 марта 1650 г. (л. 90 об.). в) № 5, Объявительный листъ гетмана Юрія Хмельницкаго отъ 6 марта 1660 г. о пожалованіи монастырю подтвердительной жалованной грамоты царя Алексѣя Мяхайловича отъ 31 декабря 1659 г. (№ 4 настоящаго собранія, № XX «Памятниковъ») (листъ 91 на обор.). г) № 7, Подтвердительный универсалъ короля Іоанна Казиміра на право владѣнія трехсвятительской и крестовоздвиженской церквами, съ ихъ местностями, отъ 20 января 1650 г. (л. 92 на об.) и д) наконецъ № 9, «Выпись съ книгъ кгродскихъ воеводства кіевского, року 1593-го, мѣсяца марта 20-го дня» (л. 95—106).

«Выпись» говоритъ, что въ 1593 г. попъ нагорской воздвиженской церкви Филипъ Опанасовичъ Одоній «покладалъ передъ кіевскимъ подвоеводимъ Филономъ Стрыбилемъ листовъ осмь», заключавшихъ въ себѣ крѣпостные акты воздвиженской церкви, и просилъ о внесеніи ихъ «до книгъ кгродскихъ кіевскихъ». Эти 8 актовъ были «уписаны» въ гродскія книги и выпись о томъ, со внесеніемъ въ нее всѣхъ представленыхъ актовъ, выдана о. Филиппу Одонію.

Въ виду большихъ размѣровъ выписи (могла-бы составить болѣе 2 печатныхъ листовъ) считаю необходимымъ ограничиться только немногими болѣе существенными выдержками изъ нея, строго придерживаясь оригинала. Прежде всего приведу начало выписи:

«Выпись съ книгъ кгродскихъ воеводства Кіевского:

Року тисеча пятсотъ девятдесят третего мца марца двадцатого дня,

На враде его королевской милости кгродскомъ Кіевскомъ передо мною Филономъ Стрыбилемъ, подвоеводимъ Кіевскимъ, постановившися очевисто богомолецъ его королевской милости, свещенникъ Нагорской Кіевский, отецъ Филипъ Опанасевичъ воздвиженский, оповедалъ и покладалъ передо мною листовъ осмь, которіе належатъ ку церкви нагорской Кіевской Воздвиженья Честнаго Крста и на вси пожитки до неи належачіи, оному свещенныку воздвиженскому отцу Фи-

липну на то даные: перший листъ оттворный з двома печатми и с подписами руку его милости велможного пана князя Владислава Збаразкого, справци воеводства Кіевского, державци Потоцкого, и с подписомъ руки пана Василья Рая, намесника и депутата земли Кіевской, належный до тое церкви Воздвиженской и на вси пожитки до неи належачіи, подъ датою року тисеча пятсотъ семъдесятъ третего, мца ѳевраля третегонадцатъ дня.—Другий листъ отвореный Гендрика Божію мстію короля Полского и великого княства Литовского, подъ собною печатю его королевское милости и с подписомъ руки велебного Петра Дунина Волского, каноника кгнезденского и подканцлѣрого королевства полского, на подверженья того листу князя Владислава Збаразкого и пана Василя Рая, под датою року тисеча пятсотъ семъдесятъ четвертого, мця априля двадцетъ четвертого дня.—Два листи велможного его млсти пана Костентина княжати Острозкого, воеводы кіевского: одинъ—писаный до намесника воеводства кіевского, князя Остафья Ивановича Ружинского и по немъ будучихъ намесниковъ се зде въ Кіеви, о не видание даней з селъ никоторыхъ, подъ датою року тисеча пятсотъ семьдесятъ первого, мця декабра пятого дня, а другий на потвержене кгрунтовъ, приходовъ, пашни, дани, озеръ, сеножатей, належачихъ ку тойже церкви Воздвиженской, тому жъ свещенику нагорскому воздвиженскому отцу Ѳилипу даный, з уписанемъ на немъ границъ и кгрунту церковного, меновите подъ датою року тисеча пятсотъ осмьдесятъ шостого, мсца октября пятогонадцятъ дня. Тые обадва лысты подъ печатю и з подписомъ руки его княжацкое млсти.—Пятый листъ его млсти князя Матуша зе Збаража Воронецкого, подвоеводего кіевского, подъ печатю и с подписомъ руки его млсти, въ которомъ описуетъ кгрунта даване въ справи мещчанина кіевского Гаврила Котелника в неведомости отца Ѳилипа попа нагородского: его млсть князь Остафей Ружинский далъ билъ тому Котелнику во вживане сеножать црковную Воздвиженскую уволукомъ надъ озеромъ Великимъ, межи криницъ отъ Выжгорода, мнечи быть замковую, якожъ за доводомъ слушнымъ листовнымъ его (млсть) князь Воронецкій, отдаливши отъ того мещанина пожитки церковніе, зась ку цркви Воздвиженской привернулъ и ку уживаню оному Ѳилину попу нагорскому присудилъ, и тотъ листъ ему на то далъ, подъ датою року тисеча пятсотъ осмьдесятъ девятого,

мця декабра второгонадцеть дня.—Шестый листъ его млсти отца Михайла митрополита кіевского, галицкаго и всее Русы, подъ печатю и з подписомъ руки его млсти, князя воеводы кіевского, слово в слово уписаный, ствержения данины стародавное на церковь Воздвиженскую, зъ Евангелія списаное, подъ датою року тисеча пятсотъ девятдесятого, мця ноября девятого дня.—Семый листъ судовый пана Григорія Сестрена Пашковского, намесника митрополита его млсти кіевского, сооейского, пана Северина Куропатвича, подъ печатми и с подписами рукъ ихъ, емужъ Θилипу попу нагородскому даный, и квитъ сознания возныхъ кіевскихъ Лаврина Телочка Енерала и Івана Счадковского возного, такъже подъ печатми и с подписами рукъ ихъ, подъ датою обадва року тисеча пятсотъ девятдесятъ второго, мця ноября дватцятъ шостого дня, належные ку тойже менованой справѣ и ку цркви Воздвиженской ш....., а меновите на тыхъ всѣхъ справахъ и листахъ, тутъ нижей описанныхъ, вся речъ сама достатечне доложена и описана есть. И просилъ помененый свещенникъ нагорский отецъ Θилипъ Воздвиженский, абы тые вси лысты для ствержения лепшого до книгъ кгродскихъ кіевскихъ уписаны были, а такъ я, зъ уряду, тыхъ листовъ печати и подписъ рукъ оныхъ оглядивши и до ведомости своее припустивши, за прозбою его, казалемъ тые вси осмь листовъ до книгъ кгродскихъ кіевскихъ уписати».

Далѣе идутъ списки со всѣхъ 8 актовъ, представленныхъ о. Одоніемъ. Для примѣра выписываю древнѣйшій документъ, «листъ» кн. Владислава Збаражскаго и пана Василія Рая, 1574 г., поставленный во главѣ остальныхъ:

«И на первей листъ князя Владислава Збаразкого такъ се въ себѣ маеть:

Владиславъ Андреевичъ Збаразскій, справца воеводства кіевского, державца потоцкій, а Василій Рай, намесникъ кіевскій: билъ намъ челомъ священникъ на имя Филипъ Опанасовичъ чеснохрескій, а быхмо ему церковь мурованую, которая отъ немалого часу впустѣ лежитъ на горѣ, противъ замку кіевского, подле светого Михайла Золотоверхого, светыхъ трехъ светытелѣй, Василія Великого, Григорія Богослова, Іоана Златоустого, дали. Мы, видечи его прозьбу быти слушную, а ижъ онъ человѣкъ до того годный и учоный, тую церковь верхупомененную стыхъ трохъ светытелей ему даемъ зъ вси-

ми доходи и церемоніами, з людми куничными и зъ дворомъ церковнымъ, въ которомъ самъ маетъ мѣшкать, зъ сеножатми, зъ озеромъ ку тей церкви прислухаючимъ, и маетъ тотъ Ѳилипъ Опанасовичъ, попъ Воздвиженя Чесного Креста, тую церковь святого Василя держати и уживати зъ всими тыми пожитки, къ ней приходячими, до живота своего, а за господара короля, его пановъ радъ и за весь народъ христианский Бога Сотворителя просити, и на то ему священнику Воздвиженскому, отцу Ѳилипу Опанасовичу дали есьмо нашъ листъ з нашими печатми и с подписомъ рукъ нашыхъ. Писанъ у Кіевѣ, лета Божіего нарожденя тисеча пятсотъ семьдесятъ третего, мѣсяця ѳевраля третегонадцяти дня.—Въ того листу печатей двѣ припячатаны и подпись рукъ тыми слови: Владиславъ князь Збаразкий, справца воеводства кіевского, державца потоцкий, рукою своею; Василей Рай, намесникъ и депутатъ земли кіевскіе».

Далѣе идутъ «листы» короля Генриха, 1574 г., кн. Константина Острожскаго, 1581 и 1586 г. г. и проч. «Выпись» оканчивается такъ: «вси справы вышепомененые, на церковъ Воздвиженскую належачыи на вси приходи и пожитки и кгрунта прислухаючие, для ствержения и певности лепшой, за прозбою отца Ѳилипа Одонія, попа нагорского воздвиженского, казалемъ до книгъ кгродскихъ кіевскихъ записать, што есть записано, зъ которыхъ и тотъ выпись подъ печатю кгродскою кіевскою, в року теперешномъ тисеча шестсотъ чотиридесятъ шостомъ, мѣсяца декабря двадцеть четвертого дня, естъ виданъ. Писанъ въ Кіеве.—Кориговалъ Виговскій» (л. 106).

IV.

И такъ, для исторіи трехсвятительской и крестовоздвиженской церквей «выпись имѣетъ несомнѣнно важное значеніе: она очень обстоятельно передастъ свѣдѣнія объ имѣніяхъ церквей, какія принадлежали имъ въ 1593 г. и раньше, говоритъ о состояніи храмовъ, объ ихъ духовенствѣ и проч. Въ перечнѣ церковныхъ куничныхъ дворовъ въ городѣ, также нивъ, лѣсовъ, озеръ и пр. заключается интересный матеріалъ для топографіи Кіева и его окрестностей. Такъ, здѣсь встрѣчаются упоминанія о ручьѣ Верхнемъ Кловѣ, о Крещатой долинѣ, о р. р. Лыбеди и Борщовкѣ (нынѣ Борщаговка), объ окрестностяхъ Вышгорода и проч. Богатыя топографи-

ческія данныя заключаются особенно въ тѣхъ «листахъ», гдѣ приводятся описанія межъ церковныхъ владѣній. Таковы «листы» кн. Константина Острожскаго, кн. Матуша Воронецкаго, митрополита Михаила (это собственно повтореніе 2-го «листа» кн. Конст. Острожскаго) и пановъ Григорія Сестрена Пашковскаго и Северина Куропатвича. Найболѣе подробное описаніе межъ находится въ «листахъ» кн. К. Острожскаго. Кажется, именно отсюда взято описаніе межъ, внесенное въ царскую грамоту отъ 11 генваря 1694 г. [1]).

Интересна «выпись» и въ историко-юридическомъ отношеніи, какъ памятникъ XVI в., т. е. того времени, отъ котораго сохранилось немного документовъ. Немаловажно ея значеніе и въ бытовомъ отношеніи, напр. фактъ принадлежности Воздвиженской церкви нѣсколькимъ поколѣніямъ одного и того же священническаго рода (о. Филиппа Одонія) и т. п.

Но для вопроса о началѣ кіевской академіи «выпись» 1593 г. не имѣетъ никакого значенія. Какъ въ представленныхъ отрывкахъ изъ «выписи», такъ и во всѣхъ остальныхъ внесенныхъ въ нее «листахъ [1]), нигдѣ нѣтъ ни слова, ни намека на Богоявленское братство, монастырь, или школу: всѣ документы говорятъ только о трехсвятительской и крестовоздвиженской церквахъ.

Такимъ образомъ, высказанныя г. Голубевымъ предположенія (см. I гл.) подтверждаются самимъ документомъ. Защитники мнѣнія о началѣ кіевской академіи въ 1589 г. должны теперь окончательно выбросить изъ своихъ аргументовъ ссылку на «выпись» 1593 г., какъ на одно изъ доказательствъ поддерживаемаго ими мнѣнія. Въ послѣдней своей статьѣ П. Л—въ [2]) согласился съ доводами г. Голубева относительно «купчей» Андрея Обуха, 1594 г., т. е. что въ концѣ XVI в. она не имѣла никакого отношенія къ братскому монастырю, а перешла къ нему впослѣдствіи, всѣстѣ съ маетностями, значащимися въ этомъ документѣ. Теперь, когда подорваны обѣ документальныя основы защитниковъ древняго происхожденія кіевской академіи, на ихъ долю остаются спорные и темные вопросы

---

[1]) „Памятники Кіев. Ком.“, II, № XXIX, стр. 290—2.

[2]) „Кіев. Стар., 1885 г., т. II, стр. 270.

о посѣщеніи Кіева константинопольскимъ патріархомъ Іереміею, о времени учрежденія Богоявленскаго братства, о времени построенія Богоявленской церкви и проч. Желательно, что-бы и по этимъ вопросамъ явились новыя документальныя данныя: только тогда вопросъ о началѣ кіевской академіи можно будетъ признать окончательно установившимся.

Н. Оглоблинъ.

КАРМЕЛЮКЪ.

(Переводъ съ польскаго).

Предварительныя объясненія.

Личность Кармелюка и его трагическая судьба занимаютъ столь видное мѣсто въ памяти народной, представляютъ собою столь яркое явленіе въ соціальной жизни нашего народа и оставили по себѣ такъ много и устныхъ разсказовъ и офиціальныхъ дѣлъ, что насъ положительно удивляетъ, какъ доселѣ никто изъ нашихъ мѣстныхъ историковъ и беллетристовъ не принялъ на себя труда возсоздать, по уцѣлѣвшимъ чертамъ, живой и правдивый образъ этого замѣчательнаго народнаго протестанта, изобразить высоко-драматическую его судьбу, такъ ярко очерченную въ преданіяхъ и пѣсняхъ народныхъ. Кромѣ пѣсенъ, бѣглыхъ, вскользь, замѣтокъ, нѣсколькихъ отрывочныхъ преданій, ничего болѣе о Кармелюкѣ мы не знаемъ, очерка его личности и судьбы у насъ вовсе нѣтъ. Въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, насъ опередила польская историческая литература. Тамъ нѣсколько лѣтъ существуетъ уже обстоятельный очеркъ личности и похожденій Кармелюка, принадлежащій перу талантливаго историческаго писателя, извѣстнаго доктора Ролле,—разсказъ тѣмъ болѣе цѣнный, что основанъ, какъ самъ авторъ говоритъ, не на устныхъ народныхъ преданіяхъ, а на офиціальныхъ данныхъ того времени. Въ переводѣ на русскій языкъ онъ не являлся, да и въ польскомъ подлинникѣ изданъ во Львовѣ, въ ряду другихъ очерковъ того-же автора, въ отдѣльной книгѣ, подъ заглавіемъ: *Gawędy z przeszłości.*

Предлагая этотъ очеркъ въ возможно точномъ, лишь съ весьма незначительными сокращеніями, переводѣ, мы увѣрены, что онъ прочтется всякимъ съ живымъ интересомъ и послужитъ рамкою для обращающихся въ народѣ и лишь отчасти извѣстныхъ въ печати отрывочныхъ и неясныхъ преданій о дѣйствіяхъ Кармелюка.

Считаемъ однако необходимымъ предварительно отмѣтить ту особую точку зрѣнія автора на предметъ, которая проглядываетъ во всемъ очеркѣ, но особенно рѣзко обозначена въ первой главѣ и въ концѣ послѣдней, нами опускаемомъ. Авторъ смотритъ на Кармелюка глазами потерпѣвшей отъ сего послѣдняго стороны, т. е. польской шляхты, игнорируетъ отношенія ея къ средѣ крестьянской, давшей отъ себя Кармелюка, объясняетъ по своему, какъ самое появленіе этого дикаго, по его словамъ, разбойника, такъ и народныя къ нему симпатіи и особо отмѣчаетъ, что черпалъ свои свѣдѣнія не изъ устныхъ преданій, но изъ судебныхъ о Кармелюкѣ дѣлъ, которыхъ перечиталъ свыше 9 тысячъ листовъ. Взглядъ этотъ есть только отраженіе того общаго польскимъ историческимъ писателямъ взгляда на польско-русскія соотношенія послѣднихъ трехъ столѣтій, по которому всѣ возстанія южно-русскаго народа съ конца XVI в., козацкія войны и завершившее ихъ гайдамачество были ничто иное, какъ бунты дикаго русскаго хлопства, не хотѣвшаго, по своей грубости и необузданности, вкушать плодовъ высшей культуры, которою старались облагодѣтельствовать его владѣвшіе имъ польскіе паны, а предводители народные только простые бунтовщики, грабители и разбойники. По этому взгляду и Кармелюкъ является послѣднимъ отпрыскомъ цѣлаго ряда украинскихъ разбойниковъ отъ левенцовъ до гайдамакъ. Появленіе его объясняется у автора только жившею въ народѣ скверною традиціею да отчасти еще мѣстностію, удобною для разбоя и грабежей. И ни слова о положеніи народа, изъ среды котораго вышелъ Кармелюкъ, объ отношеніяхъ къ нему пановавшей шляхты, о положеніи самаго Кармелюка во дворѣ пана Пигловскаго. Короткой фразой и какъ-бы мимоходомъ упомянуто объ отдачѣ Кармелюка въ солдаты „за какой то проступокъ или непослушаніе; тоска по родинѣ и семьѣ приводитъ его къ побѣгу изъ арміи, чувство самосохраненія къ воровству, а за тѣмъ онъ сталъ на покатости, на которой трудно удержаться“... Все это могло-бы быть очень доказательно, если бы не было такъ неестественно кратко и не полно. Авторъ широко распространяется о причинахъ отдаленныхъ, проблемматичеекихъ и оставляетъ безъ вниманія причины ближайшія, строго дѣйствительныя. Онъ отдаетъ предпочтеніе, болѣе того—онъ считаетъ единственнымъ источникомъ свѣдѣній для изображенія Кармелюка тѣ тысячи листовъ судебныхъ дѣлъ, которыя ему удалось одолѣть. Но что могла сказать ему эта мертвечина, этотъ канцелярскій хламъ, существенную часть котораго мы имѣли въ своихъ рукахъ? Они помогли ему установить въ порядкѣ времени отдѣльные случаи преступленій Кармелюка и его

сообщниковъ—по показаніямъ намѣренно скрытнымъ, извращеннымъ, не полнымъ, и только; но не могли объяснить истинныхъ мотивовъ преступленія въ каждомъ данномъ случаѣ и отношеній преступниковъ къ потерпѣвшимъ отъ нихъ и наоборотъ. Тогдашнимъ военнымъ и гражданскимъ властямъ, преслѣдовавшимъ и судившимъ Кармелюка, не было дѣла ни до соціальнаго положенія народа, на который они имѣли свой особый взглядъ, ни въ частности до семейнаго разгрома Кармелюка и перенесеннаго имъ душевнаго потрясенія и мукъ; онѣ не входили и не могли входить въ обсужденіе ни обстоятельствъ отдачи его въ солдаты, ни личныхъ и обще-національныхъ мотивовъ, руководившихъ ненавистью его къ панству и всему соприкасавшемуся съ нимъ и ожесточенною надъ ними местью; онѣ имѣли дѣло съ фактомъ нарушенія закона и судили Кармелюка, какъ дезертира, вора, грабителя, разбойника, бѣгло-каторжника. И такимъ онъ дѣйствительно былъ предъ буквою закона; но съ точки зрѣнія высшей исторической правды онъ можетъ представиться въ другомъ свѣтѣ, близкомъ къ тому, въ какомъ обрисовалъ его голосъ народа, народныя преданія и пѣсни. Намъ кажется, что тысячи пересмотрѣнныхъ авторомъ Кармелюка дѣлъ не скажутъ ему того, что говоритъ слѣдующій отрывокъ глубоко поэтической пѣсни отъ лица Кармелюка, если не самаго его:

Повернувся я зъ Сибири,
Нема-жъ мени доли:
Хоть здається не въ кайданахъ,
Але-жъ у неволи.
Слидять мене въ день и въ ночи,
Всякую годину.
Ниде-жъ мени ся подити,
Изъ журбы я згину.
Зовуть мене розбійникомъ,
Кажуть, розбиваю;
Не убивъ же я никого,
Бо й самъ душу маю.
А що визьму въ багатого,
То вбогому даю;
А такъ гроши подиливши,
Вже-жъ гриха не маю.
Маю жинку, маю дити,
Тильки ихъ не бачу;
Якъ згадаю про ихъ муку,
То й гирко заплачу...

То во всякомъ случаѣ вѣрно, что вѣрной оцѣнки и характеристики Кармелюка, какъ народнаго историческаго явленія, нельзя сдѣлать безъ изученія соціальнаго положенія народа, изъ среды котораго онъ вышелъ, равно какъ по личности и судьбѣ Кармелюка можно судить о положеніи народа, къ которому онъ принадлежалъ. А объ этомъ положеніи, кромѣ живыхъ еще преданій и пѣсенъ народныхъ, говорятъ тысячи дѣлъ, хранящихся въ нашихъ архивахъ и ждущихъ трудолюбивой и умѣлой руки. Положеніе-же это было именно таково, что могло родить только Кармелюка.

Мы впрочемъ и не винимъ почтеннаго автора за отсутствіе этого, такъ сказать, общаго фона въ начерченной имъ картинѣ, ибо это не легкая работа, требующая особыхъ рукъ и особаго времени. Не винимъ его и за неизбѣжную въ его личномъ развитіи односторонность взгляда, отъ которой онъ отрѣшается съ каждымъ новымъ талантливымъ своимъ трудомъ. Мы глубоко признательны ему за извлеченіе изъ архивнаго хлама и группировку фактовъ изъ жизни опоэтизированнаго народомъ протестанта во имя его правъ и интересовъ, и настоящія строки сочли нужнымъ предпослать помѣщаемому очерку лишь для болѣе вѣрнаго пониманія изложенныхъ въ немъ фактовъ.

Въ окрестностяхъ Каменца и Бара, во всей Подоліи, на Волыни и Украйнѣ, кому не приходилось слышать о Кармелюкѣ, лѣтъ за пятьдесятъ передъ симъ, долгое время, свыше 23 лѣтъ, державшемъ въ непрерывной тревогѣ горные уѣзды Подолья? Теперь этотъ простой, дикій разбойникъ выросъ въ легендарнаго героя. До настоящаго времени народъ поетъ пѣсни о Кармелюкѣ, мелкая шляхта поэтизируетъ его въ своихъ устныхъ разсказахъ, но рисуетъ его далеко не такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

По преданію, сохранившемуся между жителями Бара, это былъ человѣкъ полный милосердія, безкорыстія и едва не высшаго призванія. Такое представленіе, сложившееся вѣроятно въ кружкѣ людей, которыхъ отцы были соучастниками подольскаго бандита, распространилось далеко въ населеніи края, и слушающій фантастическіе о немъ разсказы приходилъ къ заключенію, что Кармелюкъ, этотъ воръ, грабитель, злодѣй—это воплощеніе

бурной силы, издѣвавшейся надъ общественнымъ порядкомъ, былъ благодѣтелемъ человѣчества.

Такія противорѣчія согласить невозможно. Источникъ ихъ мы только что указали, неосновательность покажемъ въ самомъ разсказѣ. Не слѣдуетъ однако отсюда, чтобы въ дикой и темной душѣ Кармелюка не было, хотя въ состояніи дремоты, нѣкоторыхъ чувствъ человѣчности и высшихъ инстинктовъ.

Любилъ онъ найболѣе свою Подолію, три раза уходилъ изъ Сибири на болотистые и топкіе берега Рова—грабить, скажемъ отъ себя, милыхъ сердцу его подолянъ.

Не оставлялъ онъ безъ милостыни нищаго; во время грабежа довольствовался чѣмъ нибудь, за то сообщники его поступали иначе. Любилъ онъ пѣсни, а всему предпочиталъ женщинъ... Имѣлъ особенную къ нимъ слабость, обнаруживалъ даже нѣкоторую галантерейность въ отношеніи къ прекрасному полу Извѣстна исторія съ одной дамой, на которую напалъ этотъ бандитъ, когда она возвращалась домой, везя дочь изъ пансіона.

— А чому-жъ училась паненка?—любезно спросилъ разбойникъ.

Испуганная мать, перечисляя преподаваемые въ пансіонѣ предметѣ, упомянула въ заключеніе о танцахъ.

— То потанцюйте-жъ, паненко, Кармелюкови?

И тотъчасъ среди дороги началось представленіе; забавнымъ казался этотъ плясъ *solo* на дорогѣ, покрытой толстымъ слоемъ пыли, въ кругу зрителей, вооруженныхъ копьями, ружьями и топорами. Но окончился танецъ и злодѣй вѣжливо поблагодарилъ дамъ, усадилъ ихъ въ экипажъ и кучеру, дрожавшему отъ страха, сказалъ, что могутъ свободно продолжать путь.

Это-то любезничанье Кармелюка и дало, кажется, начало пѣсни, сложенной какимъ-то захолустнымъ писаремъ и тѣмъ не менѣе распространенной въ шляхетскихъ закоулкахъ. Подслушалъ я ее въ дѣвичьей; нѣсколько начальныхъ стиховъ удержались въ моей памяти и я привожу ихъ здѣсь:

Зозулечка въ поли кука,
Нема мого Кармелюка,

Нема, нема и не буде,
Охъ якъ тихо, смутно всюды!...
Лита коникъ на мунштуку,
Прыидь, прыидь, Кармелюку...

Какой-то мѣстный же, но также неизвѣстный артистъ назвалъ именемъ Кармелюка шумную мазурку, которую разыгривалъ странствующій жидовскій оркестръ. А въ околицахъ Бара, гдѣ наиболѣе давалъ чувствовать себя этотъ грабитель, пошло между жителями присловье: «ахъ, ты Кармелюкъ! О, то правдивый Кармелюкъ»!

Русскій писатель Максимовъ въ своемъ, въ другихъ отношеніяхъ очень цѣнномъ, трудѣ: *Сибирь и каторга* еще болѣе опоэтизировалъ преданія о Кармелюкѣ. Описывая жизнь сибирскихъ колодниковъ, нѣсколько словъ онъ посвящаетъ Кармелюку, приводитъ пѣсни, сложенныя въ честь его и при брящаніи оковъ и теперь тамъ распѣваемыя, возвышаетъ его чуть не на высоту народнаго богатыря и въ условіяхъ тяжести крѣпостнаго быта усматриваетъ причину того роковаго направленія, по которому пошелъ подольскій разбойникъ.

На нашъ взглядъ Кармелюкъ былъ только отображеніемъ и отдаленнымъ отпрыскомъ цѣлаго ряда разбойниковъ, называвшихся въ XVI вѣкѣ левенцями; въ XVII липками, въ XVIII гайдамаками. Отъ этихъ безславныхъ предшественниковъ онъ какъ бы унаслѣдовалъ удальство, презрѣніе къ жизни и весьма слабое представленіе объ уваженіи къ чужой собственности. Оставайся онъ въ кругу семьи, живя своимъ хозяйствомъ, быть можетъ онъ угомонился бы съ временемъ; но сданный насильно въ солдаты, онъ не смогъ пересилить въ себѣ тоски по женѣ, дѣтяхъ, родномъ углѣ, бѣжалъ изъ рядовъ арміи, началъ красть, вынужденный къ тому чувствомъ самосохраненія,—сталъ на покатости, на которой трудно было удержаться. Традиція затѣмъ сдѣлала свое; мѣстность, удивительно благопріятная для грабежей, довершила остальное.

А разбойническая традиція жила здѣсь съ незапамятныхъ временъ и вѣками всосалась въ плоть и кровь населенія этой мѣстности. Тутъ тянулись нѣкогда непроходимыя дебри, подходившія къ кочевьямъ ордъ татарскихъ, дѣлавшихъ отсюда опустошительныя набѣги на Русь и Польшу. Еще въ половинѣ XV ст. шляхтичъ Рей построилъ здѣсь, на берегахъ болотистаго Рова, небольшой укрѣпленный замокъ, названный по имени этой рѣчки; но самъ онъ не избѣжалъ турецкаго плѣна и крѣпостца подверглась запустѣнію. Около ста лѣтъ спустя Претвичъ принялъ на себя оборону этой мѣстности. Въ то время Ровъ переименованъ Баромъ, въ честь жены короля Сигизмунда, которой онъ принадлежалъ, и къ нему присоединены огромныя пространства сосѣднихъ незаселенныхъ земель, подъ названіемъ староства.

Исторія Бара—это исторія подольскаго пограничья; тутъ, въ этомъ уголкѣ борьба съ невѣрными длилась въ теченіи трехъ слѣдовавшихъ столѣтій.

Староство имѣло своею цѣлью исключительно защиту границъ, а потому на земляхъ его селился всякій, кто обязывался нѣсколькими днями службы въ замкѣ, нѣсколькими днями труда для насыпки его валовъ и всегдашнею вооруженною готовностію къ отраженію набѣговъ татаръ.

Явилась масса осельниковъ, лѣса закишѣли слободами, хуторами, пасѣками, садами. Внѣ замковой службы каждый былъ воленъ, а вольный крестьянинъ—то уже козакъ, такъ это въ представленіи народномъ и по сей день. И Претвичъ съ своими козаками совершалъ чудеса храбрости, дикія полчища татаръ дрожали предъ нимъ.

Но жизнь посельниковъ—безъ увѣренности въ завтрешнемъ днѣ, въ положеніи угрожаемомъ, ничѣмъ не обезпеченномъ, не выгодно отзывалась на ихъ собственныхъ наклонностяхъ. Они учились грабить у тѣхъ, съ кѣмъ должны были бороться. Сознаніе цивилизаціонной миссіи слабѣло въ ежедневной борьбѣ и отходило на задній планъ, оставалась лишь жажда наживы. Отсутствіе путей сообщенія и безнаказанность преступленій въ

конецъ испортили населеніе. Когда ослабѣли татарскіе набѣги, стали возникать крестьянскіе бунты, и они всегда находили сочувствіе и поддержку въ мѣстности болотистаго Рова, въ насельникахъ барскихъ дебрей.

Кривоносъ, Нечай и другіе сподвижники Хмельницкаго овладѣвали крѣпостью Баромъ, потому что имѣли на своей сторонѣ окрестное населеніе. Найбольше ксендзовъ пало подъ топоромъ гайдамакъ въ лѣсахъ, окружавшихъ Баръ.

Во время владычества турокъ, ватажекъ Кричинскій хозяйничалъ въ крѣпости именемъ Магомета IV и достигши званія бея, или полковника, во главѣ черемисовъ производилъ набѣги на имѣнія окрестной шляхты и причинилъ ей такъ много зла, что находившійся здѣсь съ войскомъ Собѣсскій, узнавъ о его смерти, съ радостію извѣщалъ о ней своихъ пріятелей въ такихъ словахъ: «Кричинскій издохъ, и это не подлежитъ уже никакому сомнѣнію».

Наканунѣ XVIII вѣка, ослабленной барской крѣпостцей завладѣлъ Палій, Мазепа удержалъ ее въ своей власти.

Здѣсь разбойничалъ Шпакъ, современникъ ихъ обоихъ, и такъ сильно, что путь, на которомъ онъ оперировалъ и который прорѣзывалъ лѣса подъ Баромъ, и донынѣ называется «Шпаковымъ шляхомъ». Не меньше причинили зла староству барскому Самусь, Дубина и Скоричъ; подъ ихъ охраной мѣстные жители сами на свой страхъ формировали шайки и производили грабежи и опустошенія.

Съ паденіемъ Палія не прекратилась буря; во второй четверти XVIII вѣка своевольные крестьяне, «гультяи», какъ ихъ тогда называли, собравшись въ «купы», задумали ограбить Баръ, а когда ихъ предупредили и открыли, они отступили въ порядкѣ; преслѣдуемые и тѣснимые русскими драгунами, они заперлись въ Матвѣйковскомъ замкѣ, и нужно было привозить противъ нихъ пушки изъ Бара и вести осаду. Гультяи сдались только черезъ два дня, хотя ихъ было всего 175; много нашли въ ихъ лагерѣ награбленныхъ драгоцѣнностей. Безчинствовавшій въ то-же время козакъ Чосныченко выходилъ также

изъ барскихъ лѣсовъ. «Визиты» Ваньковскаго костёла сохранили намъ извѣстіе о произведенномъ имъ грабежѣ. Другой ватажекъ Варлаамъ съ шайкой цыганъ и волоховъ доходилъ отсюда до Недобора[1]) и сжегъ Тыннянскій костелъ[2]), причинивъ убытка на нѣсколько десятковъ тысячъ злотыхъ.

Въ 1777 году, среди ночи, напали гайдамаки на Летичевъ и забрали у живущаго тамъ сборщика податей (экзактора) 100,000 злотыхъ, составлявшихъ доходъ короннаго скарбу. Слѣдствіе обнаружило, что грабители прятались въ старостинскихъ лѣсахъ до грабежа, да и послѣ грабежа находили тамъ-же убѣжище.

Не перечисляемъ другихъ разбоевъ и грабежей, не желая утомлять вниманіе читателя.

И вотъ среди такой-то непрерывно жившей здѣсь традиціи выросъ Кармелюкъ. Слышалъ онъ съ дѣтства разсказы объ удалыхъ подвигахъ тамошнихъ разбойниковъ и частой ихъ безнаказанности, и когда собственная жизнь натолкнула его на подобные случаи, онъ воспользовался уроками прошлаго, столь богатаго случаями воровства и убійствъ.

Мѣстность, какъ мы уже сказали, была вполнѣ для сего благопріятна. Въ началѣ настоящаго столѣтія это были во всякомъ случаѣ еще дебри, настоящее подольское полѣсье: болота, трясины, трехъ-сотъ-верстные лѣса, тянувшіеся вдоль границъ трехъ уѣздовъ, здѣсь соприкасающихся (летичевскаго, литинскаго и могилевскаго), и посреди ихъ раскидана масса небольшихъ деревушекъ, таинственныхъ хуторовъ, подозрительныхъ корчемъ; дороги отвратительны, движеніе на нихъ не большое; поэтому разбойникъ могъ найти здѣсь всѣ способы для своей безопасности.

Лѣтомъ въ лѣсу, зимой на хуторѣ—готовый для него пріютъ; хуторянинъ, попадая подъ покровительство выдающагося разбойника, охотно давалъ пріютъ людямъ, разошедшимся съ закономъ, это обезпечивало ему безопасность; но мало по малу въ

---

[1]) Лѣсъ подъ Каменцемъ.

[2]) Въ ушицкомъ уѣздѣ; извѣстенъ своими отпустами.

немъ развивалось равнодушіе къ преступленію и въ концѣ концевъ онъ самъ дѣлался преступникомъ.

Мы увидимъ впослѣдствіи, какъ много хуторянъ участвовало въ разбойничьихъ предпріятіяхъ Кармелюка. Изъ большихъ поселеній, выдѣлявшихся соучастіемъ съ грабителями, слѣдуетъ назвать мѣстечко Деражню. Живущіе здѣсь жиды служили имъ своимъ посредничествомъ въ сбытѣ награбленныхъ вещей и, мало подвергаясь опасности, получали громадный куртажъ съ грабителей. Далѣе заслуживаютъ упоминанія деревни: Гатна Деражня, Кальна Деражня, Галузинцы, Нетычинцы, Красноселка, Новоселка, Комаровцы, Головчинцы, Ходаки и Овсяники. Вотъ вамъ сцена, на которой разыгривалась разбойничья драма.

Итакъ мы видимъ, что мѣстныя условія вполнѣ благопріятствовали появленію Кармелюка. Обладая громадной физической силой и непреклоннымъ характеромъ, онъ могъ смѣло объявить здѣсь войну общественному порядку, и имѣя подъ рукой соотвѣтственный его цѣлямъ матеріалъ, бушевать почти четверть вѣка безнаказанно. Это чистый типъ гайдамаки; представляемъ его во всей наготѣ. Если будущее захочетъ выставить его защитникомъ народа, пусть по крайней мѣрѣ знаетъ, что это за защитникъ и какъ онъ защищалъ народъ, грабя прежде всего его самаго.

И только разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, нашъ разсказъ получитъ оправданіе. Прибавимъ, наконецъ, что не изъ устнаго преданія мы черпали подробности дѣла, но изъ актовъ уголовной подольской палаты, записанныхъ на 9,375 листахъ.

II.

Кармелюкъ родился въ 1788 году въ селѣ Головчинцахъ, литинскаго уѣзда. Родъ Кармелюка слагался изъ нѣсколькихъ семействъ; все это были люди способные, трудолюбивые и честные; воровствомъ и плутнями не занимались, какъ многіе изъ крестьянъ въ тамошнихъ окрестностяхъ. Головчинцы, брошенныя какъ-бы въ неглубокій оврагъ, по глинистымъ обрывамъ котораго лѣпятся крестьянскія хаты, окруженныя лѣсомъ, съ убогой деревянной

церковкой, скромнымъ помѣщичьимъ домикомъ и сѣрой корчмою, выглядятъ печально и какъ-то понуро: имѣютъ они видъ человѣка, который, боясь посмотрѣть прямо въ глаза, подозрительно смотритъ изъ подлобья. Въ этой-то деревушкѣ, въ убогой хатѣ, явился на свѣтъ Кармелюкъ.

Отецъ его, надо полагать, не былъ зажиточнымъ, если отдалъ своего сына 18 лѣтъ на послугу въ помѣщичій дворъ пана Пигловскаго. Здѣсь будущій бандитъ нѣсколько отесался, научился говорить по польски, пріобрѣлъ привычку къ щегольству, сбросилъ съ себя крестьянскую свитку и замѣнилъ ее «венгеркой», которая во всѣхъ судебныхъ актахъ значится «польской чемеркой». Одновременно съ поступленіемъ на службу около 1806 года, Кармелюкъ женился на крестьянской той-же деревни дѣвушкѣ, къ которой и потомъ питалъ большую привязанность. Пробылъ онъ въ панскомъ дворѣ лѣтъ шесть, и все время былъ трезвымъ, работящимъ, но очень упрямымъ, и вотъ за какую-то провинность или непослушаніе помѣщичій повѣренный, воспользовавшись первымъ наборомъ, отдалъ его въ солдаты (1812 г.). Молодой рекрутъ имѣлъ уже въ ту пору трехъ сыновей.

Эта перемѣна въ жизни Кармелюка рѣшила его будущую судьбу. Подольскій крестьянинъ въ тѣ поры и вообще не свыкся еще съ мыслью о военной службѣ, такъ какъ со времени присоединенія этого края къ Россіи это былъ едва восьмой или девятый наборъ. Первые три года Подолія не давала рекрута; потомъ разъ въ два года призывали молодежь въ военные ряды; и даже въ 1812 г., не смотря на войну съ Франціей, императоръ Александръ повелѣлъ съ южнаго генералъ-губернаторства брать лошадей вмѣсто людей. Поэтому служба въ войскѣ, возвратъ изъ нея лишь черезъ 25 лѣтъ, разлука съ роднымъ бытомъ, съ женой, съ дѣтьми, не могли не страшить Кармелюка. Хотѣлъ онъ освободиться отъ нея членовредительствомъ и даже вышибъ себѣ два зуба, но это нимало не помогло.

Сама судьба захотѣла, чтобъ въ отрядѣ, къ которому причислили Кармелюка, онъ встрѣтилъ свояка Данила Хроня, ро-

домъ изъ с. Овсянниковъ, который дезертировалъ уже дважды, опробовалъ шпицрутеновъ и убѣдился, что это не такъ страшно, между тѣмъ какъ свобода, хоть на минуту, чего нибудь да стоила! Легко поэтому онъ склонилъ къ побѣгу тоскующаго Кармелюка и самъ даже помогъ ему въ этомъ.

Два бѣглеца вернулись въ свою родную сторону, и на этотъ разъ имъ пришлось сдѣлать не большое путешествіе, такъ какъ полкъ стоялъ въ Каменцѣ. Два года пользовались они свободой, занимаясь воровствомъ, при помощи осѣдлаго крестьянина Павла Ткачука. Товарищество, состоявшее изъ двухъ лицъ, дѣйствовало такъ: приходятъ ночью въ село, подкапываются подъ первую лучшую комору, удалось—хорошо: берутъ, что нашли; случалось, что спавшій въ хатѣ хозяинъ, заслышавъ воровъ, выскакивалъ на крышу и звалъ на помощь; ему, по старому обычаю, откликаются церковные колокола; сбѣгается народъ; воры тѣмъ временемъ уходятъ; по дорогѣ, однако, вбѣгаютъ они въ опустѣвшія отъ жильцевъ хаты и забираютъ все, что только можно унести въ лѣсъ. Ткачукъ аккуратно привозитъ имъ съѣстное и мѣняетъ у жида краденныя вещи на водку, табакъ, обувь и пр.

Послѣ двухъ лѣтъ такой жизни ихъ ловятъ. Какимъ образомъ—молчатъ объ этомъ акты: должно быть, тогда еще легкомыслено относились къ Кармелюку. Приведенные въ Каменецъ, они получаютъ по 500 палокъ, а потомъ высылаютъ ихъ въ баталіонъ, стоявшій въ Крыму; но съ перваго же ночлега они уходятъ и черезъ нѣсколько дней опять въ головчинскихъ лѣсахъ.

Теперь шайка организовалась уже нѣсколько лучше. Кармелюкъ—предводитель; одѣтъ онъ въ «польскую чемерку», съ нагайкой въ рукѣ; у него три подначальныхъ: Хронь, Ткачукъ и Удавовъ, дезертиръ встрѣченный по дорогѣ; имѣютъ они пики и ножи за поясомъ. Первое дѣло—поджогъ винокурни въ Головчинцахъ, принадлежащей пану Пигловскому; потомъ слѣдуетъ нападеніе на хуторянина, богатаго крестьянина. Дѣло было ночью. Хозяинъ былъ разбуженъ стукомъ въ окно.

— Пустите! крикнули ему извнѣ—заблудившихся путниковъ!

Не ожидая ничего для себя худаго, бѣднякъ отворилъ двери; вошло три человѣка. «Давай деньги!» кричитъ грозно Кармелюкъ. Мужикъ указалъ на скрыню (сундукъ). Разбойники нашли въ ней только сто съ лишнимъ злотыхъ. «Это мало! Покажи, гдѣ остальныя деньги спряталъ?» И начался допросъ: сначала нагайка пошла въ ходъ, а когда она не помогла, насыпали въ сапоги раскаленныхъ углей и приказали обуться; облили несчастнаго водкой и зажгли. Въ концѣ концевъ, запираютъ полумертваго въ хатѣ, поджигаютъ ее и уходятъ...

Зарево пожара спасло семейство несчастнаго крестьянина, но самъ онъ сталъ жертвой пламени. Въ сосѣднемъ селѣ замѣтили огонь. Вѣсть о разбоѣ разошлась быстро; паника охватила всю окрестность. Обыскали лѣса, и Кармелюкъ опять попалъ въ руки правосудія.

Посадили его въ тюрьму въ Литинѣ; тутъ онъ провелъ два съ половиною года. Для человѣка такъ способнаго хорошая это школа; тогдашнія тюрьмы скорѣе можно было назвать разсадниками преступленій, чѣмъ мѣстомъ исправленія. Не рѣшаюсь приподнять предъ вами завѣсу, скрывающую массу злодѣевъ, собранныхъ здѣсь, этой компаніи изъ отбросковъ общества, съ цинизмомъ издѣвавшейся надъ всѣмъ, на чемъ зиждется нравственность, религія и чувство гражданскаго долга! Однакожъ, чтобы показать вамъ, каковы были люди, окружавшіе здѣсь Кармелюка и вліявшіе на него, чувствую себя обязаннымъ обрисовать хотя нѣсколькими общими чертами это товарищество за рѣшеткой тюрьмы, безъ надежды на исправленіе, безъ вздоха молитвеннаго, безъ завтрашняго дня. Вооружитесь отвагой—иду впередъ и буду проводникомъ вашимъ въ этомъ тяжеломъ путешествіи.

Товарищество колодниковъ управляется по своимъ особымъ правамъ, имѣетъ свои обычаи, свой языкъ, свои особыя понятія, отношенія и сношенія, торговлю и часто монетный дворъ. Это корпорація людей, равныхъ между собою по своимъ правамъ, ибо всѣ они одинаково лишены здѣсь свободы. Имѣетъ она въ

своей средѣ всякаго рода ремесленниковъ, докторовъ, юристовъ, совѣтниковъ, картежниковъ, воровъ, разбойниковъ, словомъ, имѣетъ людей съ хорошей и дурной тюремной репутаціей.

Хорошею репутаціею у тюрьмы пользуется человѣкъ, безъ отношенія къ его прежней жизни внѣ тюрьмы, подчиняющійся рѣшенію товарищества, не выдающій его тайнъ, трудящійся старательно надъ увеличеніемъ средствъ, могущихъ обмануть чуткость стражи и ввести въ заблужденіе судей, занимающихся допросомъ виновныхъ, готовый жертвовать послѣднимъ грошемъ, всѣмъ, что имѣетъ, своею кровью, самимъ собой, если общество того потребуетъ. Словомъ, вы видите, что и тюрьма управляется тѣми-же правилами, какія приняты въ свѣтѣ, съ той разницей, что гражданство тамъ можно заслужить только преступленіемъ.

Нѣтъ надобности прибавлять, что стоящіе у другаго полюса, не пользуются добрымъ мнѣніемъ тюрьмы; паріи тюрьмы—это доносчики, шпіоны; они подвергаются преслѣдованію и даже смерти, и это новое подтвержденіе той старой истины, что ни одна корпорація не переноситъ доносчика.

Торговлей за рѣшеткой тюрьмы занимаются обыкновенно преступники израильтяне; предметомъ ея служатъ вещи повседневнаго обихода, какъ-то: одежда, сапоги, холстъ, сукно, ситецъ а найболѣе хлѣбъ, табакъ, курительный и нюхательный, и водка. Выдѣлка монеты окружена глубокой тайной, въ нее посвящаютъ только избранныхъ; распространенность фальшивой монеты, замѣчаемая часто въ тюрьмахъ, даетъ основаніе думать, что она получила тамъ свое начало.

Тюремный языкъ—это чрезвычайно важный ключъ, скрывающій и открывающій много секретовъ; составляется онъ изъ словъ общеупотребительныхъ, но съ обратнымъ значеніемъ; словаремъ этого языка можно-бы наполнить порядочный томъ; служитъ онъ для внѣшнихъ сообщеній у тюремной рѣшетки, которыя, за посредствомъ знакомыхъ женщинъ, ведутся между преступниками, еще не попавшими въ руки правосудія и ихъ сообщниками, сидящими въ тюрьмѣ; служитъ

онъ также для бесѣдъ откровенныхъ и наконецъ чтобы подать совѣтъ, сдѣлать предостереженіе въ случаѣ опасности, грозящей заключенному.

На этомъ языкѣ одна тюрьма аттестуетъ другой новоприбывшаго арестанта, такъ что сейчасъ всѣ знаютъ, слѣдуетъ-ли его бояться, или можно посвятить во всѣ тайны. Тюремные совѣтники—это люди давно сидящіе за рѣшеткой, закоренѣлые во злѣ, развращенные и лукавые; они-то найболѣе опасны для попадающихъ въ тюрьму молодыхъ, не искусившихся еще въ плутовствѣ преступниковъ. Часто случается, что воръ пойманный по горячимъ слѣдамъ, на допросѣ въ первый моментъ сознается во всемъ, но лишь только онъ посидитъ нѣсколько дней въ тюрьмѣ, хотя-бы даже особо отъ другихъ, сейчасъ отопрется отъ всего, что говорилъ прежде, потому что найдутся люди, которые съумѣютъ проникнуть въ одиночное заключеніе и надѣлятъ его надлежащимъ совѣтомъ.

Въ такой-то школѣ довольно продолжительное время пробылъ Кармелюкъ, и какъ онъ былъ человѣкъ способный, то много воспользовался опытомъ предшественниковъ. Дѣло его, какъ дезертира и разбойника, разсматривалъ военно-полевой судъ, засѣдавшій въ каменецкой крѣпости; тянулось оно долго, только 20 сентября 1828 года постановленъ приговоръ. Рѣшено было его разстрѣлять; но высшія власти, по силѣ манифеста 1814 года, смягчили наказаніе: оно ограничилось 25 ударами кнутомъ и десятилѣтней каторжной работой въ Сибири.

Приговоръ приведенъ въ исполненіе въ Литинѣ въ октябрѣ, а черезъ три недѣли Кармелюкъ былъ въ пути къ мѣсту назначенія: но, достигши терской степи въ вятской губерніи, онъ бѣжалъ оттуда и черезъ Москву направился прямо въ окрестности Бара. Начальникъ этапа такъ описывалъ его примѣты: лѣтъ 30, росту 2 аршина и 6 вершковъ, лице овальное, бритое, носъ умѣренный, глаза свѣтло-голубые, волосы рыжіе, недостаетъ двухъ переднихъ зубовъ; хорошо говоритъ по русски.

Весной 1819 Кармелюкъ очутился въ балтскомъ уѣздѣ, въ селѣ Французовкѣ, гдѣ встрѣтился съ дезертиромъ Иваномъ

Черноморцемъ, хорошо ему знакомымъ еще по тюрьмѣ. Рѣшили вдвоемъ произвести небольшую кражу, но кража не удалась, и они разбѣжались въ разныя стороны. Кармелюкъ поселился опять въ головчинскихъ лѣсахъ.

Тосковалъ онъ за женой, за дѣтьми, непродолимая привязанность къ нимъ тянула его на родину. «Если бы не эта глупая любовь», говаривалъ онъ часто, «можетъ быть гдѣ-нибудь въ другихъ мѣстахъ, никому неизвѣстный, исправился-бы, остановился и другую жизнь повелъ-бы». Слѣдующихъ два года въ жизни Кармелюка были настоящей идилліей. Скрывается онъ въ домахъ бѣдной «загоновой» шляхты [1]), но всегда въ окрестностяхъ Головчинецъ; съ женой видится по нѣскольку разъ въ недѣлю, помогаетъ ей въ полевыхъ работахъ, няньчитъ дѣтей, носитъ имъ гостинцы. Родится у него четвертый сынъ, отецъ справляетъ шумные крестины; сосѣди знатно упиваются на нихъ. Добываетъ онъ средства мелкими кражами, къ которымъ окрестный народъ такъ привыкъ, что даже не протестуетъ...

Начались нападенія, съ цѣлью грабежа, и опять одинъ богатый хуторянинъ изъ Майдана Головчинскаго палъ жертвой. Это былъ Павелъ Опаловскій, зажиточный, трезвый и трудящій хозяинъ. Въ февралѣ 1822 г. напали на него разбойники и искололи его пиками такъ, что чрезъ нѣсколько дней онъ умеръ отъ ранъ. Взяли у него 2000 золотыхъ и 4 лошади. Еще округа не узнала о разбоѣ, какъ въ селѣ Овсяникахъ тѣ-же самые гайдамаки забрались въ хату богатого мужика и давай его мучить, что-бъ отдалъ деньги; но тутъ мальчуганъ помѣшалъ разбойникамъ: вырвавшись изъ избы, онъ сталъ звать на помощь. Разбойники принуждены были уйти; остались лошади, украденныя у Опаловскаго.

И опять кругомъ паника. Молва стала преувеличивать число гайдамакъ; лишенный всякой защиты, крестьянинъ боялся показать носъ въ лѣсъ; полиція потеряла голову. Среди всеобщаго замѣшательства и паники нашелся человѣкъ, который рѣшился ополь-

[1]) Имѣющей одинъ загонъ, т. е. небольшой кусокъ земли.

читься на разбойниковъ. Герой этотъ былъ скромный экономъ изъ села Комаровецъ, Островскій. Взялся онъ за дѣло очень практично. Прежде чѣмъ поймать звѣря, надо было отыскать его логовище, а потому съ ружьицемъ черезъ плечо, съ трубочкой во рту, съ ухомъ, чуткимъ къ малѣйшему шороху, пошелъ опъ въ окрестныя лѣса, предупредивъ лишь владѣльца о своихъ намѣреніяхъ, а людямъ говорилъ, что идетъ на охоту—зайца подсѣсть.

Послѣ двухдневнаго путешествія въ дебряхъ, сопряженнаго съ большой опасностью, встрѣтилъ Островскій трехъ разбойниковъ, разговаривалъ съ ними, даже огня далъ имъ изъ своей трубочки. Разстались они въ найлучшихъ отношеніяхъ, да разбойники его ни въ чемъ и не заподозрили. По возвращеніи съ рекогносцировки, увѣрившись, что не дастъ промаха, Островскій устроилъ облаву. Участіе въ ней приняли 20 пѣшихъ и 15 конныхъ; оружіе отряда составляли пять ружей, остальное—дубины и дреколья.

Поиски начались съ Яновецкихъ полей. Разбойники, выгнанные изъ логовища, уходятъ на Комаровецкія поля; облава преслѣдуетъ ихъ и здѣсь, но преслѣдующимъ не достаетъ храбрости. Хотя преслѣдуемые имѣютъ только пики, но обаяніе Кармелюка велико; онъ грозитъ, что первый, кто приблизится къ нему, ляжетъ трупомъ. Паренекъ изъ фольварка, не обращая вниманія на угрозы, наступаетъ; ватажекъ однимъ ударомъ ломаетъ ему руку и сбрасываетъ съ коня; оставшіеся стрѣляютъ изъ 4-хъ ружей, промахнулись однако всѣ; послышались смѣхъ, проклятія, угрозы... Разбойники на минуту остановились для отдыха или питья водки, а тридцать человѣкъ стоятъ вдали и смотрятъ, не хватаетъ имъ мужества. За то у нихъ нѣтъ недостатка въ настойчивости; не спускаютъ съ глазъ разбойниковъ и идутъ имъ въ слѣдъ.

День клонится къ вечеру; разбойники вотъ-вотъ уйдутъ. Къ счастію, прибыла новая помощь въ 40 человѣкъ съ нѣсколькими ружьями. Послѣдній разъ предлагаютъ имъ сдаться, и когда послѣдовалъ новый отказъ, раздалось вдругъ больше

десятка выстрѣловъ; разбойники переранены, тотъчасъ всѣхъ ихъ переловили и перевязали. Нѣсколько дней держали ихъ въ Комаровцахъ; кандаловъ и ошейниковъ желѣзныхъ не было подъ рукой, а веревки Кармелюкъ рвалъ безъ малѣйшаго усилія; только уже послѣ того, какъ изготовлены были кандалы, атаманъ разбойниковъ, прикованный къ возу, весь въ тяжелыхъ оковахъ и подъ конвоемъ 60 человѣкъ, отвезенъ въ Литинъ. По дорогѣ собирались толпы крестьянъ, чтобъ посмотрѣть на знаменитаго «компанейца». Кармелюкъ шутилъ, любезничалъ съ дѣвчатами, предсказывалъ свое скорое возвращеніе и обѣщалъ съ лихвой отплатить тѣмъ, которые его поймали. Народъ отходилъ печальный, съ крѣпкой вѣрой, что разбойникъ сдержитъ слово. Начатое слѣдствіе не долго продолжалось. Кармелюкъ сначала показывалъ, что онъ дезертиръ изъ полка, стоящаго въ Костромѣ, но это ни къ чему не привело: жена и дѣти, приведенные передъ судей, во всемъ сознались. Послѣ удостовѣренія въ личности отослали его въ каменецкую тюрьму, такъ какъ литинская не представляла достаточнаго ручательства въ безопасности.

Въ тюрьмѣ за рѣшеткой Кармелюкъ былъ какъ у себя дома; связи дѣлалъ скоро. Всѣ преступники поклялись ему въ безусловномъ повиновеніи. Не прошло нѣсколько дней, какъ у него готовъ былъ планъ побѣга, а спустя еще нѣсколько дней онъ привелъ его въ исполненіе. Караулъ, однако, замѣтилъ бѣглецовъ и сталъ стрѣлять; главный помощникъ атамана палъ на поляхъ янченецкихъ, прострѣленный пулей. Кармелюкъ, раненный въ ногу, долженъ былъ сдаться.

Прикованный къ столбу, съ тяжелыми оковами на ногахъ, просидѣлъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ. Въ концѣ февраля 1824 года ему отпустили на рыночной площади 100 кнутовъ, заклеймили и сослали на всю жизнь въ сибирскіе рудники. Въ пути пробылъ Кармелюкъ цѣлый годъ, останавливаясь по тюрьмахъ, подъ предлогомъ болѣзни, и выискивая случая къ новому побѣгу. Не удавалось, однако: стерегли хорошо, а еще крѣпче заковывали. Въ концѣ февраля 1825 года прибылъ онъ

въ Тобольскъ. Тутъ его положеніе измѣнилось къ лучшему: его освободили отъ оковъ и отправили въ Ялуторовскъ, на винокуренный заводъ; здѣсь онъ трудился добросовѣстно, и какъ былъ мастеръ на всѣ руки и умѣлъ всѣмъ понравиться, то его вскорѣ сдѣлали надсмотрщикомъ. Ставши свободнѣе, онъ имѣлъ болѣе возможности столковаться съ товарищами, и послѣ трехмѣсячнаго пребыванія (столько ему потребовалось для излѣченія ранъ, натертыхъ кандалами), забравши съ собой семь товарищей, ушелъ изъ винокурни. Черезъ нѣсколько недѣль его поймали, выпороли и водворили на мѣдно-плавильномъ заводѣ въ окрестностяхъ Ялуторовска. Плохо стало опять Кармелюку: тоска, какъ ржавчина разъѣдала его грудь, отгоняла сонъ отъ его вѣкъ. Но спустя недѣлю Кармелюкъ опять съумѣлъ вырваться на свободу. Путешествіе на югъ продолжалось годъ. Въ маѣ 1826 года онъ былъ уже въ Кіевѣ, укралъ здѣсь пару крестьянскихъ лошадей, купилъ себѣ платье, какое носила тогда у насъ «заговая шляхта», и пробрался въ Гуту, подъ видомъ чумака, возвращающагося изъ Одессы.

Здѣсь Кармелюку не трудно было найти старыхъ товарищей, такъ какъ манифестъ 1826 года не мало ихъ освободилъ отъ заслуженной кары. Первымъ такимъ былъ Василій Добровольскій, выкрестъ, сидѣвшій когда-то въ тюрьмѣ, неисправимый воръ, теперь же арендаторъ трактовой корчмы подъ лѣсомъ, на поляхъ с. Ходакъ. У Добровольскаго была молодая красивая жена, съ которой онъ жилъ не особенно согласно. Кармелюкъ, человѣкъ мягкаго сердца, влюбился въ жену корчмаря [1]), о соб-

---

[1]) Не поэтому ли случаю сложилась въ народѣ слѣд. пѣсня:

Ходивъ Кармелюкъ до молодыци,
Носивъ червинцивъ повни саквыци.
„Ты, молодыце, ты моя мила,
За те тебе люблю, що ты чернобрива!
Ты молодыце, ты чаривнице!
Чимъ ты мене обворожила?“
„Бодай ты такъ знавъ съ снией до хаты,
Якъ я то знаю, чимъ чароваты“.
— „Въ мене чароньки—то чорни бровоньки,“

ственной женѣ и дѣтяхъ забылъ, сердился на нихъ.. выдали его, когда онъ не хотѣлъ, чтобъ его узнали, могли, слѣдовательно, выдать и другой разъ. Но мстить имъ, существамъ столь близкимъ, не хватало у него мужества, и онъ предпочиталъ не видѣться больше съ ними. Другой товарищъ Кармелюка былъ Илько Скотничукъ, крестьянинъ изъ с. Гуты. Въ троемъ они начали разбой. По ловкости работы народъ догадывался, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, а когда одинъ да другой увидѣлъ Кармелюка, пригнетенное крестьянство стало собираться вокругъ разбойника, давая ему пристанище, указывая, гдѣ съ выгодой можно произвести грабежъ.

Сельская полиція, видя, что противъ теченія плыть трудно, рѣшилась довольствоваться скромными данями, жертвуемыми ей великодушнымъ разбойникомъ, сидѣла скромно, сама даже предупреждала его объ опасности. Удивительное, право, явленіе! На глазахъ властей, въ краѣ, гдѣ не было недостатка въ войскѣ и гдѣ повсюду жила щеголявшая оружіемъ шляхта—одинъ человѣкъ объявляетъ войну обществу и разбойничаетъ безнаказанно.

Народъ преклоняется предъ нимъ и подчиняется ему, а Добровольская, простая шинкарочка шляховая, жена выкреста, служитъ предметомъ овацій! Крестьянинъ вездѣ ее встрѣчаетъ съ почтеніемъ, водку у нея пьетъ и хорошо за нее платитъ; а когда у него украдутъ скотъ, спѣшитъ къ возлюбленной разбойника, преподноситъ ей подарки вещами и деньгами и при посредничествѣ всемогущей женщины старается возвратить пропавшее. Покорностью многіе достигали цѣли, поэтому сборища въ ходакской корчмѣ были большія; напротивъ, каждый, кто

— „Въ мене принада—що сама молода,“
— „Якъ ты ся звешъ?“—„Магдалиною“.
— „Де-жъ твоя хата?“—„За долиною...
Снипками вшита, соломою вкрыта.
Прыйди, серденько! Хочъ и буду бита,
Та знаю за кого,
За Кармелюка молодого.

Записана въ с. Бѣлянахъ могил. уѣзда, под. губ., со словъ слѣпой Докіи.

миновалъ эту инстанцію и обращался къ полиціи, долженъ былъ потомъ дрожать за свою будущность, потому что могъ быть снова ограбленъ, побитъ, а иногда живьемъ сожженъ!

Нѣтъ ничего удивительнаго, что крестьянинъ, нигдѣ не видя помощи, не разсчитывая на собственныя силы, вынужденный переносить зло, какъ неизбѣжную необходимость, наконецъ свыкался съ нимъ, начиналъ смотрѣть на него снисходительно, восхищаясь ловкостью воровъ и завидуя минутной ихъ свободѣ.

Кармелюкъ умѣлъ этимъ пользоваться, и видя, что много народа идетъ подъ его власть, выбралъ изъ массы охотниковъ самыхъ отважныхъ, а именно: Илька Скотничука, Василія Добровольскаго и Ивана Литвинчука и отдалъ имъ подъ команду остальныхъ. Планъ нападеній составлялъ самъ, но для большой важности участія въ нихъ не принималъ; предводителямъ позволялъ называться своимъ именемъ, поэтому случалось, что одновременно изъ трехъ отдаленныхъ другъ отъ друга пунктовъ полиція получала донесенія о нападеніи Кармелюка, тогда какъ онъ едва нѣсколько разъ въ годъ выходилъ изъ своего убѣжища. Своей возлюбленной обыкновенно приносилъ деньги и наряды. Бѣдная пани Добровольская скорбѣла, что не можетъ открыто въ нихъ щегольнуть, и хоть была сильна своимъ вліяніемъ на разбойника, ходила въ старомъ потертомъ жупанѣ и часто даже безъ башмаковъ...

Однажды это вліяніе стало слабѣть въ силу непредвидѣннаго обстоятельства. Случилось это поздней осенью 1826 года. Помощники разбойника вышли въ поле на промыселъ, въ ходакской корчмѣ остались только шинкарка да Кармелюкъ, игравшій при ней роль пахолка. Солнце склонялось къ вечеру; дулъ сильный, порывистый вѣтеръ, надъ лѣсистой мѣстностью повисло сѣрое, печальное небо, сообщая всему сумрачный колоритъ.

Шинкарка молча возилась подлѣ печки, а импровозированный сторожъ сидѣлъ, задумавшись, въ углу первой комнаты. Вдругъ кто-то постучался въ двери. Кармелюкъ всталъ и отворилъ ее. У порога показался молодой паренекъ, не высо-

кого роста, коренастый, плечистый, съ свѣтлыми подбритыми волосами, падающими на высокое чело, съ ясными голубыми глазами, въ которыхъ выражались печаль и усталость; одежда его мужицкая, бѣдная и заплатанная; въ рукахъ дубинка—знакъ, что путешествіе совершилъ пѣшкомъ.

Слава Іисусу Христу! сказалъ онъ, входя въ хату, и спросилъ: а шинкарка, пани Добровольская, дома?

На вѣки вѣковъ!—пробормоталъ подъ носъ Кармелюкъ и прибавилъ: гдѣ-же ей быть?

Въ ту-жъ минуту показалась хозяйка; по нѣсколькимъ словамъ она догадалась, въ чемъ дѣло, и попросила пришедшаго въ чуланъ. Кармелюкъ, пораженный выраженіемъ лица пришельца, сталъ прислушиваться подъ дверью.

— Сколько-же вы мнѣ дадите, если ваши волы найдутся? А надо много дать, потому что уже двѣ недѣли, какъ пропали, далеко искать, говорила женщина.

— Э, много я дать не могу, потому что не имѣю. Отца сослали въ Сибирь; говорятъ, будто онъ вернулся, да допроситься къ нему не могу—отвѣчалъ ей паренекъ.

— Кто жъ ты такой?

— Иванъ, сынъ Кармелюка, прошепталъ тотъ застѣнчиво.

Въ эту минуту отворилась дверь изъ чулана и въ ней показался атаманъ, блѣдный, дрожащій, и, растроганный до слезъ, сталъ всматриваться въ сына.

— Отецъ!—крикнулъ внезапно парень и бросился въ объятія отца.

Наступила трогательная сцена, посыпались мелкіе вопросы о женѣ, о дѣтяхъ, о родственникахъ. Разбойникъ плакалъ, смѣялся, смотрѣлъ въ глаза сыну и сейчасъ же приказалъ вернуть ему волы; хотѣлъ и подарками его осыпать, но Иванъ отказался—такъ, покрайней мѣрѣ, впослѣдствіи обнаружено на допросѣ. Судьи хотѣли только знать, не былъ ли сынъ соучастникомъ въ отцовскихъ злодѣяніяхъ, но никогда не взыскивали съ него за то, что не выдалъ отца.

Кармелюкъ цѣлую ночь проговорилъ съ молодымъ Иваномъ; къ утру со слезами проводилъ и на дорогу напутствовалъ его слѣдующими памятными словами.

— Эй, не йди, сынку, по моимъ слидамъ!

Послѣ этого, въ теченіи нѣсколькихъ дней, Кармелюкъ былъ очень печаленъ, отталкивалъ ласки приходившей въ отчаяніе возлюбленной, рвался въ Головчинцы, къ женѣ. На счастье Добровольской, въ то время вернулись съ разбоя помощники, и начались попойки. Кармелюкъ утопилъ горе въ винѣ и забылъ о семьѣ.

Шайка злоумышленниковъ вела торговлю краденными вещами на большую руку. Купцы всегда находились; арендари на шляховыхъ корчмахъ охотно покупали, да и дешево имъ все приходилось! Такъ, напримѣръ, извѣстно изъ судебныхъ актовъ, что за хорошую лисью шубу, крытую сукномъ или шелкомъ, платили обыкновенно 4 злотыхъ, за вола давалъ покупатель 10 злотыхъ, за коня 2 руб. А какъ много всего этого перешло черезъ руки Кармелюка и его шайки, видно изъ того, что въ продолженіи полугода, и то не полнаго, въ излюбленной разбойниками мѣстности украдено 2000 воловъ и 1400 лошадей, не говоря уже о домашней рухляди, платьяхъ, драгоцѣнныхъ вещахъ и звонкой монетѣ. Нападенія въ окрестностяхъ Бара такъ однако участились во второй половинѣ 1826 года, что уже невозможно было смотрѣть на это равнодушно; и когда генералъ Друцкій-Соколинскій, жившій въ то время въ с. Гармакахъ, половина которыхъ ему принадлежала, написалъ подольскому губернатору, представляя печальное положеніе жителей, подвергающихся безпрестаннымъ грабежамъ, тогда администрація предписала немедленно приступить къ поискамъ въ тамошнихъ лѣсахъ, строго возбраняя по селамъ держать подозрительныхъ людей

Въ то самое время въ с. Думенку, недалеко отъ Бара, на четвернѣ прикатилъ какой-то важный панъ, одѣтый въ лисью шубу. На козлахъ у него лакей и кучеръ, оба въ ливреяхъ,—вооруженные, что было въ обычаѣ, такъ какъ всѣ тогда боялись

Кармелюка, который сталъ уже нападать по дорогамъ на проѣзжающихъ [1]). Крестьяне, жители того села, были очень удивлены, замѣтивши, что сани остановились передъ хатой ихъ односельца Ивана Литвинюка, пользовавшагося у нихъ недоброй славой. И панъ, и слуги съ нимъ пріѣхавшіе, вошли въ хату названнаго мужика. Кто-то изъ сельчанъ, посмѣлѣе другихъ, заглянулъ въ хату и къ своему великому удивленію увидѣлъ, что пріѣхавшіе пируютъ съ хозяиномъ. Послѣ короткаго совѣщанія, десятка два сельскихъ хозяевъ, вооруженныхъ дубинами, окружили усадьбу Литвинюка. Разбойники, а это были они, побросавъ оружіе, дали тягу. Одинъ только панъ въ лисьей шубѣ не потерялъ присутствія духа; схватилъ ружье, ранилъ выстрѣломъ перваго приблизившагося, потомъ крикнулъ грозно: «я Кармелюкъ», прошелъ спокойно среди изумленныхъ и испуганныхъ крестьянъ, сѣлъ въ сани и поѣхалъ, никѣмъ не остановленный.

Разнеслась всюду молва, что знаменитый разбойникъ находится въ окреетностяхъ. По обычаю, сдѣлали на ночь облаву, которая ни къ чему не привела: поймано нѣсколько мелкихъ преступниковъ, и только! Однакожъ такое явное насиліе среди бѣлаго дня, такая отвага грабителя, принудили мѣстную власть къ большей дѣятельности. Кармелюкъ понялъ это и перенесъ свою дѣятельность въ другія мѣста, именно въ Литинскій уѣздъ. Желая доказать, что умѣетъ отомстить, онъ сдѣлалъ нападеніе на домъ Островскаго, нѣкогда экономa, о которомъ выше мы упоминали, а теперъ поссесора Комаровецъ. Къ счастью, Островскаго и его семейства не было дома; отдѣлался онъ только 1000 злот. деньгами и вещами, за то жизнь свою спасъ. Приба-

---

[1]) Слышалъ я одинъ такой разсказъ. Встрѣчаетъ Кармелюкъ въ лѣсу на дорогѣ православнаго священника; видитъ, бричка и лошади не дурны.—Батюшка, говоритъ онъ перепуганному на смерть священнику: а какъ вы говорите, когда крестите, кумовьямъ, поворачивая ихъ къ порогу?—Радъ не радъ—батюшка долженъ былъ произнести извѣстныя слова при крещеніи: „отрицаешися ли сатаны“ и пр. Кармелюкъ попросилъ батюшку повернуться къ своей бричкѣ и лошадямъ и повторить сказанное. Понятно, что Кармелюкъ не отказался взять то, отъ чего волей-неволей отрекся священникъ.

Примѣчаніе переводчика.

вимъ здѣсь, что одновременно съ нападеніемъ на домъ иоссесора въ Комаровцахъ, Кармелюкъ ограбилъ и пана Фингера въ его собственномъ домѣ. Въ январѣ 1827 года нападенія возобновились. Подъ разбойничьимъ ножемъ пали арендари въ Гутѣ, потомъ въ Гришкахъ. Послѣдняго долго тиранили, желая вынудить у него сознаніе, гдѣ онъ спряталъ деньги.

Въ виду такого нахальства администрація потеряла голову: смѣлый разбойникъ издѣвался надъ нею ежеминутно. И вотъ шляхта снова принимаетъ на себя нравственную обязанность схватить Кармелюка.

Небогатая мѣстная шляхта, связанная родствомъ и сосѣдствомъ, какъ это обыкновенно бываетъ у нашей шляхты, не теряла присутствія духа: укрѣпила свои дома надлежащимъ образомъ, запаслась оружіемъ и спокойно стала ждать нападенія разбойника, который грабилъ въ окрестностяхъ и грозилъ нападеніемъ на ихъ дома. Но такъ какъ угрозы долго не приводились въ исполненіе, то изъ оборонительнаго положенія она перешла въ наступательное.

Въ Кальной-Деражнѣ жилъ въ то время панъ Феликсъ Янчевскій, за свою страсть къ рѣчамъ прозванный отъ сосѣдей деражнянскимъ Демосѳеномъ. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ готовъ былъ выступить съ рѣчью: на крестинахъ, свадьбахъ, погребеніяхъ, сеймикахъ... словомъ, гдѣ только представлялся къ тому удобный случай. Дѣтей онъ не имѣлъ; служилъ сначала въ польскомъ войскѣ, потомъ въ русскомъ. Жадный, буйный, задорный, необыкновенный силачъ, онъ былъ человѣкъ отсталыхъ понятій: на крестьянина смотрѣлъ съ точки зрѣнія экономa: считалъ его хамомъ и былъ убѣжденъ, что противъ всякой его неисправности и погрѣшности простѣйшее и наиболѣе соотвѣтственное средство—батоги, батоги, и ничего болѣе.

Несказанно сердило пана Феликса, что какой-то тамъ мужикъ пріобрѣлъ славу грознаго разбойника и наводитъ на всѣхъ страхъ. Грозился онъ поэтому, что поймаетъ разбойника, Кармелюкъ-же узнавши объ этомъ (а онъ имѣлъ вездѣ шпіоновъ), объявилъ, что пуститъ съ огнемъ домъ и имущество

Янчевскаго, а самаго пана закоптитъ въ дыму. И вотъ между «Демосѳеномъ» и бандитомъ началась борьба, скрытая, упорная, продолжительная. Кармелюкъ, желая получить самыя подробныя свѣдѣнія о своемъ противникѣ, часто заглядывалъ въ Кальную, главнымъ образомъ къ жившему тамъ шляхтичу Ольшевскому, своему горячему сторонніку. Мѣстный арендаръ, знавшій хорошо Кармелюка, высмотрѣлъ, гдѣ онъ останавливается, и тотъ-часъ поспѣшилъ къ пану Янчевскому съ извѣстіемъ, которое и зачелъ въ доплату за дешево купленную у него пшеницу. Нужно было перетянуть шляхтича на свою сторону и потому панъ Феликсъ поспѣшилъ зазвать къ себѣ Ольшевскаго и сталъ убѣждать его, что какъ ни преступенъ онъ передъ закономъ, но съ него снимутъ обвиненіе въ соучастничествѣ, если онъ дастъ знать двору о прибытіи Кармелюка.

Ольшевскій склонился на убѣжденія, и 17 іюня 1827 г. Демосѳенъ, по данному сигналу, сталъ готовиться въ ночную экспедицію. Еще до разсвѣта, вооруженный надлежащимъ образомъ, вмѣстѣ съ сосѣдями—Качковскимъ и Малишевскимъ и съ дюжиною отважнѣйшихъ крестьянъ отправился онъ въ хату Ольшевскаго.

По прибытіи на мѣсто, крестьяне струсили, но отступать было поздно, потому что пировавшіе разбойники уже услышали необычное движеніе вокругъ усадьбы. Янчевскій вскочилъ въ хату и, вѣрный своему обычаю, прежде всего хватилъ предъ Кармелюкомъ маленькую рѣчь, очень забавно переданную въ судебныхъ актахъ. А атаманъ, понятно какъ хамъ, не любилъ «орацій» и прицѣлился въ него изъ ружья. Янчевскій выбиваетъ его изъ рукъ, но въ ту-же минуту получаетъ ударъ дубиной по головѣ отъ Добровольскаго, а Илько Скотничукъ старается свалить его на землю. Кармелюкъ бросаетъ оружіе, хватаетъ лежавшую по близости дубину и кричитъ: «хлопци, на смерть того гультая!» И удары кіями посыпались на спину отважнаго шляхтича. Застонавъ отъ боли, но не обращая вниманія на удары, Янчевскій ловкимъ движеніемъ валитъ разбойника на

землю; а разъ тотъ былъ подъ нимъ, онъ могъ считать свое дѣло выигранным. Позванные на помощь Качковскій и Малишевскій (такъ какъ изъ крестьянъ только одинъ остался на полѣ битвы) связали разбойника; два его товарища сдались сейчасъ-же добровольно. Опутанный веревками, Кармелюкъ бѣсился и пѣнился, а сторожившихъ его крестьянъ убѣждалъ не слушать пановъ, панщины не работать, перестать быть скотомъ, несущимъ покорно ярмо. Это былъ единственный случай пропаганды его въ народѣ; по крайней мѣрѣ судьи, подробно записывавшіе каждое его слово, этотъ только случай занесли въ протоколъ. Янчевскому Кармелюкъ тутъ-же объявилъ, что вернется еще разъ изъ Сибири, единственно для того только, чтобы отомстить ему за причиненную обиду.

— Развѣ издохнешь, старый песъ, тогда только не выслѣжу тебя! кричалъ онъ, метаясь среди окружавшей его толпы.—Мои хлопцы не сдѣлали тебѣ никакой обиды, не украли у тебя ничего, а ты на Кармелюка нападаешь!.. Подожди, попомнишь ты его!

Оставалось послѣ этого отправить Кармелюка въ Летичевъ, какъ уѣздный городъ, въ которомъ была тюрьма. Крестьяне не рѣшились конвоировать его; принуждены были дать имъ въ помощь 50 солдатъ подъ командой офицера. Черезъ три дня разбойникъ опять сидѣлъ за рѣшеткой. Слѣдуетъ сказать, что въ началѣ онъ держалъ себя упорно, ничего не говорилъ о своихъ соучастникахъ, за то Добровольскій и Илько Скотничукъ все выболтали. Первый постоянно просилъ, чтобы съ него за искреннее сознаніе сняли кандалы, которые ему крѣпко наскучили.

Въ началѣ декабря 1827 года виновныхъ перевели, вмѣстѣ съ десятью товарищами, въ Литинскую тюрьму, для окончанія допроса. Конвоировалъ ихъ цѣлый отрядъ пѣхоты и толпа крестьянъ, которые не выражали особеннаго неудовольствія противъ Кармелюка, хотя онъ очень надоѣлъ имъ. Боязнь возвращенія разбойника связала ихъ языкъ.

Въ Литинѣ Кармелюкъ внезапно подался: выдалъ всѣхъ, кому сообщники его продавали краденыя вещи. Но эта покор-

ность, какъ потомъ оказалось, вызвана была надеждой на то, что его освободятъ отъ желѣзнаго ошейника. Не освободили однакожъ, а потому онъ сталъ серьезно думать о бѣгствѣ, какъ это видно изъ рапорта смотрителя тюрьмы отъ 17 декабря, въ которомъ онъ просилъ увеличить число часовыхъ въ виду подозрительныхъ намѣреній Кармелюка. Во всякомъ случаѣ не обошлось и здѣсь безъ новаго приключенія. Надо знать, что въ женскомъ отдѣленіи Литинской тюрьмы содержалась хорошо знакомая намъ шинкарка Ходацкой корчмы, красавица Добровольская. Разбойникъ стосковался по ней, и 10 февраля 1828 года попросилъ, чтобы ему позволили свиданье съ старой пріятельницей. Конечно, нѣжнаго желанія, не согласнаго съ правилами тюрьмы, не удовлетворили. Взбѣшенный этимъ разбойникъ сейчасъ же на другой день среди бѣлаго дня пошелъ къ своей возлюбленной, ломая и дробя замки, задерживавшіе его, а часовые, зная его силу и неукротимость, не смѣли ему сопротивляться. Чтобы предупредить на будущее время такое дерзкое непослушаніе, смотритель приказалъ посадить Добровольскую на гауптвахту.

Это разъярило Кармелюка до высшей степени. Въ припадкѣ бѣшенства, онъ разорвалъ кандалы и цѣпи, вооружился ими и вызывалъ охотниковъ на бой. Охотниковъ, конечно, не нашлось. Часовые со страхомъ слушали его проклятія, а расходившійся разбойникъ поотбивалъ замки въ сосѣднихъ камерахъ и предложилъ всѣмъ арестантамъ поднять бунтъ, во главѣ котораго готовъ былъ самъ стать, ручаясь, что побѣда останется за ними, если они поклянутся безусловно подчиняться ему Къ счастью, кромѣ Добровольскаго и Илька Скотничука, ни одинъ изъ арестантовъ не принялъ этого предложенія. Тогда разсерженный Кармелюкъ отнялъ у арестантовъ хлѣбъ и заперся съ двумя упомянутыми товарищами въ особую комнату; двери, ведущія къ ней, забаррикадировалъ кучей кирпича изъ разрушенной печки, доски изъ наръ превратилъ въ ручное орудіе и объявилъ, что ожидаетъ атаки.

Тюремное начальство испугалось такой дерзости и не знало, что предпринять. Вывели всѣхъ преступниковъ изъ тюрьмы. Осада продолжалась три дня.

Переговоры велись черезъ окно. Наконецъ, удадось властямъ мягкими, какъ передаетъ судебный актъ, мѣрами склонить разбойниковъ къ подчиненію. Видно однако, что имъ все таки не особенно довѣряли, такъ какъ въ числѣ условій капитуляціи было, что Кармелюкъ кирпичи изъ печки и доски, собранныя имъ для защиты, выброситъ во дворъ, а Добровольскаго и Скотничука свяжетъ, и оба они поодиночкѣ должны сдаться, и то въ отдѣльной комнатѣ каждый. Можно ли удивляться, что Кармелюкъ, будучи на волѣ, нагонялъ на всѣхъ кругомъ такой паническій страхъ, если даже въ тюрьмѣ онъ съумѣлъ быть такимъ страшнымъ. Удивляться слѣдуетъ одному: какъ его не разстрѣляли или не повѣсили, потому что хотя смертная казнь въ Россіи отмѣнена, но существуютъ военно-полевые суды, которые правительство въ чрезвычайныхъ случаяхъ учреждаетъ не только по политическимъ преступленіямъ, но и по уголовнымъ. Конецъ этого приключенія былъ такой: съ тѣхъ поръ разбойника держали прикованнымъ къ столбу, буквально спеленаннымъ тяжелыми цѣпями Къ удивленію, онъ спокойно сносилъ такое тяжелое наказаніе. Здоровье его было желѣзное; никогда не болѣя, всегда веселый, онъ часто острилъ съ своими надзирателями и умѣлъ ихъ разсмѣшить, но чаще поражалъ цинизмомъ.

Допросъ виновныхъ производила коммисія, съ этой цѣлью назначенная еще въ іюнѣ 1827 года; окончила она свой трудъ въ февралѣ елѣдующаго года. Такая быстрота дѣйствій коммисіи всѣхъ удивляла, но такъ было приказано свыше. Великій князь Константинъ, намѣстникъ Царства Польскаго, которому подчиненъ былъ и этотъ край, приказалъ подавать себѣ рапорты еженедѣльно о ходѣ дѣла, а съ нимъ шутить было опасно. Судьи выказали большую энергію. Не забывайте, что участниковъ въ грабежахъ и убійствахъ было около 250 человѣкъ; привлеченныхъ къ дѣлу посредниковъ 500; однихъ свидѣтелей допрошено 1000; протоколы едва могли помѣстить на

2070 листахъ большаго формата, убористаго письма. Не забывайте также, что судьи имѣли дѣло съ людьми, уже не разъ сидѣвшими въ тюрьмѣ, слѣдовательно знакомыми со всѣми фортелями, какъ замести слѣды или оттянуть слѣдствіе... Еще разъ повторяемъ, что такая быстрота, при прежней судебной процедурѣ, поражаетъ насъ.

Въ началѣ февраля 1828 г. состоялся приговоръ, по которому Кармелюкъ приговоренъ къ публичному наказанію кнутомъ и каторгѣ. И опять съ этой цѣлью препровождаютъ его въ Каменецъ, но только въ іюнѣ приводятъ приговоръ въ исполненіе. Сто кнутовъ легло на спину разбойника. Перенесъ онъ ихъ безъ стона, и безъ посторонней помощи вернулся въ тюрьму. Затѣмъ, заклейменный, закованный, подъ удвоеннымъ конвоемъ, въ третій разъ отправился въ Сибирь...

Что сталось съ его соучастниками? Добровольская получила 25 кнутовъ, ея мужъ и Илько Скотничукъ по 50; всѣ трое осуждены въ каторжныя работы, тоже за Уралъ; наказанію подвергали ихъ въ Литинѣ. Въ іюнѣ они были уже въ дорогѣ и съ поселенія больше не возвращались.

Менѣе виновныхъ изъ числа 180 отдали въ солдаты, а при неспособности ихъ къ военной службѣ правительство распорядилось поселить нхъ въ окрестностяхъ Тобольска навсегда.

Остальные, около 300 человѣкъ обоего пола, были наказаны плетьми; въ эти категоріи попалъ и Ольшевскій, у котораго былъ пойманъ Кармелюкъ.

Янчевскаго судъ призналъ достойнымъ награды, и кажется, что позже онъ былъ украшенъ даже орденомъ. Въ августѣ остатки банды длинными, печальными рядами потянулись въ Сибирь. Сѣрые арестантскіе халаты на плечахъ подольскихъ преступниковъ развѣвались вдоль дороги, ведущей за Уралъ. Села обезлюдѣли, хаты опустѣли, но за то оставшіеся жители вздохнули свободнѣе. По крайней мѣрѣ можно уже было углубиться въ лѣсъ безъ опасенія встрѣтиться съ грабителями; въ корчмахъ поселились люди честные, не занимающіеся продажей краденыхъ вещей, и народъ сталъ опять выгонять скотъ на

поле, потому что былъ увѣренъ, что его никто не возьметъ у него.

Долго ли однако продолжался покой? Объ этомъ узнаемъ сейчасъ, въ слѣдующей главѣ.

III.

Въ маѣ 1830 года стали носиться глухія вѣсти о появленіи на такъ называемомъ «черномъ шляху» новаго разбойника. Случаевъ нападенія еще не было ни одного, но кражи лошадей и воловъ совершались въ огромномъ числѣ. Въ полицію посыпалось множество жалобъ. Народъ въ слухъ говорилъ, что дѣйствуетъ тутъ преступникъ, называющійся Головачемъ, а на ухо шепталъ своимъ, что подъ этимъ прозваніемъ скрывается Кармелюкъ, который въ третій разъ бѣжалъ изъ Сибири, что-бъ отомстить за свои обиды.

Сомнительныя вѣсти стали получать значеніе достовѣрныхъ, когда въ іюнѣ того-же года въ летичевскій судъ представленъ былъ человѣкъ, скрывавшійся въ тамошнихъ лѣсахъ и случайно схваченный въ Кальной Деражнѣ.

Человѣкъ этотъ сдѣлалъ значительныя признанія, а именно: что онъ дезертировалъ третій разъ, что называется Петръ Копчукъ, что принадлежитъ къ шайкѣ Кармелюка, находящагося въ тѣхъ сторонахъ, что Кармелюкъ не можетъ пока выступить открыто, потому что не нашелъ еще достаточнаго число товарищей—грабителей, но хочетъ начать съ нападенія на Янчевскаго; что шайка его въ эту минуту состоитъ изъ 10 человѣкъ, но еще не собрана въ одно мѣсто. Копчукъ, по его словамъ, встрѣтилъ первый разъ атамана-разбойника въ день Преображенія въ Меджибожѣ у Беня Ворошиловскаго, а другой разъ на зеленыхъ праздникахъ въ Балтѣ на ярмаркѣ. Прошу не забывать, что одно мѣсто отстоитъ отъ другого по крайней мѣрѣ на 300 верстъ, что тамъ въ означенные дни собирается масса народа по разнымъ дѣламъ. Кармелюкъ, очевидно, хотѣлъ въ этой массѣ навербовать себѣ отрядъ изъ молодцевъ, которымъ нечего было больше терять.

Показаніе Копчука поразило всѣхъ. Прибавимъ между прочимъ, что этотъ наивный человѣкъ, какимъ его по крайней мѣрѣ считали, съумѣлъ послѣ этихъ показаній очень ловко улизнуть изъ тюрьмы. Мѣстная администрація зашевелилась и обнаружила большую энергію. Подольское губернское правленіе сдѣлало распоряженіе по всѣмъ уѣздамъ, что-бы убѣжище разбойника, вочто-бы то ни стало, было разыскано; одновременно сдѣланъ былъ запросъ Тобольскому комитету, завѣдывавшему дѣлами ссыльно-каторжныхъ, дѣйствительно-ли Кармелюкъ бѣжалъ изъ Сибири. Оттуда послѣдовалъ отвѣтъ, что еще 2 мая 1829 г. онъ успѣлъ убѣжать изъ Боровлянской винокурни, гдѣ отбывалъ каторжную работу Въ то же самое время Янчевскому, опасавшемуся нападенія, дали команду солдатъ. Домъ деражнянскаго Демосѳена преобразился въ маленькую крѣпостцу; владѣлецъ окружилъ его каменной оградой, кругомъ выкопалъ глубокую канаву, окна снабдилъ желѣзными рѣшетками и двойными ставнями; къ дубовой двери, ведущей въ домъ, придѣлалъ желѣзные запоры; кругомъ дома ходилъ постоянно перемѣняющійся караулъ. Внутри домъ походилъ на арсеналъ: на столахъ лежали ружья, пистолеты, сабли, охотничьи ножи, порохъ, пули, готовые заряды въ патронташахъ. Самъ-же бѣдный Янчевскій не показывалъ носа изъ своего двора, вслѣдствіе чего сеймики и съѣзды лишились больше чѣмъ на годъ удовольствія слушать его ораціи и протестаціи.

Непонятно, право, какъ одинъ человѣкъ, не имѣвшій ничего, кромѣ разбойничьей отваги, могъ производить такое впечатлѣніе на общество... И однакожъ, не смотря на всеобщую къ нему ненависть, бушевалъ онъ по старому и главное—въ эту пору сталъ героемъ минуты. Онъ былъ предметомъ вечернихъ бесѣдъ и въ шляхетской гостинной, и въ крестьянской хатѣ, и въ «подсѣньѣ» корчмы, имя его было на устахъ у всѣхъ. Множество ходило о немъ остроумныхъ разсказовъ, правдивыхъ и вымышленныхъ.

Шляхтичъ, при встрѣчѣ съ знакомымъ или сосѣдомъ, почти всегда начиналъ разговоръ со словъ: «не слышно ли чего о

Кармелюкѣ» или: «слѣдовало-бы сдѣлать облаву на этого гультяя» и т. д.

Въ мѣстахъ его удалыхъ подвиговъ путешествовали только днемъ: опоздавшій путешественникъ только съ большимъ трудомъ могъ достучаться въ корчму, и то послѣ подробнаго допроса: откуда идетъ? куда? много-ли имѣетъ съ собою людей? и т. д. Проникнуть въ шляхетскій дворъ въ 10 часовъ вечера стало почти невозможнымъ, такъ его крѣпко баррикадировали.

Помню даже очень смѣшную сцену по этому поводу. На пана Вицентія Х., помѣщика могилевскаго уѣзда, ночью напали разбойники на дорогѣ, въ окрестностяхъ Бара. Одинъ изъ грабителей приложилъ ему пистолетъ къ груди, требуя денегъ. Панъ Х. имѣлъ ихъ при себѣ немного, но за то дома у него былъ значительный капиталъ, а потому онъ счелъ болѣе удобнымъ вручить грабителямъ хорошо наполненный кошелекъ, лишь-бы тѣмъ купить жизнь. Разбойникъ, взвѣсивши въ рукѣ его тяжесть, благодарно улыбнулся и выпустилъ пистолетъ изъ рукъ, который упалъ въ глубину экипажа; а когда его товарищи выбрали все изъ сундуковъ, тогда онъ, приподнимая шляпу, сказалъ любезно:

— Рушай!

Кучеръ пана Х, не меньше его перепуганный, не заставилъ повторять два раза приказанія; взвился бичъ на спинахъ лошадей и они съ мѣста понеслись галопомъ. Когда уже было близко село, панъ Х. нѣсколько пришелъ въ себя.

— Грыцю! окликнулъ онъ хлопца, сидѣвшаго рядомъ съ кучеромъ на козлахъ.—Этотъ разбойникъ оставилъ мнѣ въ экипажѣ пистолетъ; возьми его, вѣрно, заряженъ...

Надо вамъ знать, что панъ Х. имѣлъ отвращеніе къ огнестрѣльному оружію. Грыць сталъ искать и нашелъ, но не пистолетъ, а кусокъ колбасы, загнутой на подобіе пистолета...

Сколько было смѣху, какъ комично панъ Вицентій разсказывалъ о своемъ приключеніи, какъ подробно описывалъ грозную фигуру разбойника и дюжины его товарищей, хотя Грыць прибавлялъ тихонько, что ихъ было только четыре! И при всемъ томъ онъ

сталъ еще больше бояться разбойника, и съ тѣхъ поръ домъ его стерегли такъ старательно, что попасть къ нему во дворъ стало физической невозможностью. Случилось такъ, что панъ Z., сосѣдъ и старый знакомый пана X., возвращался изъ далекаго путешествія, заблудился и едва къ разсвѣту попалъ, вмѣсто своего дома, въ село пана X. Подъѣзжаетъ онъ къ его двору, останавливается передъ воротами и стучится, но его не пускаютъ. Наконецъ отзывается сторожъ:

— Кто тамъ?

— Сосѣдъ Z...

— Панъ приказалъ никого не впускать.

— Такъ ступай, разбуди пана, скажи, что возвращаюсь изъ Кіева; снѣжная мятель не даетъ намъ возможности добраться домой...

— Не имѣю права отойти отъ воротъ...

— Такъ я прикажу ихъ выломать! закричалъ озябшій и разсерженный панъ Z...

Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, обѣщаній на водку, Ивась, сторожъ при воротахъ, разбудилъ Грыця, спавшаго подъ панскимъ окномъ. Послѣдній въ продолженіи получаса будилъ буфетнаго мальчика, мальчикъ камердинера, а камердинеръ самаго пана X.

Измученный панъ Z., ожидавшій добрый часъ, увидѣлъ съ большимъ удовольствіемъ свѣтъ въ окнахъ. Наконецъ, двери распахиваются; во главѣ выступаетъ хлопецъ съ фонаремъ, за нимъ нѣсколько парубковъ, вооруженныхъ дрекольями, а за ними слѣдуетъ маленькій, сгорбленный панъ X., закутанный въ халатъ, съ громадной заржавленной рапирой въ рукѣ.

— Кто ты такой, крикнулъ онъ, приближаясь къ забаррикадированнымъ воротамъ, и какъ рѣшился прервать сонъ мирныхъ жителей?

— Шути себѣ на здоровье, пане Вицентій; а меня уже злость беретъ, что ты заставляешь такъ долго ждать.

— Но кто ты? спросилъ снова патетически хозяинъ.

— Такъ ты уже меня и по голосу не узнаешь? Да мы съ тобой 30 лѣтъ сосѣди! Я Людвикъ Z.

— Не правда, ты не Людвикъ Z. Людвикъ Z. порядочный человѣкъ, ночью не ѣздитъ; только Кармелюкъ и его сообщники шатаются послѣ заката солнца.

— А чтобы тебя Богъ не помнилъ!.. и меня и себя мучишь, а я умираю отъ усталости. Такъ спроси людей: они тебѣ засвидѣтельствуютъ, что не лгу.

— Хорошо! посмотримъ! Послушай, Ивасю, сказалъ панъ Вицентій, обращаясь къ сторожу: это панъ Z?

— Да, вельможный пане.

Потомъ продолжался допросъ слугъ, а когда всѣ засвидѣтельствовали тождество лица, хозяинъ еще спросилъ прибывшаго:

— А можетъ ты переодѣтый Кармелюкъ?

Ворота, однако, отперты; сосѣди обнялись.

— Видишь-ли, говорилъ панъ X., тотъ подлецъ, или кто-то изъ его шайки, чуть меня не убилъ. Ей Богу, какъ сосѣда своего люблю и уважаю! Изъ пистолета стрѣлялъ!! Правда, не убилъ, но страху на меня нагналъ и деньги забралъ, впрочемъ съ полнымъ уваженіемъ отнесся ко мнѣ, даже, прощаясь, шляпу приподнялъ. Чудеса! скажу вамъ, сосѣдъ: человѣкъ думаетъ, что Ринальдо вымышленъ какимъ-нибудь писакой, а тутъ въ дѣйствительности и у насъ то-же происходитъ.

Прошу извиненія за это минутное уклоненіе отъ предмета; я допустилъ его затѣмъ только, чтобъ иллюстрировать ту панику, вовсе не рѣдкую во всей горной части Подоліи, какую нагонялъ прославленный разбойникъ.

Возвращаемся къ Кармелюку. Боязнь его возвращенія выросла до неимовѣрныхъ размѣровъ съ момента полученія летичевской полиціей увѣдомленія отъ пана господаря Гдовскаго, приблизительно такого содержанія: 10 августа 1830 года лѣсничій села Майдана Хршановскій выѣхалъ въ 4 часу утра для обозрѣнія лѣса. Въ яру онъ встрѣтилъ шесть разбойниковъ, между которыми узналъ Кармелюка. Разбойники окружили его и приказали сейчасъ привезти имъ водки изъ Майдана.

Хршановскій отговаривался, утверждая, что сейчасъ видѣлъ арендаря, ѣдущаго въ винокурню за водкой.

— Такъ поѣзжай въ другую деревню! сказалъ Кармелюкъ.

Не могу, не ловко, объяснялся лѣсничій.

— Ну, такъ убирайся, ляшскій сыну! но помни: если проронишь хоть одно слово о томъ, что тутъ видѣлъ, то тебя на первомъ деревѣ повѣшу! Поклянись, что никому не скажешь!

Лѣсничій сталъ на колѣни, блѣдный какъ платъ, поцѣловалъ землю, пальцы на крестъ сложилъ. Тогда ему крикнули: ну, теперь ступай! Не ждалъ онъ долго: какъ молнія понесся на своей лошадкѣ къ пану—и все разсказалъ Гдовскому.

Начальникъ уѣзда устроилъ облаву въ майдановскомъ и сосѣднихъ лѣсахъ Приняли въ ней участіе 3,000 крестьянъ и 12 солдатъ подъ начальствомъ офицера; но успѣха не было по прежнему. Ни Кармелюка, ни его соучастниковъ не нашли; только звѣри, испуганные въ своихъ логовищахъ, перешли въ другія мѣста.

Губернская администрація опять отнеслась къ уѣзднымъ начальникамъ и въ сосѣднія губерніи, не минула даже Бессарабіи, но все безъуспѣшно. Воровство въ уѣздахъ летичевскомъ и литинскомъ все чаще и чаще повторялось. Изъ поданныхъ въ судъ жалобъ видно, что въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ пропало такимъ образомъ 700 лошадей и 970 воловъ, что представляло порядочную сумму 150,000 злотыхъ. О нападеніяхъ на шляхетскіе дворы и даже крестьянскіе ничего не было слышно, и то слава Богу! потому что всякій охотно поступился-бы имуществомъ, лишь-бы съ душей уйти!

Что-жъ въ это время дѣлаетъ нашъ подольскій Фра-Діаволо? Не легко ему было укрываться отъ преслѣдованій, а потому даже о мести онъ забылъ; энергія очевидно оставляла его. Ему, правда, было только 42 года, но шпицрутеновъ онъ получилъ уже свыше 4,000, да кнутовъ 227, когда другіе и десятой доли этого не выдержали-бы; слѣдуя въ Сибирь и обратно, онъ сдѣлалъ болѣе 15,000 верстъ, часто голодный и всегда пѣшкомъ. Надо прибавить еще, что время провелъ онъ въ гульбѣ, что водки всегда было по горло, но теплаго угла въ бурю и мятель не

имѣлъ, покоя ни на минуту не зналъ, а такая жизнь, въ постоянной притомъ тревогѣ и безпокойствѣ, быстро истощаетъ человѣка и убиваетъ въ немъ всякую энергію.

Неисправимый этотъ разбойникъ не разъ жаловался своимъ соучастникамъ на удивительную свою привязанность къ родинѣ! Для него ничего не было краше лѣсовъ подольскихъ, ничего роскошнѣе пасмурныхъ окрестностей Головчинецъ. И людей ему знакомыхъ здѣсь было вездѣ полно, Сибирь не поглотила еще всѣхъ старыхъ его товарищей: всегда какая нибудь часть ихъ оставалась на мѣстѣ неоткрытою и служила контигентомъ, изъ котораго впослѣдствіи составлялась шайка, начинавшая желаніемъ отомстить преслѣдователямъ, а оканчивавшая грабежемъ и убійствомъ.

Въ это время Кармелюкъ не принималъ участія въ нападеніяхъ, но часто заглядывалъ въ окрестныя мѣстечка. Тутъ онъ одѣвался въ модный черный сюртукъ, на плечи накидывалъ плащъ съ тремя воротниками, по обычаю провинціальныхъ щоголей, волосы подстригалъ «по пилипонски» (какъ раскольники) и на головѣ носилъ картузъ съ большимъ козырькомъ. Въ селахъ его видывали въ простой крестьянской сермягѣ, подъ которой всегда пряталъ пару заряженныхъ пистолетовъ. Любовницы даже не имѣлъ въ то время; жена его догарала въ тяжелой болѣзни, пани Добровольская отправилась въ Сибирь.

Печально было Кармелюку на свѣтѣ, одна водка въ утѣшеніе его осталась: за то явились у него послѣдователи изъ его же подчиненныхъ; многолѣтняя дѣятельность его приносила плоды; онъ создалъ школу опытныхъ разбойниковъ, ни въ чемъ не уступавшихъ прежнимъ гайдамакамъ и компанейцамъ. Кармелюкъ давалъ имъ, какъ фирму, свое имя, а они, надо признаться, пользовались имъ съ выгодой, успѣшно достигали своей цѣли и ремесло разбойника разросталось буйно. Къ этимъ-то лѣснымъ бандитамъ принадлежали: дезертиръ Копчукъ, 25 лѣтній парень, одаренный удивительною ловкостью и изворотливостью, Мончинскій и Поповскій—тоже ex-солдаты, два брата Хмѣлевскихъ изъ Ялтушковъ, Анастасій Черновскій, владѣлецъ земскій, изъ ямпольскаго уѣзда, три Блажкуна изъ Новой Синявки и много

другихъ. Поселившіеся въ придорожныхъ корчмахъ жиды по прежнему скупали краденыя вещи и скотъ, съ той разницей, что главный свой складъ устроили въ Новомъ Константиновѣ и Качалѣ, брацлавскаго уѣзда. Какъ видите, воровской этотъ союзъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше увеличивалъ кругъ своей дѣятельности.

Но вся эта воровская система, державшая Подолье въ страхѣ, пала неожиданно, съ появленіемъ новаго страшнаго бича—холеры. Первый разъ показалась она здѣсь. Ужасъ обнялъ людей, пугались заразы, потому вездѣ при въѣздахъ и выѣздахъ изъ села стояла сторожа; никто безъ свидѣтельства помѣщика или полиціи шага сдѣлать не могъ, его сейчасъ задержали-бы. Только удостовѣреніе названныхъ властей, что такой-то ѣдетъ изъ мѣстъ здоровыхъ, гдѣ холеры вовсе нѣтъ, избавляло отъ дальнѣйшихъ хлопотъ. Оживленная прежде торговля краденными вещами и скотомъ ослабѣла совсѣмъ и въ концѣ упала до такой степени, что хорошую лошадь продавали по рублю, а вола за половину этой цѣны, и то еще съ большимъ трудомъ. Наступила новая крайность. грабить было что,—въ виду страшной эпидеміи, люди стали нечувствительны къ этому горю,—но сбыть краденыя вещи стало невозможнымъ. И вотъ въ половинѣ ноября 1830 г. Кармелюкъ, истерзанный бѣдою, иззябшій, павшій духомъ, оставленный товарищами, нищій, безъ гроша въ карманѣ, добрался съ большимъ трудомъ въ Новую Синяву и расположился въ сараѣ у Блажкуна, одного изъ тамошнихъ крестьянъ.

Блажкуны—семья во многихъ отношеніяхъ интересная. Вся она воровская, нравственно испорченная, состояла изъ 15 членовъ, и жила тремя отдѣльными домами. Глава ея, старый Денисъ Блажкунъ, за разныя воровства давно ужъ былъ высланъ на поселеніе въ Сибирь.

Кармелюкъ зналъ Дениса и раньше, но сблизился съ нимъ въ нѣжинской тюрьмѣ, гдѣ оба встрѣтились, какъ бѣглецы изъ-за Урала. Первый вернулся на родину, другой искалъ счастья въ другихъ мѣстахъ. Вернувшись въ родныя мѣста, Кармелюкъ смѣло постучалъ въ двери дома, открытаго для мошенниковъ, и нашелъ ревностныхъ пособниковъ въ трехъ сынахъ товарища по нѣжинской

тюрьмѣ. И теперь Кармелюкъ нашелъ здѣсь пріютъ; но какъ былъ безъ денегъ, то его приняли холодно и онъ долженъ былъ довольствоваться сухимъ хлѣбомъ и сторониться отъ женщинъ этой семьи, которыя не очень сочуствовали ему. Съ Никифоромъ Блажкуномъ легче всего сошелся онъ: оба нуждались въ деньгахъ и деньги были близко: надо было только нагнуться, что-бы взять ихъ, такъ какъ владѣльцемъ Новой Синявы и другихъ имѣній былъ п. Бѣловскій, человѣкъ зажиточный, державшій деньги, по старому обычаю, дома. Глубокій старикъ управляющій да молодой экономъ холостякъ составляли весь штатъ владѣльца. Хорошій, значитъ, выходилъ случай, да и подъ самымъ носомъ.

Кармелюкъ вмѣстѣ съ Никифоромъ ежедневно въ сумерки выходили изъ убѣжища, прокрадывались въ садъ пана, заглядывали въ большія окна, желая разсмотрѣть расположеніе комнатъ и порядки въ домѣ и наконецъ рѣшили поджечь гумно, въ 200 шагахъ отъ жилища Бѣловскаго, а когда всѣ уйдутъ спасать хлѣбъ, тогда войти въ домъ и захватить деньги, хотя-бы пришлось ножемъ пробить дорогу. Проэктъ однако не удался, такъ какъ въ хатѣ Никифора находилось два лица, не только не посвященныя въ заговоръ, но даже не сочувствовавшія намѣреніямъ хозяина: старая Ксенія, жена сосланнаго въ Сибирь Дениса, мать Никифора и Параска, жена послѣдняго. Въ семьѣ Блажкуновъ единственныя это жимчужины, на которыхъ съ удовольствіемъ останавливается вниманіе, истомленное картиною злодѣяній. Цѣлая драма разыгривалась въ сердцахъ этихъ женщинъ, вслѣдствіе борьбы между влеченіемъ сердца и чувствомъ долга.

Не знали они Кармелюка совсѣмъ, хотя много о немъ слышали; но однажды Параска, ища чего-то по хозяйству, случайно заглянула въ «стодолу» и встрѣтилась тамъ лицемъ къ лицу съ незнакомымъ человѣкомъ, который потягивался на соломѣ. Не сказали они другъ другу ни слова; непрошенный гость пожиралъ глазами женщину, а она, красивая, молодая, печальная, отъ внезапнаго страха какъ будто еще краше стала... Выскочила и побѣжала къ тещѣ.

— Я видѣла въ стодолѣ какого-то недобраго человѣка! прошептала она, вся дрожа.

— Опять! простонала Ксенія; новое несчастіе Господь посылаетъ!

Молчаніе водворилось въ избѣ и продолжалось долго. Старуха приблизилась къ образамъ, висѣвшимъ въ углу, и стала молиться, усердно кладя поклоны, а потомъ голосомъ увѣреннымъ и твердымъ сказала невѣсткѣ:

— Ступай къ пану и скажи все, что видѣла; необходимо такъ сдѣлать! Разбойничій родъ я выносила подъ сердцемъ; пусть-же оно теперь разорвется, коли не умѣла воспитать, какъ слѣдуетъ.

Молодая женщина стала плакать.

— Иди! сказала Ксенія; такъ надо... Пусть не говорятъ люди, что мы были соучастницами.

Бѣдная женщина принуждена была исполнить приказаніе свекрови.

Кармелюкъ, застигнутый внезапно, отдался безъ сопротивленія. Его отвели въ экономію. Онъ шелъ охотно, не сказывалъ своего имени, просилъ только поѣсть чего-нибудь горячаго и дать теплую комнату, обѣщая, что не уйдетъ уже, потому что такая бродячая жизнь совсѣмъ измучила его.

Когда ему вязали руки, онъ стоялъ покойно и подъ конвоемъ только 12 крестьянъ отправленъ въ Литинъ. Сначала крестьяне не хотѣли его конвоировать, не рѣшались... но разбойникъ увѣрилъ ихъ. что будетъ вести себя хорошо. По пути народъ, какъ и прежде, выходилъ ему на встрѣчу. Кармелюкъ прощался съ ними, просилъ прощенія за обиды и хвалилъ шляхту, которая одна только могла поддержать общественное спокойствіе и порядокъ.

Крестьянинъ слушалъ эти рѣчи, кивалъ печально головой и не зналъ, чему приписать такую перемѣну въ настроеніи разбойника...

Началось опять слѣдствіе. Тянулось оно полтора года. Привлечено къ нему 618 лицъ, изъ которыхъ мужчинъ 606 и женщинъ 12; въ числѣ ихъ было 5 шляхтичей, 209 крестьянъ и 304 жида.

Сподвижники разбойника не избѣжали заслуженнаго наказанія, но самъ атаманъ—Кармелюкъ опять успѣлъ бѣжать. И вотъ, когда въ Каменцѣ задумывались, какимъ способомъ окончательно порѣшить съ нимъ, такъ какъ и кнуты, и клейма не помогали, онъ еще разъ собралъ всю свою энергію и съумѣлъ избѣжать новыхъ кнутовъ, а можетъ быть и высѣлицы... ушелъ опять изъ тюрьмы.

Кармелюкъ былъ въ Литинѣ съ момента его ареста 16 мѣсяцевъ съ лишнимъ. Въ цѣпяхъ, прикованный къ столбу, въ отдѣльной камерѣ, имѣя товарищами уголовнаго преступника и тюремнаго сторожа, онъ велъ себя спокойно, даже примѣрно, отъ удали и цинизма какъ-бы отрекся навсегда, молился, пѣлъ религіозныя пѣсни, съ раскаяніемъ приступалъ къ исповѣди, съ нѣкоторыми заключенными прекратилъ сношенія—словомъ: преобразился до неузнаваемости.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ февралѣ 1832 г., по требованію доктора, онъ былъ освобожденъ отъ кандаловъ. Этого ему только не доставало!

Еще годъ тому назадъ Кармелюкъ добылъ у сторожа буравъ, небольшой ножъ и немного пеньки, что все пряталъ подъ полочъ, а въ апрѣлѣ взялся за работу: свилъ веревку, потомъ въ углу комнаты, въ потолкѣ, сталъ буравить дыры на пространствѣ квадратнаго локтя; днемъ залѣпливалъ ихъ хлѣбомъ и замазывалъ мѣломъ, а такъ какъ потолокъ былъ деревянный, то такую работу можно было легко произвести. Въ послѣднюю ночь разрушилъ печку до половины, сталъ на оставшуюся ея часть и съ помощью небольшого ножа соединилъ дыры, пробуравленныя въ потолкѣ. Съ разсвѣтомъ все было готово. Разбойникъ взобрался на чердакъ, а оттуда, съ помощью веревки, за ограду тюрьмы... Его товарищъ потянулся за нимъ, но выдалъ себя быстрымъ бѣгомъ; часовой угодилъ въ него пулей, и онъ остался на мѣстѣ. И это способствовало бѣгству Кармелюка, потому что погоня опоздала и двинулась только тогда, когда арестантъ былъ уже за городомъ...

Вѣсть объ этомъ новомъ дерзкомъ побѣгѣ знаменитаго бандита испугала спокойныхъ сельскихъ обивателей; а что опасенія ихъ были основательны, сейчасъ въ этомъ убѣдимся...

Въ этотъ новый періодъ своей жизни Кармелюкъ оказался въ полномъ смыслѣ слова разбойникомъ. Разбой и грабежъ организуются теперь широко, не ограничиваясь волостью, уѣздомъ, даже губерніей. Банды его разсѣеваются по всему юго-западному краю, даже переходятъ его, но все таки тяготѣютъ къ центру, гдѣ воспитались въ своемъ подломъ ремеслѣ.

Предводительствуетъ всей этой толпой разбойниковъ Кармелюкъ, для котораго рѣшетка тюрьмы и пуля ничто, ссылка въ Сибирь, при увѣренности въ скоромъ возвращеніи, пріятная прогулка, тысячи палокъ, падающихъ на его спину укушеніе комара, кнутъ—едва чувствуемая непріятность,—Кармелюкъ—олицетвореніе силы въ глазахъ крестьянина, олицетвореніе ловкости въ отношеніи полиціи, недовѣрчивый какъ невольникъ, предусмотрительный, какъ дезертиръ, хитрый, какъ крестьянинъ—украинецъ... Если нападаетъ, то такъ ловко и неожиданно, что ему поддается даже значительная сила. Полиція получаетъ постоянно заявленія о воровствахъ, преслѣдуетъ воровъ почти по пятамъ, но по своей малочисленности должна звать на помощь мужиковъ, а они уже большей частію стоятъ на сторонѣ воровъ и помогаютъ имъ скрываться.

Кармелюкъ среди бѣлаго дня переходитъ отъ хаты до хаты, бываетъ на храмовыхъ праздникахъ, креститъ дѣтей у мирныхъ хозяевъ, переодѣтый или отставнымъ солдатомъ, или подорожнымъ чумакомъ; ходитъ по панскимъ садамъ, спокойно присматриваясь къ расположенію мѣста, что-бы полученными въ теченіи дня свѣдѣніями воспользоваться при ночномъ нападеніи. Сельская стража дѣйствительно караулитъ по селамъ, но этимъ только оберегаетъ безопасность злодѣя. Что это было такъ, достаточно сказать, что онъ скрывался въ продолженіи трехъ лѣтъ въ вышеозначенныхъ мѣстахъ, хотя они были почти на осадномъ положеніи... Словомъ, всматриваясь въ судебные акты того періода, видишь какую-то удивительную ненормальность въ положеніи крестьянъ. Молча, покорно они даютъ себя обкрадывать, мучить, вязать, благодаря своей темнотѣ и вѣрѣ въ сверхъ естественное могущество Кармелюка. Шляхта негодуетъ и горячится, но будучи мало безпокоима, сидитъ тихо; только нападенія на сосѣдей будятъ въ ней энергію, и она бросается въ

огонь безъ опредѣленнаго плана, какъ всегда, пренебрегая опасностью, и въ концѣ, хотя случайно, производитъ быстрый судъ надъ разбойникомъ.

А теперь разскажемъ о нѣсколькихъ случаяхъ нападенія, опуская цѣлые ряды обыкновенныхъ кражъ. Начнемъ съ нападенія на багриновецкую корчму. Арендаремъ ея былъ богатый жидъ Авраамъ Вайнштейнъ. Во время нападенія въ корчмѣ ночевалъ чиновникъ Перетятковичъ. Воры забрали на 20,000 злот. деньгами и серебромъ: подвергшіеся нападенію отдали все безъ сопротивленія, а потому грабители ограничились только ударами нагайки, которые въ очередь и равномѣрно распредѣлили между хохозяевами и случайнымъ гостемъ. Потомъ произвели нападеніе на трактовую бильчанскую корчму въ могилевскомъ уѣздѣ, 22 октября. Арендаря, его жену, двое дѣтей и служанку убили; вещами и деньгами похитили на 8,000 злотыхъ.

Въ галузинской корчмѣ гайдамаки принуждены были вступить въ бой. Въ первыхъ двухъ случаяхъ Кармелюкъ участвовалъ все время, а здѣсь является только подъ конецъ, и съ появленіемъ его бой прекращается. Но разскажемъ это происшествіе, очень громкое въ свое время на Подоліи.

Галузинская корчма, называемая Выгодой, лежитъ на дорогѣ между Баромъ и Шаргородомъ. Расположена она на возвышеніи, окруженномъ небольшимъ лѣскомъ, за которымъ въ нѣсколькихъ стахъ шаговъ начинались уже дебри. Большая и удобная это была корчма, не даромъ ее прозвали Выгодой. По срединѣ широкія въѣздныя ворота со сводами, по обѣимъ ихъ сторонамъ комнаты—направо хозяйскія, налѣво для проѣзжающихъ.

Въ день произшествія хозяевъ не было дома, выѣхали къ родственникамъ на свадьбу; въ корчмѣ остались только старый Фроимъ, бывшій когда-то учителемъ ихъ дѣтей, а теперь доживавшій здѣсь вѣку изъ милости, да 12 лѣтній жиденокъ слуга. Обязанности сторожа исполнялъ цыганъ, кузнецъ по ремеслу, жившій съ женой въ хатѣ, примыкавшей къ задней части корчмы.

Въ сумерки 5 ноября 1833 года въ Выгоду въ большой краковской брикѣ заѣхалъ на ночлегъ какой-то проѣзжій. Это былъ

отставной офицеръ недавно упраздненнаго литовскаго корпуса, полковникъ Гилярій Дембицкій, спѣшившій къ своему брату, жившему въ окрестностяхъ Шаргорода. Самъ полковникъ—человѣкъ атлетическаго сложенія; съ нимъ были: его жена, трое дѣтей, изъ которыхъ одно грудное, служанка, молодая дѣвушка, и извощикъ, владѣлецъ брики и четверки лошадей. Около 9 часовъ вечера въ корчмѣ всѣ уже предались покою, какъ вдругъ Фроимъ, въ отсутствіи хозяина исполнявшій обязанность шинкаря, услышалъ стукъ въ окно:

— А чего тамъ? спросилъ онъ неохотно.

— Вынеси намъ, Фроимъ, водки!

— Это какіе-то знакомые, прошепталъ старый хуситъ и, неспѣшно одѣвшись, налилъ изъ бочки требуемую *кватырку* и вышелъ съ ней въ сѣни.

Но едва онъ отворилъ двери, какъ въ корчму ввалились неизвѣстные люди. По требованію ихъ Фроимъ зажегъ свѣчку и съ ужасомъ увидѣлъ предъ собою нѣсколько вооруженныхъ пришлецовъ. Одинъ изъ нихъ тотъ-часъ ударилъ его нагайкой по головѣ и приказалъ молчать, что впрочемъ было совсѣмъ излишне, такъ какъ старый жидъ отъ страху-ли, или отъ боли, мгновенно утратилъ сознаніе и протянулся на землѣ. Его бросили въ погребъ, куда успѣлъ уже укрыться двѣнадцатилѣтній мишуресъ.

Тогда начался спокойный и систематическій грабежъ, прерываемый по временамъ тостами въ честь хозяина, который такъ кстати уѣхалъ изъ дому. Грабители забрали всѣ деньги (1600 зл.), одежду и столовое серебро; потомъ перешли на другую половину, гдѣ спокойно, не чуя бѣды, почивала семья Дембицкихъ. Тонкія деревянныя двери легко подались подъ напоромъ, полковникъ имѣлъ ровно столько времени, чтобы вскочить въ уголъ, прикрывши собой жену и груднаго ребенка. Выхвативъ палашъ, онъ закричалъ:

— Берите все, но жизни вамъ не дамъ! Буду защищать себя и свое семейство до послѣдняго.

— Посмотримъ! отозвались въ одинъ голосъ всѣ разбойники, а ихъ было одинадцать; пять вошло въ комнату, два остались сторожить дверь, а четверо заглядывали со двора въ окна.

— Посмотримъ, какъ то ты будешь обороняться! грозно закричали разбойники, хотя на самомъ дѣлѣ, какъ потомъ оказалось, они хотѣли только припугнуть и лишь въ случаѣ рѣшительнаго сопротивленія убить подорожнаго.

Три разбойника окружили Дембицкаго, а два забирали вещи, разбивая шкатулки, чемоданы и сундуки. Началась упорная и ожесточенная борьба. Полковникъ получилъ 9 ранъ пикою, изъ которыхъ самая чувствительная была въ голову и лѣвую руку, но и самъ нанесъ нѣсколько ударовъ палашемъ; самому отважному и найболѣе напиравшему на него досталось по плечу. Раненый разбойникъ выпустилъ изъ рукъ пику, обливаясь кровью. Это была минута перерыва боя и отдыха для полковника.

Мѣсто битвы—тѣсная комната, освѣщенная сальною свѣчкою, не позволяла нападающимъ развернуть всѣ свои силы, а ружья у нихъ не было, чтобы однимъ выстрѣломъ покончить съ жертвой. Съ проклятіями и угрозами вынесли они раненаго изъ комнаты, а его мѣсто занялъ другой. И опять ринулись обѣ стороны въ бой; но перевѣсъ теперь былъ уже на сторонѣ полковника: онъ не получилъ ни одной новой раны, а разбойники не могли добраться до кровати; на ней между тѣмъ преспокойно спали двое старшихъ дѣтей, подъ кроватью-жъ, скорчившись, испуганная, чуть живая лежала служанка. Наступилъ новый перерывъ, и именно въ ту минуту, когда Дембицкій сталъ терять уже послѣднія силы. Ночевавшій въ сосѣдней хатѣ сторожъ-цыганъ, услышавъ шумъ въ корчмѣ, выбѣжалъ, чтобы узнать, что тамъ дѣлается; но не успѣлъ онъ удовлетворить своему любопытству, какъ былъ схваченъ двумя бродягами и брошенъ въ ту комнату, гдѣ происходила битва. Новоприбывшій отвлекъ вниманіе всѣхъ; полковика оставили, а цыгана повалили на землю и стали наносить ему удары.

— Не бейте его только по головѣ, потому что убьете, закричалъ одинъ изъ разбойниковъ; толките ему лучше руки и ноги, то не будетъ цыганская душа обороняться.

Этою минутою замѣшательства воспользовался полковникъ. Замѣтилъ онъ, что находится близъ двери, ведущей въ сосѣднюю комнату, выломалъ ее легко плечами и выпрыгнулъ черезъ окно

успѣвъ выхватить съ собою жену, полуобнаженную и почти безъ чувствъ.

IV.

Слѣдствіемъ потомъ обнаружено, что полковникъ обязанъ былъ спасеніемъ жизни неожиданному прибытію Кармелюка. Надо думать, что все это нападеніе сдѣлано было безъ его вѣдома, отсюда гнѣвъ атамана. Вниманіе разбойниковъ на минуту отвлекло внезапное появленіе Ганки, жены цыгана, которая съ плачемъ, воемъ и визгомъ припала къ тѣлу мужа, покрытому синяками.

Но возвратимся къ Дембицкому. Добраться до Галузинецъ, близко отстоящихъ оттуда, было для него дѣломъ одной минуты. Любовь мужа и отца придала ему силы, ибо двое дѣтей осталось во власти разбойниковъ. Посадивъ жену въ дуплѣ полусгнившаго дерева, самъ босой, въ одной рубашкѣ, въ темную и холодную ноябрьскую ночь, съ окровавленнымъ палашемъ въ рукѣ, весь израненный, онъ примчался въ Галузинцы къ эконому. Тотъ съ истинно-рыцарскою готовностью поспѣшилъ на помощь, но было уже поздно. Разбойники, напуганные стукомъ подъѣзжавшихъ подводъ, подожгли корчму и убѣжали, забравши однако все съ собою. Огонь сейчасъ-же былъ потушенъ. Дѣти не проснулись даже, пришедшая въ себя служанка топталась около нихъ. Старый Фроимъ стоналъ, держась за голову. Двѣнадцатилѣтній мальчикъ все еще сидѣлъ въ погребѣ. Жидъ-извощикъ до утра пролежалъ подъ жолобомъ, прикрывшись соломой, и равнодушно смотрѣлъ, какъ разбойники уводили его лошадей. Цыганъ-сторожъ, поддерживаемый любящей и заплаканной женой, едва выползъ изъ комнаты, имѣвшей видъ, какъ-бы послѣ татарскаго погрома. Всѣ вещи, кромѣ кровати, были поломаны, полъ залитъ кровью, вездѣ полно грязи. Въ случившейся катастрофѣ Дембицкій потерялъ здоровье и впослѣдствіи все недомогалъ; потерялъ и все состояніе, такъ какъ у него забрали вещами и деньгами на 40,000 злотыхъ. Гостепріимно принятый однимъ сосѣднимъ иомѣщикомъ, онъ проболѣлъ послѣ этого нѣсколько мѣсяцевъ.

Извѣстіе о смѣломъ нападеніи на Выгоду раздражило всю шляхту: поднялась она, какъ одинъ человѣкъ. Панъ Стецкій, владѣлецъ Комаровецъ, обѣщалъ награду за всякаго пойманнаго вора; потомъ власти пошли по его слѣдамъ, платя за разбойника по десяти рублей. Небольшіе вооруженные патрули, подъ предводительствомъ офиціалистовъ, разсыпались по всей окрестности, началась серьёзная охота.

Спустя нѣсколько дней послѣ описаннаго происшествія, въ селѣ Нижнемъ, подъ утро, когда стало уже свѣтать, одинъ крестьянинъ, идучи по плотинѣ, примѣтилъ двухъ человѣкъ въ «пилипонской» одежѣ, ѣдущихъ возомъ, запряженнымъ тремя меринами. Спустились они къ пруду, чтобъ напоить лошадей, а мужикъ, приблизившись къ нимъ, узналъ въ одномъ Мончинскаго и поднялъ тревогу. Мнимые «пилипоны», услышавъ крикъ, въѣхали на плотину, сбросили обличителя подъ мостъ, а сами хорошею рысью стали уходить, но уже за селомъ замѣтили погоню за собой. Не теряя однакожъ бодрости, они сворачиваютъ въ сосѣдній лѣсъ. Въ это время одна лошадь запуталась въ упряжи и падаетъ; они отрѣзываютъ двѣ другія, садятся на нихъ и удираютъ дальше изо всѣхъ силъ, а по дорогѣ влетая то въ ту, то въ другую деревню, не перестаютъ кричать: «лови, лови!» Солдаты, стоявшіе въ селахъ, задерживаютъ ѣдущихъ, окликая: «кто ѣдетъ?»

— Парубки изъ Нижняго, пускайте, воровъ ловимъ.

— Трогай, Богъ въ помочь!

Наконецъ, имъ удалось добраться до головчинской корчмы близъ лѣса, и они были уже недалеки отъ спасенія; но вдругъ, вмѣсто физіономіи преданнаго имъ арендаря, встрѣчаютъ грозную фигуру лѣсничаго, который съ толпой шляхты предпринялъ поиски въ дебряхъ! Этому счастливцу воры сами попали въ руки; оставалось только связать ихъ и отдать полиціи, и онъ не замедлилъ это сдѣлать. Оказалось, что одинъ изъ разбойниковъ—извѣстный уже намъ Мончинскій; у него нашли рану отъ удара сабли на плечѣ; другой Копытовъ, правильнѣе Ильницкій, шляхтичъ изъ ольгопольскаго уѣзда и дезертиръ; послѣдній имѣлъ на себѣ часы Дембицкаго, а лошади его принадлежали извощику, ограбленному въ Выгодѣ.

Въ ту-же ночь на другомъ мѣстѣ шла кровавая борьба между патрулемъ села Комаровецъ, высланнымъ паномъ Стецкимъ, и разбойниками, встрѣченными въ лѣсу, къ тому-же селу принадлежащему. На хуторѣ, запрятавшемся на четверть мили въ глубину дебри, жилъ шляхтичъ Зелинскій, съ любовницей Анной, которая играла у него роль жены и хозяйки. Обое они не пользовались хорошей репутаціей. И вотъ патруль изъ пяти человѣкъ, проходя мимо и замѣтивши хату Зелинскаго, ярко освѣщенную, приблизился къ окну и убѣдился, что у хуторянина много гостей, и все люди очень подозрительные.

Молодой садовникъ, участникъ патруля, слишкомъ довѣряя своему ружью, вскочилъ въ избу, но этимъ такъ разсердилъ пирующихъ, что одинъ изъ нихъ, какъ потомъ обнаружилось, самъ Кармелюкъ, выстрѣлилъ въ него изъ пистолета и раздробилъ ему пулей плечо. Бѣдный смѣльчакъ, падая, въ свою очередь выстрѣлилъ и всадилъ цѣлый зарядъ въ грудь одного изъ разбойниковъ. Началась отчаянная схватка. Взялись за списы и ножи, раздалось не мало выстрѣловъ. Осажденные, будучи въ большемъ числѣ, прорвались и ушли въ лѣсъ, взявъ съ собой двухъ женщинъ; одна взяла даже съ собой дитя. На полѣ сраженія остался хозяинъ Зелинскій и раненый разбойникъ; этотъ послѣдній былъ крестьянинъ изъ ушицкаго уѣзда—Якимъ, законный мужъ мнимой Зелинской; онъ пришелъ сюда получить плату за проданную жену. Зналъ онъ, что Зелинскій занимается воровствомъ, слышалъ о Кармелюкѣ, хотѣлъ даже пристать къ нему, но честь эта дорого досталась ему, потому что передъ свѣтомъ онъ испустилъ духъ.

Зелинскаго сейчасъ-же привели къ пану Стецкому; при видѣ грознаго пана хуторянинъ внезапно смирился и выболталъ все: перечислилъ имена пировавшихъ, указалъ ихъ убѣжища, признался, что Кармелюкъ также былъ у него и что они заняты были съ шайкой дѣлежемъ добычи, награбленной въ Выгодѣ.

Панъ Стецкій не ожидалъ утра, а сейчасъ-же сѣлъ на лошадь и, во главѣ небольшаго, но хорошо вооруженнаго отряда, произвелъ тщательный обыскъ въ нѣсколькихъ деревняхъ. Къ удивле-

нію, ему скоро удалось захватить четырнадцать самыхъ важныхъ преступниковъ.

Тюрьмы переполнились. Власти рѣшились наконецъ взяться за дѣло энергично. Подольскій губернаторъ послалъ на мѣсто произшествія высшаго чиновника, по фамиліи Визерскаго. Тотъ собралъ въ Галузинцахъ оба суда—летичевскій и литинскій, и образовалъ изъ нихъ коммисію, которая начала свои дѣйствія 18-го ноября 1833 года, а закончила совершенно 1839 года. Лѣтъ, значитъ, около шести пробыла коммисія на мѣстѣ: исписала 2,778 листовъ, обнаружила 20 убійствъ, больше 1,000 крупныхъ кражъ, привлекла къ слѣдствію 144 лица, причастныхъ грабежу и убійству, да 2,560 подозрѣваемыхъ въ меньшихъ проступкахъ, выслушала нѣсколько тысячъ свидѣтелей.

Главный виновникъ всего Кармелюкъ такъ умѣлъ деморализовать народъ, что еще четыре года послѣ его смерти пришлось властямъ работать, пока удалось ввести хоть какой-нибудь порядокъ, чтобъ обезпечить жизнь и имущество населенія.

Вся масса допрошенныхъ не отрицала своего участія въ грабежахъ и убійствахъ. Съ цинизмомъ и хвастовствомъ, обнаруживавшимъ глубокую испорченность, они разсказывали о своихъ разбойничьихъ похожденіяхъ и каждый почти въ концѣ показаній называлъ Кармелюка главнымъ зачинщикомъ разбойничьихъ предпріятій, главою и руководителемъ разбойничьихъ шаекъ.

Но поймать этого Кармелюка казалось немыслимымъ. Поиски оставались безъ результатовъ; безпрестанные патрули, внезапные обыски въ домахъ лицъ подозрительныхъ—все было напрасно! Неудачи властей, дѣйствовавшихъ теперь съ полной энергіей, заставили думать, что Кармелюкъ ушелъ изъ этихъ мѣстъ или умеръ, что другіе пользуются популярностью его имени, что такихъ самозванцевъ Кармелюковъ разсажено много по тюрьмамъ, а настоящаго уже не существуетъ. А между тѣмъ дѣйствительный Кармелюкъ чуть-ли не подъ носомъ самой коммисіи укрывался постоянно. Отдѣльныя лица встрѣчали его въ сумерки—на окраинѣ села или въ лѣсной чащѣ, всегда съ ружьемъ на плечахъ, съ усмѣшкой на устахъ, увѣреннаго въ себѣ; но одному человѣку

бросаться на разбойника казалось сумасшествіемъ. Всѣмъ извѣстно было, что Кармелюкъ силы неимовѣрной и что въ своей жизни, прошедшей въ боязни и опасеніяхъ за свою свободу, онъ научился необычайной предусмотрительности. Зная уже всѣ способы поисковъ, онъ умѣлъ ловко ихъ избѣгать и посмѣивался надъ толпой людей, ищущихъ его тамъ, гдѣ дотолѣ онъ не бывалъ.

Случалось, напримѣръ, въ лѣсу дѣлаютъ облаву. Направилась она съ запада. Крику, шуму, угрозъ пропасть! Вдругъ прибѣгаетъ крестьянинъ къ начальнику, испуганный и блѣдный, и утверждаетъ, что совершенно въ противоположной сторонѣ, собирая вѣтки въ лѣсу, онъ встрѣтилъ Кармелюка. Тогда часть людей спѣшитъ на указанное мѣсто и дѣйствительно находитъ или пику, или порядочную дубину и слѣды логовища, но разбойника никогда...

Случалось даже, что во время поисковъ является, откуда ни возьмись, нищій старикъ, согбенный подъ бременемъ лѣтъ, съ лирой черезъ плечо, и говоритъ ищущимъ, что полчаса тому назадъ встрѣтилъ вооруженнаго человѣка, похожаго на Кармелюка, что человѣкъ этотъ подалъ ему щедрую милостыню. И вотъ бросаются туда, откуда пришелъ нищій—и что-жъ? Цѣлый костюмъ Кармелюка попадалъ въ руки погони, но его самаго не было, а нищій, войдя въ село, какъ сквозь землю провалился. Другіе утверждаютъ, что самъ разбойникъ, переодѣвшись мужикомъ, принималъ участіе въ облавѣ. Вотъ, должно быть, смѣялся онъ тогда надъ усердіемъ крестьянъ, согнанныхъ съ этой цѣлью!

Во всякомъ случаѣ, его больше всего безпокоили конные патрули, состоявшіе изъ шляхты. Тогда ватажекъ пересиживалъ на деревѣ, какъ птица, по цѣлымъ днямъ, томимый голодомъ, жаждой и безсонницей.

— Но паны ляхи, говаривалъ онъ—въ первый лишь день страшны; потомъ смягчаются; не трогай ихъ, и можешь быть спокоенъ.

Товарищи Кармелюка, посаженные въ тюрьму, во всемъ признаваясь откровенно, одного только не умѣли сказать, гдѣ скрывается ихъ предводитель. Являлся онъ среди нихъ неожиданно, и также неожиданно скрывался, одинъ, безъ товарища, таинственно.

Иногда соберутся въ пущѣ для совѣта—кого ограбить, какъ устроить нападеніе, съ которой стороны начать штурмъ панскаго двора, корчмы, хутора... Еще не успѣютъ прійти къ единогласному рѣшенію, какъ вдругъ шелестъ, потомъ протяжный свистъ и изъ-за кустовъ выходитъ Кармелюкъ:

— Якъ ся маете, хлопци?

— Слава Богу, отамане!

— Пидете туды й туды, я васъ самъ поведу!

И тогда ужъ никто изъ нихъ не спрашивалъ, какъ будетъ произведенъ грабежъ. Кармелюкъ приближался къ мѣсту грабежа, разставлялъ караулъ, во главѣ самыхъ отважныхъ входилъ внутрь дома, удерживалъ ихъ въ предѣлахъ умѣренности, подвергшихся нападенію людей приводилъ въ ужасъ своимъ личнымъ присутствіемъ; бралъ одну-другую мелочь, которая ему попадалась подъ руки: ножницы, наперстокъ, свертокъ лентъ, кусокъ ситцу, нерѣдко вещи еще меньшей стоимости, десятокъ-другой рублей, а когда грабежъ былъ во всемъ разгарѣ, онъ, никѣмъ не замѣченный, скрывался въ темнотѣ. Иногда одному кому нибудь изъ подчиненныхъ передавалъ предводительство, чаще всего Борщуку, и въ такомъ случаѣ сообщалъ ему весь планъ нападенія.

Итакъ Кармелюкъ, какъ видите, былъ неуловимъ, но жизнь, прошедшая въ лишеніяхъ и опасностяхъ, стала ему надоѣдать...

Старая тоска по семьѣ снова овладѣла имъ, и онъ сталъ держаться въ мѣстахъ поближе къ ней. Въ Маринѣ, женѣ самаго старшаго сына Ивана, онъ нашелъ друга; часто дарилъ ее щедро деньгами и вещами; внучатъ няньчилъ и баловалъ по цѣлымъ днямъ, пересиживая въ Головчинцахъ. Славянская натура брала верхъ надъ всѣмъ, и такъ ужъ ему хотѣлось покоя и угла, въ которомъ можно-бы было прожить, не подвергаясь преслѣдованію и заслуженной карѣ.

Жена его умерла давно,—противъ нея осталось у него неудовольствіе за извѣстную выдачу, но сыновей своихъ онъ всей душей любилъ и завидовалъ ихъ крѣпостной жизни,—такъ, по крайней мѣрѣ, показалъ самый младшій его сынъ, Остапъ, на слѣдствіи.

Приходило раскаяніе, но поздно! Комиссія узнала о сношеніяхъ ватажка съ семьей и всю родню, его состоявшую изъ нѣсколькихъ семействъ, посадила въ тюрьму. Кармелюкъ принужденъ былъ бѣжать подъ Винницу, въ Мѣдяковскіе хутора, а оттуда опять вернулся въ окрестности Деражни, гдѣ цѣлый годъ прожилъ спокойно. Между тѣмъ цѣлыя вереницы его прежнихъ товарищей потянулись на каторгу, въ Сибирь, послѣ наказанія кнутомъ и наложенія клеймъ. Процедура публичной казни надъ ними продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ. Опуская ея мелкія подробности: тяжело дышется въ тюремной атмосферѣ, въ которую мы вводимъ читателя: въ ушахъ отдается бряцаніе кандаловъ и цѣпей, а длинные ряды людей, передвигаемыхъ въ другую часть свѣта и идущихъ съ безсмысленной усмѣшкой на губахъ, безъ слезы сожалѣнія, безъ вздоха—вызываютъ тяжелое чувство.

Мы предпочли бы отвернуть глаза отъ этого печальнаго зрѣлища, но спѣшимъ окончить, разсказать послѣднюю сцену этой разбойничьей драмы... всегда представляя Кармелюка такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, а онъ былъ прежде всего разбойникъ, разбойникъ—и ничего больше. Просимъ поэтому еще немного терпѣнія.

Въ началѣ 1834 года является въ окрестности Деражни мужикъ Копчукъ, прежній довѣренный Кармелюка, сосланный въ каторжныя работы, но теперь ускользнувшій изъ нихъ и опять поспѣшившій въ родную землю.

Въ Деражнѣ узналъ онъ о пребываніи Кармелюка вблизи. Жиды однако не умѣли указать его убѣжища, а потому онъ началъ поиски и временно поселился въ Карачинцахъ, у своего племянника Прокопа. Прокопъ—ничтожная личность во всѣхъ отношеніяхъ, безъ характера и устойчивости, всегда подъ чьимъ-нибудь вліяніемъ. До сихъ поръ жена имъ руководила, теперь онъ сталъ подъ опеку Копчука, видя въ немъ человѣка бывалаго, много видѣвшаго свѣта, ватажка небольшой руки, въ своемъ родѣ Кармелюка.

— А можетъ погуляли бы немного въ околицѣ? сказалъ какъ-то Копчукъ своему родичу; удастся, все таки прибыль въ домѣ будетъ.

А, что-жъ! погуляемъ, коли хотите, дядюшка! отвѣтилъ равнодушно Прокопъ, какъ будто дѣло шло о самомъ пустяшномъ дѣлѣ.

Однако гульба не удалась. На первомъ воровствѣ ихъ замѣтили,—едва имъ удалось ускользнуть; другая попытка тоже не удалась, потому что за нее неловко взялись. Уляна, жена Прокопа, смѣялась надъ ихъ неудачными походами. Смѣхъ Уляны раздражалъ влюбленнаго въ нее Копчука. Прокопъ и къ этому привыкъ, ибо не въ первый разъ жена обзывала его «недолугимъ».

— Даже воромъ хорошимъ не можешь быть, говорила она ему съ презрѣніемъ

Не оставалось другого средства, какъ, во чтобы то ни стало, искать Кармелюка. Пошелъ Копчукъ на развѣдки, и дѣйствительно, послѣ двухъ-мѣсячныхъ поисковъ, нашелъ атамана у одного шляхтича, жившаго из хуторѣ близъ села Радіевецъ, подъ бокомъ комиссіи.

Прежній ватажекъ исполнялъ тутъ должность сторожа, преспокойно рубилъ дрова на подворьѣ, таскалъ воду изъ сосѣдняго колодца, иногда изъ лѣсу скотъ загонялъ въ стойло, постоянно сталкиваясь съ полицейскими разсыльными, искавшими его. Часто они его спрашивали, не видалъ-ли онъ случайно въ лѣсу человѣка, похожаго на Кармелюка; и онъ отвѣчалъ имъ очень спокойно, съ видомъ простодушнымъ, что изъ боязни онъ никогда не углубляется въ лѣсъ, а всегда на опушкѣ собираетъ валежникъ. Люди вѣрили ему и шли дальше, да и разбойникъ измѣнился въ продолженіи этого года. Отпустилъ онъ бороду, значительно уже посѣдѣвшую; въ глазахъ, вмѣсто прежней рѣшительности, проглядывала усталость; чело избороздили морщины; спина согнулась подъ бременемъ жизни, не обезпеченной и полной мукъ и страданій. Такимъ онъ былъ, когда однажды, въ маѣ, Копчукъ, проходя мимо хутора, встрѣтилъ его, несущаго

связку дровъ. Копчукъ въ солдатской шинели разыгривалъ роль человѣка, высланнаго на поиски за подозрительными людьми, и лѣсничіе вѣрили ему на слово, а, можетъ, и не вѣрили, да только изъ страха показывали видъ, что вѣрятъ.

— Скажи мнѣ, дѣдушка, кто живетъ въ этой хатѣ? спросилъ Кармелюка импровизированный стражъ общественной безопасности. Кармелюкъ вздрогнулъ. Копчукъ это замѣтилъ, пристально посмотрѣлъ ему въ глаза и узналъ атамана.

— Слава Богу! шепнулъ онъ: все вотъ васъ ищу и не могу найти.

— А на что я тебѣ нуженъ?

— Погуляемъ!..

— А что изъ этого выйдетъ? Дайте мнѣ покой! Оставьте меня: хочу уже по человѣчески закончить жизнь. Вотъ пусть только въ околицѣ поменьше станетъ этихъ «крюковъ», пойду въ свѣтъ, куда нибудь за Днѣстръ, Прутъ—тамъ доживу...

— А деньги есть?

Кармелюкъ усмѣхнулся.

— Ни копѣйки за душей! отвѣтилъ, служу за кусокъ хлѣба.

— Лучше съ деньгами уходить!..

Долго еще продолжался разговоръ. Кармелюкъ сначала отпѣкивался, но въ концѣ не устоялъ противъ искушенія, скрылся въ густомъ лѣсу, бросилъ вязянку дровъ и черезъ нѣсколько дней пробрался въ хату Прокопа въ Карачинцахъ. А хата какъ-бы нарочно для воровъ была построена: на концѣ села, спрятавшись въ небольшомъ, но тѣнистомъ садикѣ, она примыкала, кромѣ того, къ лѣсу. Всякій подозрительный гость, не хотѣвшій, чтобы его замѣтили, обыкновенно входилъ въ садъ, перескочивъ маленькій плетень.

Вотъ подъ этой-то низенькой крышей созрѣлъ планъ нападенія на пани Поплинскую, поссесоршу половины деревни Красноселки, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Деражни. Главною причиною, побудившею привести планъ въ исполненіе, была Уляна, жена Прокопа. Въ первую ихъ встрѣчу она похитила сердце Кармелюка, и должно быть была хороша собой, когда

даже сухіе судебные акты вспоминаютъ о необыкновенныхъ ея прелестяхъ. Высокая, стройная, голубо-окая блондинка, бывшая горничная, а потому видѣвшая другую жизнь, всегда грустная, вздыхающая, искавшая чего-то необыкновеннаго, она очаровала атамана, имѣвшаго всегда слабость къ прекрасному полу и извѣстнаго рода лоску. Прибывъ въ хату Прокопа, Кармелюкъ имѣлъ видъ стараго, сгорбленнаго дѣда; но когда обрилъ бороду, надѣлъ чамарку, принесенную въ нищенской котомкѣ, привѣсилъ у пояса нагайку и ловко оперся на пику, у Уляны, при видѣ его, застучало сердце; можетъ, вспомнились ей неосуществившіяся мечты о молодыхъ паничахъ, бродившія въ ея головѣ еще въ то время, когда она служила у господъ.

— Кто вы такой?—спрашивала она съ дрожью и безпокойствомъ, хотя на половину догадывалась о настоящемъ имени незнакомца.

— А ты не испугаешься, Уляна?

— О, нѣтъ, нѣтъ! Ужасно хочется мнѣ знать!

— Ну, такъ скажу: я Кармелюкъ...

— Ой, несчастье мое! вскричала она и схватилась за голову, подъ впечатлѣніемъ страшнаго имени.

Разбойникъ сталъ ее успокоивать, и не только успокоилъ, но и привлекъ ее къ себѣ навсегда.

Мужъ Уляны смотрѣлъ на это равнодушно; работать онъ не хотѣлъ, и одна только жажда денегъ преобладала надъ всѣмъ. Зналъ онъ, что Кармелюкъ приноситъ въ его хату утоленіе этой жажды.. а что жена обманетъ—это не важно!

Начались въ окрестностяхъ воровства. Сначала не большія, какъ обыкновенно, изъ имущества крестьянъ: волы, лошади пропадали во множествѣ; невидимая рука уводила ихъ, но такъ ловко, что никакого слѣда не могъ найти потерпѣвшій. Коммисія потеряла голову. Уже хотѣла прекратить свои занятія, а тутъ новый наплывъ жалобъ, просьбъ, плачъ и нареканія бѣдныхъ сельчанъ, у которыхъ рабочій скотъ составлялъ все богатство.

За то у Уляны прибывало украшеній и уборовъ . Она имѣла кораллы, какихъ никто не имѣлъ въ тѣхъ мѣстахъ, тонкую коленкоровую рубашку, да такую узорчатую и цвѣтисто вышитую, что глаза высмотришь, глядя на нее, и кожухъ новый, и жупанъ, синимъ сукномъ крытый и золотымъ позументомъ вышитый по швамъ и карманамъ. И люди не догадывались, откуда у нея все это берется.

Никто у Прокопа не видѣлъ Кармелюка, а Уляна не домогалась господства надъ толпой, какъ ея предшественница—пани Добровольская: ей хотѣлось только любви и во всемъ избытка, а ни въ томъ, ни въ другомъ она не видѣла отказа...

По пріемамъ, съ какимъ производились кражи, тотъчасъ догадались, что ими руководитъ опытная и искусная рука. И вотъ второстепенные воры стали отовсюду тянуться къ Кармелюку, и онъ, какъ и прежде, снова образовалъ шайку изъ 12 отважныхъ человѣкъ; въ число ихъ вошелъ нѣкто Андрей—правая рука атамана, отличавшійся звѣрствомъ, атлетическимъ сложеніемъ и привязанностью животнаго къ своему старшему.

Организовавши такую шайку, можно было пуститься въ предпріятія болѣе смѣлыя, чѣмъ простое воровство, хотя бы подъ бокомъ коммисіи, для большаго огорченія «крюковъ». Жребій палъ на пани Поплинскую.

V.

Въ прекрасную ясную ночь съ 12 на 13 августа 1834 г. семь человѣкъ вышло изъ карачинскихъ лѣсовъ по направленію къ Красноселкѣ. Весь дворъ вдовы поссесорши разбойники застали въ глубокомъ снѣ и въ одно мгновеніе перевязали всѣхъ, начиная съ конюха и оканчивая горничной. Кто хоть писнулъ или хотѣлъ защищаться, получалъ нагайкой по головѣ. Поплинская, при видѣ разбойниковъ, съумѣла найтись.

— Все отдамъ добровольно! воскликнула—только не мучьте меня и моей служанки!

— Хорошо, согласенъ!—отвѣтилъ Кармелюкъ—даже не свяжемъ тебя, только не кричи и не уходи!

И началась не торопливая ревизія. Вещи болѣе дорогія и привлекательныя для грабителей собраны и уложены въ повозку, не задолго передъ тѣмъ подъѣхавшую къ крыльцу; деньги тоже были ссыпаны въ одинъ мѣшокъ, и должно быть онѣ имѣли большую прелесть для воровъ, когда они стали дѣлитьея ими на мѣстѣ, особенно, когда узнали, что Кармелюкъ, по обыкновенію, скрылся. Поплинская, пользуясь тѣмъ, что разбойники были заняты дѣлежемъ, выскочила черезъ окно, выбѣжала въ село на улицу, колотила въ двери крестьянскихъ хатъ, выбивала стекла въ окнахъ и устремляясь въ ужасѣ все дальше, прибѣжала къ сосѣду, владѣльцу другой половины Красноселки, поручику Залозинскому. Полусонный народъ сталъ собираться толпами и совѣтоваться, какимъ образомъ окружить дворъ и схватить грабителей.

— А если тамъ есть Кармелюкъ? говорили старшіе; худо будетъ.

— Уйдетъ, если даже и поймаемъ! непремѣнно уйдетъ! А тогда насъ съ огнемъ пуститъ! Если бы среди насъ былъ хоть одинъ панокъ, хотя бы писарь, или экономъ, тогда на него можно бы всю бѣду свалить...

На эти клики объ иниціаторѣ явился панъ Залозинскій, поспѣшившій во дворъ Поплинской. Крестьяне толпами повалили за нимъ, но было уже поздно, злоумышленники ускакали на повозкахъ въ Кальную Деражню, забравъ съ собой много вещей. Бѣдная поссесорша понесла убытковъ на 30,000 злот. И что-жъ вы скажете, узнавши, что самый тщательный обыскъ въ Кальной не открылъ воровъ?

Только спустя нѣсколько мѣсяцевъ, т. е. въ концѣ 1834 года, Копчукъ, уже слишкомъ открыто расхаживавшій по окрестностямъ, былъ задержанъ и посаженъ въ тюрьму. Какъ прежде, такъ и теперь онъ не только во всемъ сознался, не только описалъ со всѣми подробностями грабежъ въ Красноселкѣ, но даже перечислилъ лицъ, принимавшихъ въ немъ участіе непосредственно, или посредственно.

Тюрьмы опять переполнились. Но главный виновникъ съ своимъ помощникомъ пропалъ безъ слѣда, упалъ какъ камень въ воду! Любовницѣ Кармелюка Улянѣ и ея сестрѣ Варварѣ, которыя послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ молчанія сознались во всемъ, обѣщали свободу, а потомъ и прощеніе, если онѣ, будучи выпущены, сейчасъ дадутъ знать властямъ о появленіи Кармелюка. Женщины обѣщали и даже присягу дали, и въ августѣ 1835 года ихъ отправили въ Карачинцы.

Поселились онѣ одиноко въ своей хатѣ; сосѣдки отъ нихъ сторонились, да и сосѣди не очень спѣшили ихъ навѣстить, ибо связь Уляны съ предводителемъ разбойниковъ не была уже секретомъ. Одинъ только мѣстный крестьянинъ, Шайдюкъ, тихонько прокрадывался въ хату подъ лѣсомъ. Онъ заботился о собственной шкурѣ, такъ какъ и онъ принималъ участіе въ нападеніи на домъ пани Поплинской, наблюдая, чтобы производившіе грабежъ не подверглись въ свою очередь нападенію. Копчукъ или забылъ объ этомъ, или ничего не зналъ совсѣмъ, и только этому обстоятельству Шайдюкъ обязанъ былъ тѣмъ, что остался на свободѣ; тѣмъ не менѣе онъ очень тревожился. Первый разъ, заглянувъ во дворъ освобожденныхъ женщинъ, онъ засталъ только Варвару.

Поздоровавшись съ нею, онъ спросилъ не смѣло, о чемъ спрашивали ее въ судѣ?

Варвара описала ему печальную тюремную жизнь, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, но о данномъ ею обязательствѣ и цѣли возвращенія умолчала.

— Вѣрно, если не вы, то Уляна,—тянулъ дальше пришедшій, сказали что нибудь обо мнѣ, и сейчасъ возьмутъ въ тюрьму бѣднаго Шайдюка! Помните-жъ, если меня поставятъ съ ней предъ судомъ въ Летичевѣ, пусть запрется, пусть скажетъ, что по злобѣ впутала меня въ это дѣло. Попросите ее, скажите, что я ее за это отблагодарю.

— Не бойтесь, ничего вамъ не будетъ! прервала его Варвара, подметая полъ; объ этомъ не стоитъ даже говорить. Но... но...

что подѣлываетъ атаманъ? прибавила она какъ-бы нехотя. Вѣрно, ушелъ въ далекія мѣста?

— Э, гдѣ-жъ тамъ! въ томъ-то и вся бѣда, что атаманъ ничего не боится... Въ Галузинцахъ среди бѣла дня ходитъ въ корчму и потѣшается надъ «крюками»; еще грозитъ, что нападетъ на коммисію и всѣ бумаги сожжетъ.

— Скажите ему, когда его встрѣтите, сказала Варвара многозначительно, пусть къ Улянѣ не приходитъ, потому что вѣрно за нами слѣдятъ...

И на томъ окончился первый разговоръ. Шайдюкъ тревожно ждалъ минуты, когда ему свяжутъ руки и посадятъ въ тюрьму, ждалъ и дождаться не могъ, а наконецъ и бояться пересталъ... Въ такомъ настроеніи встрѣтился онъ съ Кармелюкомъ и разсказалъ ему о возвращеніи Уляны и ея печали, нищетѣ и презрѣніи, съ какимъ къ ней относится вся деревня... Разбойникъ, не обращая вниманія на предостереженіе Варвары, рѣшился повидаться съ своей возлюбленной...

Было это въ началѣ октября. Осеннее солнце склонялось къ закату, дулъ ироизительный вѣтеръ. Уляна только что вернулась съ связкой дровъ въ хату, Варвара развела въ печи огонь и принялась готовить ужинъ. Убогій и скромный это былъ ужинъ, состоялъ изъ одного лишь картофеля; но едва покушали сестры, какъ послышался хорошо знакомый стукъ въ окно. Уляна задрожала, она догадалась, что это пришелъ Кармелюкъ, котораго она уже рѣшила предать въ руки правосудія... Положеніе было непріятное, опасность большая. Ну, а если разбойникъ догадается объ измѣнѣ! Хоть страшно было, но Варвара, на повторенный стукъ, отворила двери и ввела въ хату двухъ людей—атамана и его наперстника Андрея, отъ головы до ногъ вооруженныхъ. Уляна съ печальнымъ видомъ сидѣла въ углу подъ образами.

— Что-жъ, моя красавица! заговорилъ весело разбойникъ, вывернулась отъ полиціи? О чемъ они тебя тамъ спрашивали?

— О васъ, отвѣтила степенно хозяйка, но мы ото всего отреклись и насъ выпустили... и вздохнула.

БІБЛІОТЕКА-ЧИТАЛЬ

— Отъ чего-же ты вздыхаешь, Уляна? спросилъ опять атаманъ.

— Потому что тяжело! Мужа взяли, не весело одной на свѣтѣ жить, да и съ нуждой справиться не могу.

— Ну, ну, не печалься! Все будетъ хорошо: мужа освободятъ, постараемся объ этомъ, прибавилъ онъ важно. Ограбимъ Козьминскаго, такъ и деньги найдутся, а этого стараго собаку Волянскаго, продолжалъ онъ, стиснувъ кулаки, живымъ распластаю, что взялъ такого молодца, какъ Прокопъ!

Панъ Волянскій былъ владѣлецъ половины Карачинецъ, въ которой жилъ мужъ Уляны. Спрошенный властями о поведеніи Прокопа, онъ далъ о немъ самый дурной отзывъ, отсюда гнѣвъ Кармелюка.

Настала въ комнатѣ тишина; черезъ минуту Андрей прервалъ ее.

— Хоть-бы скорѣе, батьку! Скучно безъ работы?

— Подожди, Андрей; дѣло сдѣлается! А ты, Уляна, завтра вечеромъ позови Шайдюка, мы съ нимъ посовѣтуемся, какъ это устроить; а тѣмъ часомъ дай намъ поѣсть.

На столъ былъ поданъ картофель, хлѣбъ и водку гости принесли съ собой. Разговоръ, однако, не клеился, и разбойники, по двухчасовомъ отдыхѣ, отправились въ лѣсъ.

Женщины не спали всю ночь: совѣтовались, спорили, не обошлось безъ слезъ и упрековъ; утромъ, однако, Варвара уже была у помѣщика. Панъ Волянскій все узналъ. Убѣленный сѣдинами, этотъ 70-ти лѣтній старикъ, имѣвшій привычку постоянно твердить, что никого не боится, такъ какъ одной ногой стоитъ уже въ гробу, несказанно пораженъ былъ извѣстіемъ о сосѣдствѣ Кармелюка и пригласилъ на совѣтъ своего сосѣда Козьминскаго. Оба испугались угрозъ Кармелюка, и въ рѣшительную минуту растерялись... Послѣ долгихъ совѣщаній, рѣшили посвятить въ тайну пана Хлопицкаго, посессора другой половины села Карачинецъ.

Здѣсь на время оставляемъ судебные акты и будемъ черпать подробности изъ преданій.

Пана Хлопицкаго тогда не было дома; письмо попало въ руки барышень, дочекъ поссесора. За одну изъ нихъ сватался молодой человѣкъ, п. Феодоръ Рутковскій. И вотъ, когда она въ присутствіи кавалера сказала, что въ краѣ, видно, нѣтъ ужъ болѣе храброй молодежи, если Кармелюкъ нападаетъ на дома и грабитъ бѣдныхъ беззащитныхъ женщинъ, что вотъ и сегодня онъ будетъ въ Карачинцахъ, и нѣтъ человѣка, который задержалъ-бы его,—молодой человѣкъ принялъ укоръ молодежи на свой счетъ; кровь бросилась ему въ лице и онъ увѣреннымъ голосомъ сказалъ:

— Непремѣнно поймаю Кармелюка!

Барышни, сидѣвшія въ гостинной пана Хлопицкаго, посмотрѣли на него съ удивленіемъ и недовѣріемъ, считая его рѣшеніе дерзкимъ, безразсуднымъ и не выполнимымъ.

Случилось однако не такъ. Рутковскій поспѣшилъ къ Волянскому, чтобы узнать подробности и съ ними сообразоваться въ своемъ предпріятіи. Вернулся оттуда рѣшившимся на все. Барышни увидѣли, что зашли слишкомъ далеко, и обезпокоенныя, стали отговаривать его, но ничто уже не помогло; панъ Ѳеодоръ отвѣтилъ имъ коротко:

— Мнѣ нужны люди и оружіе!

Панъ Хлопицкій, какъ отставной и военный, имѣлъ нѣсколько оружія дома, труднѣе было подъискать отважныхъ и ловкихъ товарищей; приходилось брать, что было подъ рукой, потому что близился вечеръ и необходимо было спѣшить.

Нашлось пять охотниковъ: Войцѣхъ Статкевичъ, поваръ Петръ, лакей Сильвестръ Змурчикъ, парубокъ Семенъ мельникъ и конюхъ Трофимъ Драньчукъ. Мы перечислили ихъ имена, потому что въ тѣ времена идти на Кармелюка считалось большой храбростью. Хозяевъ-крестьянъ, изъ опасенія измѣны, не посвятили въ тайну предпріятія; поэтому, въ случаѣ неудачи, ждать помощи было не откуда. Всѣ шесть человѣкъ имѣли въ своемъ распоряженіи только два ружья; поваръ откуда-то добылъ палашъ, остальные запаслись дубинами и веревками, которыми предпола-

галось связать разбойника; огнестрѣльное оружіе рѣшили употребить только для личной защиты.

Здѣсь опять возвращаемся къ судебнымъ актамъ.

Поздно ужъ вечеромъ 9-го октября 1835 года маленькое общество отважныхъ людей прибыло въ хату Уляны. Мелкій осенній дождь, темнота ночи—все благопріятствовало предпріятію. Двое засѣли въ хатѣ на печкѣ, чтобъ не спускать съ глазъ женщинъ; три другихъ, имѣя во главѣ Рудковскаго, размѣстились въ обширныхъ сѣняхъ, въ углу противъ входныхъ дверей, а чтобы въ случаѣ неудачи обезпечить себѣ отступленіе, оторвали нѣсколько сноповъ соломы изъ крыши. Было, правда, это не порыцарски, но чего вы хотите отъ мирныхъ карачинскихъ жителей? И то слѣдуетъ удивляться, откуда у нихъ набралось столько отваги: вѣдь изъ пяти человѣкъ—участниковъ три были крестьянскаго происхожденія, а всѣ крестьяне почитали Кармелюка чародѣемъ, и даже Статкевичъ, хотя былъ шляхтичъ, также, кажется, вѣрилъ въ сношенія разбойника съ чортомъ.

Гробовое молчаніе въ избѣ. Женщины не спали, ожидая съ большой тревогой прихода ватажка, но только въ 4 часа утра послышался стукъ въ окно. Уляна отворила двери изъ сѣней.

— А что, есть Шайдюкъ?—спросилъ Кармелюкъ прерывающимся и неспокойнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, отвѣчала хозяйка, дрожа вся:—ожидалъ долго, не могъ дождаться и пошелъ, говорилъ, что завтра придетъ.

— А, чтобъ его! говорилъ я тебѣ, Уляна, чтобъ ты непремѣнно сегодня позвала....

— Но я не была увѣрена, что вы прійдете....

Въ эту минуту въ сѣняхъ послышался неопредѣленный шорохъ. Это товарищи пана Рудковскаго стали уходить чрезъ сдѣланное въ крышѣ отверстіе..

— Что это? крикнулъ Кармелюкъ, прислушиваясь, и въ ту же минуту выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ и взвелъ курокъ, всматриваясь въ темноту....

— Что это, Уляна?

Къ счастію, онъ не посмотрѣлъ на свою возлюбленную... Она поблѣднѣла, какъ стѣна. По ея безпокойству онъ могъ-бы догадаться объ измѣнѣ....

— Да знаете, конечно, отозвалась Уляна едва слышнымъ голосомъ, что здѣсь овцы. Варвара! прибавила она громче, выгони овецъ во дворъ, пусть пасутся, потому что скоро будетъ день.

— Не нужно! прервалъ Кармелюкъ, успокоившись совсѣмъ: еще далеко до утра. Мнѣ надо заснуть, потому что я очень усталъ.... И вошелъ въ сѣни; но еще разъ оглянулся подозрительно кругомъ и замѣтилъ въ углу человѣка съ направленнымъ на него дуломъ.... Рудковскій, увидя себя оставленнымъ товарищами, предупредилъ разбойника и выстрѣлилъ....

Раздался трескъ, пуля шарахнула разбойника въ високъ, и онъ упалъ безъ стона, но и безъ признаковъ жизни....

Неразлучный Андрей, свидѣтель этой сцены, мгновенно бѣжалъ; но углубившись въ лѣсъ и не слыша погони, сталъ свистать и звать ватажка, своего старшаго и брата. . . . Гнетущее, удругающее впечетлѣніе производилъ этотъ призывъ среди гробовой тишины лѣсной; печаль и безпокойство слышались въ немъ.

И въ хатѣ стало тихо. Уляна впала въ обморокъ; знать, она не предполагала такой развязки; но какъ ея роль была кончена, то никто ужъ больше не обращалъ на нее вниманія. А отважные участники Рудковскаго такъ и застыли отъ страха на крышѣ, тревожно посматривая, не покажется ли шайка разбойниковъ, чтобъ отмстить за смерть своего атамана.

Но позицію свою на крышѣ они считали все таки очень удобною, ибо отсюда можно было видѣть, что происходитъ вокругъ хаты. Остававшіеся въ хатѣ также окаменѣли отъ страху; Рудковскій въ свою очередь смутился: убить человѣка, хотя бы и разбойника.... вѣдь это законное возмездіе во всякомъ случаѣ принадлежало не ему, а власти. Утѣшало его только то, что онъ во имя общественной безопасности хотѣлъ лишь захватить преступника, а встрѣтившись съ нимъ носъ къ носу, долженъ былъ защищать собственную жизнь. И дѣй-

ствительно, секунда нерѣшительности, и Кармелюкъ предупредилъ бы его.

Наконецъ, столь желанное и такъ лѣниво приближавшееся утро освѣтило эту кровавую сцену. Народъ сталъ сбѣгаться, чтобъ посмотрѣть Кармелюка, съ простр ѣленнымъ вискомъ лежавшаго на порогѣ хаты своей возлюбленной. Рутковскій не терялъ времени: сейчасъ занялся спискомъ вещей, найденныхъ у разбойника. Изъ этого списка мы узнаемъ, что Кармелюкъ имѣлъ на себѣ кожухъ, подъ нимъ-польскую чемерку, два жилета, тонкую полотняную рубаху, сапоги съ высокими голенищами, шапку изъ сѣрыхъ барашковъ, на шеѣ эмальированный крестикъ, а въ карманѣ носовой платокъ, кисетъ съ табакомъ, мѣшечекъ съ пулями, ножикъ, ножницы и мѣшечекъ съ деньгами (60 злот.); за поясомъ пара заряженныхъ пистолетовъ, кинжалъ съ художественной отдѣлкой, а на плечахъ, подъ кожухомъ, висѣлъ патронташъ; около трупа лежала пика.

Изъ свидѣтельства доктора, который дѣлалъ осмотръ на мѣстѣ, узнаемъ, что Кармелюкъ имѣлъ лице овальное, выбритое, подстриженные усы, свѣтлые волосы, зачесанные по шляхетски, съ проборомъ съ боку, орлиный носъ, глаза большіе голубые, чело высокое,—на немъ два слѣда клейма; кости височныя и теменная раздроблены; на плечахъ и спинѣ ясные продолговатые слѣды рубцевъ отъ кнутовъ; въ нижней челюсти недоставало двухъ переднихъ зубовъ.

Слѣдовало за тѣмъ официально удостовѣриться, что застрѣленный Рудковскимъ человѣкъ былъ дѣйствительно Кармелюкъ. Полиція засвидѣтельствовала тождество лица; сторожа и надсмотрщики Летичевской и Литинской тюрьмы, а также инвалидные солдаты подтвердили свидѣтельство полиціи; но коммисія этимъ не удовольствовалась и позвала товарищей атамана, ожидавшихъ своей участи за рѣшеткой....

Наконецъ рѣшено показать убитаго окрестнымъ жителямъ, Повезли тѣло его въ Летичевъ. По дорогамъ останавливались съ нимъ по селамъ, и толпы крестьянъ сходились смотрѣть на покойника.... Мужчины оживленно толковали, но ни радости.

ни печали, но даже злословія не слышно было между ними. Нашъ крестьянинъ, въ виду совершившагося факта, забываетъ обиды и неудовольствія.

— Кралъ онъ, говоритъ, то правда, иногда и душу христіанскую спроваживалъ на тотъ свѣтъ безъ покаянія; а сколько тревоги, безпокойствъ и страха причинялъ намъ, того и не вспомимъ. Но Богъ его наказалъ. Какъ жилъ не по людски, такъ и умеръ. Пусть его Всемогущій судитъ—не наше уже это дѣло!...

Прекрасное выраженіе народной мудрости, простой, но высокой; надъ тѣломъ покойника не насмѣхались, хоть предъ живымъ дрожали

Кармелюка похоронилк въ Летичевѣ за городскимъ кладбищемъ, безъ священника, безъ креста, безъ гроба.. За возомъ, въ которомъ лажало тѣло, шелъ карaулъ. Могилу выкопали арестанты. Легко догадаться, что плачущихъ на погребеніи не было.....

Галузинская коммисія, какъ я уже выше говорилъ, просуществовала до 1839 года. Переловили всѣхъ участниковъ нападенія на домъ Поплинской: жиды изъ Деражни сосланы въ Сибирь и не вернулись больше; Шайдюкъ также пошелъ за Уралъ. Видался онъ часто, пока не попалъ въ тюрьму, съ Андреемъ, alter ego атамана. И удивительная вещь! Разбойникъ, какъ узналъ Прокопъ отъ неразлучнаго товарища Кармелюка, предчувствовалъ печальный конецъ свой [1]).

— Какъ услышишь выстрѣлъ, говорилъ ему, уходи сейчасъ, а потомъ свисни. Если не отвѣчу, значитъ худо со мной.

Андрея не нашли,—переселился въ другія мѣста, перемѣнилъ имя.... Сомнѣваемся однако, чтобы онъ отрекся отъ разбойничьяго ремесла.

Уляна и Варвара остались на жительствѣ въ Карачинцахъ. Жизнь ихъ была какъ бы расплатой за прошлые грѣхи; общес-

---

[1]) На это предчувствіе указываетъ одинъ варіантъ народной пѣсни, вложенной въ уста Кармелюка:

Не боюся грому й тучи, но опричъ гарматы.
Забье жъ мене славный хлопець зъ веселои хаты.

тво отъ нихъ сторонилось, нищета, крайность, а можетъ быть и угрызенія совѣсти сократили ихъ жизнь.

Рудковскій, вызванный для объясненія дѣла въ Каменецъ, освобожденъ и оставилъ край. Невѣста его отдала руку другому.

Приходимъ къ концу. Со всевозможными подробностями, безъ всякаго предубѣжденія, описали мы жизнь подольскаго разбойника, сотканную изъ преступленій и злодѣяній. Если бы возможно было учесть убыль людей въ Подоліи вслѣдствіе разбоевъ Кармелюка, то мы пришли бы къ очень печальному выводу; мы убѣдились бы, что больше 20,000 человѣкъ, по милости его, было выслано или убѣжало изъ края. Матеріальныя потери, правда, не особенно значительны, но все же достигаютъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей... И вся ихъ тяжесть пала на бѣдныя сельскія общества, привиллегированныя же сословія потерпѣли относительно небольшіе убытки.

ЗАПИСКИ НОВО-ОСКОЛЬСКАГО ДВОРЯНИНА И. О. ОСТРОЖСКАГО-ЛОХВИЦКАГО

(съ добавленіемъ замѣтокъ сына его Петра Ивановича).

(1771—1846 г.).

(Продолженіе) [1])

Пріѣхавъ въ домъ и обрадовавъ свобожденіемъ плачущую всегда мать и жену, началъ помышлять, по рѣшеніи уголовною палатою дѣла, подать въ оставку и жить въ домѣ съ прежнимъ покоемъ. Но какъ таковыя дѣла идутъ всегда медленно, то и сіе протянулось немало и даже до половины декабря мѣсяца. Нападеніе-жъ происходило по зависти короченской нижней расправы отъ расправнаго судьи Петра Толмачева, жителя корочинской округи, села Мѣлового, близь Остабного села, которой, науча своего засѣдателя, однодворца Гаврила Толмачева, прислалъ въ Новой Осколъ уловить, если не въ дѣлѣ, то хотя въ словахъ, что ему въ простодушномъ человѣкѣ и удалось найти, да отъ двоюроднаго моего дяди Ефима Лазарева сына Лофицкого, тойже расправы секретаря, бывшаго почти неграмотнаго и не знающаго никакихъ гражданскихъ законовъ, за что онъ отъ многихъ былъ и посмѣваемъ даже до смерти своей, которая ему приключилась за уголовное дѣло отъ страху въ Курскѣ. Когда нечаянно сказали, что лишили его всѣхъ чиновъ, то вдругъ ударилъ параличъ и чрезъ три дни умре 1783 г. въ октябрѣ мѣсяцѣ. Вотъ мѣра, ею-жъ мѣрилъ ближнему своему напрасно.

Что-жъ! Не удоволствовался еще рокъ злой и не прекратились нападенія, посланныя за многія мои грѣхи и беззаконія, ибо

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“, февраль. кн. 1886 г., стр. 209—236.

въ 9 день сентября того-же 1781 года въ 10-мъ часу дня, въ небытность мою въ домѣ, послалъ Богъ пожнръ прежестокой въ слободу Слоновую, отъ котораго згорѣло сто тридцать обывательскихъ дворовъ, въ томъ числѣ и мой дворъ весь безъ остатку. Какое было тогда смятеніе и страхъ, когда увидѣлъ я издали поля горящую слободу! Подхватя емщицкую лошадь, которая была запряжена въ моей повозки, принужденъ былъ скакать верхомъ и безъ сѣдла до слободы. Тутъ увидѣла скотина огонь, остановилась и не стала далше итить, то принужденъ я былъ про-между огнемъ бѣжать мало не двѣ версты пѣшъ до двора своего, которой уже со всѣхъ сторонъ обошло огнемъ; и прибѣжавъ, кидался во всѣ стороны, но нѣсть силы отъ долгого бѣгу, нѣтъ и помогающего никого, ибо всякъ бросился къ своему жилищу. Да не можно было спасти ничего отъ великого жару, въ которомъ и стоять было опасно; отдался я на волю Владычню и вышедъ къ рѣкѣ Осколу съ матерью, женою и дѣтми, смотрѣлъ на ліющійся гнѣвъ Божій, по окончаніи которого ввечеру забралъ вынесенные пожитки и сложивъ въ новостроющейся тогда каменной церквѣ, жилъ цѣлыя сутки со всѣми своими домашними во оной, доволствуясь хлѣбомъ, бывшимъ въ моей путевой попаски, ибо какъ былъ я въ то время на межи слободы Коровиной, то для землемѣра и себя харчей было изготовлено доволно, однако послужили они не на то, а на другое нужное и пренужное время. Слава Богу за вся, низпосылаемая намъ для лутшаго познанія его владычества!

Принимая прежде странныхъ въ домъ свой, началъ странствовать самъ со всѣмъ своимъ семействомъ и, испросивъ позволенія, вселился на жительство въ домъ господина бригадира Тевяшова, стоящій близъ мелницъ ево въ слободѣ Слоновки, а потомъ началъ промышлять о построеніи своего дому, хотя и съ великимъ трудомъ и печалію. И купилъ перво избу въ слободе Александровки, а потомъ два покоя въ деревни Глазуновки въ маіорши Старовой за 40 р., протчую-жъ постройку вспомоганіемъ пріятелей изъ своего лѣса, состоящаго противу моего двора, прозываемого Лазкомъ, или Сотницкой Ярокъ; которую постройку окончивъ ноября въ 3 день, перейшолъ изъ Тевяшевского въ свой дворъ и началъ жить въ тѣснотѣ, нужды ради. И чуть толко пожилъ декабря до первого числа, то по рѣшеніи уголовною палатою дѣла, производимаго по

злому пронырству разсправнаго судьи Толмачева и дяди Ефима Лофицкого въ короченскомъ уѣздномъ судѣ, послѣдовалъ указъ отъ намѣстническаго правленія выслать мене въ Курскъ и содержать на хлѣбѣ и водѣ двѣ недѣли, куда и отправился 9-го декабря. А по приезде хотя ко многимъ господамъ ходилъ съ прозбою, однако успѣвалъ мало по незнаемости моей ими. А видя дѣло важно, всѣ отказывались, и такъ отправлено мене при указѣ въ городническое правленіе къ городничему бывшему въ то время маіору Тутолмину, гдѣ и посаженъ былъ; но, ходатайствомъ свояка своего, Ефима Васильева, къ вицъ-губернатору Авраму Ивановичу Анненкову, былъ на другой день свобожденъ на квартиру наемную въ Курскѣ-жъ съ приставомъ солдата, и хотя хлѣба и воды не ѣлъ, однако свободы чрезъ двѣ недѣли не имѣлъ выходить съ квартири, въ исполненіе соблюденія законнаго права. А какъ миновалъ двунедѣльный терминъ (въ которомъ и праздникъ Рожества Христова празновалъ въ горести), то, по опредѣтенію намѣстническаго правленія, оставленъ сверхъ желанія къ исправленію во ономъ дѣлъ, однако на 10 дней уволненъ былъ въ домъ для взятья нужнаго къ тамошнему житью. А какъ по возвращеніи вступилъ въ должность коллежскаго регистратора, то послѣдовала въ генварѣ мѣсяцѣ 1782 года перемѣна правителю намѣстничества Свистунову (кой также злился на мене по наущенію дяди Ефима Лофицкого), на мѣсто-жъ ево опредѣленъ правителемъ Афанасій Николаевичъ Зубовъ. Тотъ, по вступленіи въ должность, между протчими приказными служителми, началъ меня любить за порядочное исправленіе дѣлъ, повѣрялъ многія нужныя дѣла, а найпаче касающіяся до Сената и коллегій.

Сего году въ февралѣ мѣсяцѣ жена, жалѣя о разлукѣ моей съ дому, вздумала посѣтить меня, находящагося при дѣлахъ въ Курскѣ. И, приглася съ собою старшую свою сестру Парасковѣю, пріѣхала въ Курскъ 24-го числа, и толко что по свиданіи съ нею мало пошолъ въ назначенное время къ дѣламъ, то чрезъ три часа родила она на квартири дочъ Марію, кою по долгу христіянства на другой день окрестя, гуляли порядочно, ибо на то еще время прибылъ тесть и оба свояка, кои, прибавя еще нѣсколко къ тому и своихъ напитковъ и протчего, составили веселость не малую, потому найпаче, что узнали о моемъ свобожденіи отъ бѣды, нанесенной чрезъ дядю Лофицкого, и радуясь новорожденной. А какъ

мало свободилась жена отъ болѣзни, то и отправилась домой, хотя о разлукѣ и съ плачемъ, однако въ лутшей по бывшымъ бѣдамъ радости, кою я еженедѣлно по прозбѣ не преставалъ увѣдомлять писаниемъ о своей благополучной жизни, напротиву чего и отъ оной получалъ таковыя-жъ о состояніи дома и новыхъ перемѣнахъ, какъ-то: о взятіи усилно новосколскимъ въ то время бывшимъ казначеемъ, маіоромъ Иваномъ Шипулинымъ крѣпостныхъ людей и объ отдаче ихъ подъ крѣпкую стражу, называя своими бѣглыми крѣпостными, что подачею въ намѣстническое правленіе доношения и посылкою строгою по прозбѣ моей повелѣния было прекращено, и тѣ люди возвращены по прежнему въ домъ мой, ему-жъ велѣно было, если желаетъ просить судомъ по формѣ, что имъ послѣ и учинено было.

Потомъ правитель намѣстничества, узнавъ о бывшихъ нападе ніяхъ и нещастіи, а видя слѣдующую очередь къ повышенію чина, вздумалъ было опредѣлить мене въ курской нижней земской судъ секретаремъ. Но я, видя возглагаемыя таковыя-жъ, какъ въ Новомъ Осколѣ, узы дѣлъ, не пожелалъ, а мыслилъ просить отставки, дабы получить прежнюю свободу.

Но между тѣмъ, по прозбѣ у совѣтника Юрья Волкова, исходатайствовалъ себѣ уволненіе въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ домъ для поправленія экономіи срокомъ на два мѣсяца безъ вычета жалованья отъ выше сказанного правителя намѣстничества Зубова.

И какъ по истеченіи того срока прибылъ въ Курскъ къ прежней своей должности, то и исправлялъ оную по прежнему въ намѣстническомъ правленіи, пока по опредѣленію сената, прибылъ на мѣсто прежде бывшаго экономіи директора Чаплыгина полковникъ Захаръ Яковлевичъ Карнѣевъ, кой, узнавъ о бытіи моемъ при дѣлахъ въ Курскѣ, просилъ управителя намѣстничества Зубова о уволненіи меня къ дѣламъ, текущимъ по ево экспедиціи. Но правитель въ томъ ему по надобности себѣ отказалъ, а какъ я былъ очень полковнику Карнѣеву знакомъ по причинѣ совмѣстной въ Харковѣ науки, то онъ, Карнѣевъ, желая имѣть меня при себѣ, отважился трудить намѣстника бывшаго въ то время князя Александра Александровича Прозоровскаго, которой неумедля обо мнѣ предложилъ намѣстническому правленію, чтобъ меня уволить къ дѣламъ въ казенную палату по экспедиціи директора домоводства,

почему и уволненъ съ атестатомъ добрымъ, свидѣтелствующимъ о добропорядочной службѣ и въ дѣлахъ знаніемъ.

А когда-жъ приступилъ, по здачѣ въ намѣстничествѣ осми сотъ дѣлъ, къ дѣламъ казенной палаты, то тамъ встрѣтилъ другие трудности въ теченіи оныхъ. Однако съ помощію вѣрныхъ отъ директора наставленій успѣвалъ въ производствѣ оныхъ не худо, за что лутше отъ него сталъ быть и любимъ. Въ то время по именномъ повелѣніи намѣстнику послѣдовало повелѣние отъ намѣстника Прозоровского объ открытіи по всему намѣстничеству курскому однодворческихъ конторъ, служащихъ по ихъ произволенію для словесныхъ между собою разбирателствъ, кои и велѣно было директору экономіи Карнѣеву отъкрыть самолично во всѣхъ пятнадцати курскаго намѣстничества уѣздахъ. Какъ-же въ то время секретарь Куряновъ былъ подъ слѣдствіемъ въ уголовной палатѣ, то и слѣдовало быть при директорѣ для писмапроизводства мнѣ, къ чему и отправились мы съ Курска, въ 14-й день іюля, прежде чрезъ Обоянь въ бѣлгородской уѣздъ. Какая-жъ была ево ко мнѣ во время пути милость, будучи въ тринадцати уѣздахъ: бѣлгородскомъ, корочинскомъ, новооскольскомъ, старооскольскомъ, тимскомъ щигровскомъ, курскомъ, фатежскомъ, дмитриевскомъ, рыльскомъ, льговскомъ и путивлскомъ, во время открытия тѣхъ конторъ, читатель можетъ видѣть изъ копіевъ писанныхъ ко мнѣ отъ ево высокородія писемъ въ разныя времена по разныхъ случившихся въ то время дѣлахъ, кои здѣсь для любопытства полагаются.

Государь мой Иванъ Осиповичъ!

Опоздавши ночью я въ Медведевке, а завтре часу въ 5-мъ выѣду. Такъ пожалуйте вы, получа сіе, отправтесь въпередъ и въ Маячкахъ велите повару готовить обѣдъ, приказавъ сыскать куръ и протчего, чего надобно, выборному, а по пріѣзде я денги заплачу Оттуда-жъ отправте впередъ сержанта землемѣра съ испрошеніемъ мнѣ квартиры въ Бѣлгороде отъ г. коменданта Филипна Ивановича, а сами дождитесь въ Маячкахъ вашего покорного слугу Захара Карнѣева

P. S. Когда для мене лошади изготовлены въ Обояни, гдѣ не премѣнно и быть имъ надобно, то тамъ-же и почтовыхъ четыре для моихъ дѣлъ велите въ Обояни-жъ изготовить.

Въ Бѣлгородѣ мы для нѣкоторыхъ съверхъ открытия конторъ въ городѣ и по уѣзду дѣлъ пробыли три недѣли, во время которыхъ

Захаръ Яковлевичъ и я имѣли отлучки въ свои домы, а потомъ отправлялись въ корочанской уѣздъ. Тутъ началъ я ѣздить съ нимъ въ одной каретѣ (а прежде бралась особая для мене повозка). Отътоль пустились въ новоосколской и прибыли съ Корочи прямо въ Слоновую, гдѣ по обѣдѣ, открывъ контору, и ночевали въ моемъ ново-выстроенномъ после пожару домѣ. Отътоль отправясь и объѣхавъ всѣ новоосколскаго уѣзда города и селенiи, взяли путь къ Старому Осколу, и въ приличныхъ на то изготовленныхъ селенняхъ открывъ конторы, прибыли въ Старый Осколъ 27-го августа въ вечеру, гдѣ пробывъ 28 число, пустились по всему уѣзду для таковыхъ-же дѣлъ; и когда по знакомству прибывъ въ село Городище, то отъсель бралъ путь Захаръ Яковлевичъ въ Воронежъ для свидания съ своею сестрою, а я въ городъ Тимъ для изготовления нужныхъ въ то время для насъ дѣлъ, гдѣ получилъ писмо слѣдующаго содержания.

Братецъ Иванъ Осиповичъ!

Поелику я завтре буду въ Городищѣ, то и поспѣшите вы съ г. капитаномъ исправникомъ тимскимъ быть въ воскресенье въ Городищѣ къ обѣду съ тѣмъ, что послѣ обѣда въ воскресенье-жъ, успѣвши открыть одинъ по способности приказъ, можно было намъ отъправится и далѣе. Почитающiй васъ покорный слуга Захаръ Карнѣевъ.

P. S. Толко не промедлите и упредите исправника о изготовленiи о всюду потребнаго для приказу или конторъ.

Однако мы, по пріятельству и изстари знакомству порутчика Петра Ивановича Воейкова, пробыли тамъ три дни, а потомъ двинулись далше съ поспѣшенiемъ деннымъ и ночнымъ, пока, объѣхавъ уѣздъ, прибыли въ Тимъ, и тамъ отдохнувъ одни сутки, ретировались къ городу Щиграмъ, гдѣ, какъ и въ уѣздѣ, исполнивъ повелѣнное, прибыли въ Курскъ.

Тамъ, исправивши нѣкоторыя нужныя по палатѣ дѣла и изготовясь потребнымъ къ пути, взяли чрезъ двѣ недѣли путь по курскому и фатежскому уѣздамъ, наконецъ бывъ въ городѣ Фатежѣ, для нуждъ возвратились въ Курскъ, и пробывъ въ Фатежѣ дней съ пять, поѣхали прямо къ городу Дмитріеву, бывъ въ которомъ и ево уѣздѣ, по смежности заехали и во Лговъ съ ево-жъ уѣздомъ, а от-

толь обратно въ Дмитриевъ, и были для сватовства за Захара Яковлевича невести въ колежской ассесорши Нелидовой.

Однако тамъ по нашему хотѣнию не збылось, хотя въ томъ и не мало трудились съ надеждою и отъ невестиной стороны, ибо судба оную готовила въ жену генералу маіору Войну Васильевичу Нащокину, кой на ней и женился. Отътоль подвинулись чрезъ дворцевыя камарицкия волости въ городъ Рылскъ, а потомъ въ Путивль съ его уѣздомъ, изъ Путивля-жъ обратно въ Рылскъ, а съ Рылска Захаръ Яковлевичъ отправился прямо въ Курскъ, а мнѣ, поруча дѣла въ освидѣтельствованіи дворцовыхъ приказовъ, велѣлъ маршировать туда по сему приказу:

Полковника и экономіи директора регистратору Ивану Острожскому

Приказъ.

Съ полученіемъ сего ѣхать тебе рылской округи въ дворцовыя приказы соколовской и старшенской, и по данному отъ меня словесному наставленію, осмотреть ихъ положеніе и писменныя дѣла. Тако-жъ вѣдомства тѣхъ приказовъ жителямъ прочесть и истолковать селской порядокъ, какъ надлежитъ, а по исполненіи оного, отправясь чрезъ городъ Дмитріевъ, явится въ Курскъ, взымая отъ селенія до селенія по две обитателскихъ лошади съ проводникомъ. Чтожъ тобою изыскано будетъ въ помянутыхъ приказахъ, по приездѣ въ Курскъ подать мнѣ репортъ.

Въ подлинномъ тако: Захаръ Карнѣевъ.

Октября 24-го дня 1782 года. Г. Рылскъ.

Читатель за малое положеніе здѣсь таковыхъ повелѣній и прежде писанныхъ писемъ мене проститъ, зная, что у меня бумаги мало, да и писать ленивъ хорошо. Въ сей посылкѣ было не безъ трудности по причинѣ непостоянной тогда осени и пребезъмѣрно тьомныхъ ночей, не смотря на темноту коихъ нужно было поспѣшить (за заѣздомъ къ помянутой невестѣ) въ Курскъ. Куда пріѣхавъ и отдавъ вѣрной обо всемъ отъчоть, принужденъ былъ приниматся за другия, не помалу строгия, по рекрутскому набору дѣла. Но какъ молодымъ людямъ дѣла весма важныя кажутся не такъ опасны, то былъ я симъ весьма доволенъ и веселился. Но, о горе! не забылъ еще прежнихъ печалей, а уже другия постигнули, когда

получилъ въ 3-й день декабря 1782 года печальныя письма, увѣдомляющія о смерти матушки моей Варвары Яковлевой дочери Острожской, коя по многотрудной чрезъ три мѣсяца болѣзни въ 29 день ноября умре.

Однако, здѣлавъ оной должное поминовеніе, ходилъ къ дѣламъ рекрутскимъ по прежнему, кои покончилъ по 783 годъ благополучно. А генваря съ 1 числа 1783 года паки возложенъ былъ общей о всехъ доходахъ казенныхъ Сенату отчетъ, кой тако-жъ, хотя и по многихъ трудахъ, конченъ исправно съ похвалою отъ всѣхъ присудствующихъ палатныхъ.

По истеченіи сего времени приключилась мнѣ жестокая лихорадка, а потомъ зубная болѣзнь, о чемъ увѣдавъ жена моя пріѣхала въ Курскъ посѣтить больного, и проживъ болше мѣсяца, по выздоровленіи, уволенъ былъ въ домъ по ходатайству Захара Яковлевича на безъсрочной терминъ. А какъ прибылъ въ домъ, то, узнавъ, помянутой казначей подалъ въ новосколскомъ уѣздномъ судѣ отъ тѣхъ людей исковое челобитье, по коему непремѣнно должно было стать къ суду, где не малой опасности былъ подъверженъ таковой челобѣкъ, кой никогда судныхъ дѣлъ не видалъ; навѣту-же было весма доволно, ибо и тамошній уѣзднаго суда секретарь, Михайло Ивановичъ Поповъ, оставя прежнюю дружбу по наукѣ казначея, имѣлъ злобу и помогалъ съ ево стороны дѣлу весма довольно. Но я укрепленъ будучи терпѣніемъ, положа всю на Бога надежду, принялся за судныя рѣчи смѣло, и написавъ оныя, проговорилъ безъ ошибочно, ибо нужда есть призрядной во всемъ учигель.

Проговоря въ судѣ, въ мартѣ мѣсяцѣ отправился въ Курскъ, гдѣ по пріѣздѣ получилъ новую радость, ибо по представленію директора экономіи чрезъ палату въ Сенатъ, полученнымъ изъ оного указомъ, велѣно дать мнѣ чинъ коллежскаго регистратора. Тутъ, забывъ прежния печали, веселился зъ своими сотоварищами съ поздравлениемъ отъ многихъ не гомалу, а потомъ приступилъ къ дѣламъ порученнымъ, дѣлая многия и трудныя вѣдомости, и съ коихъ иныя были превелики, на подобие окружныхъ плановъ; а потомъ многия приготовленныя къ коренной ярмонки (ибо оная всегда въ вѣдомствѣ есть сей экспедиціи), туда отъправилъ въ маѣ мѣсяцѣ. До окончания оной былъ не въ легкихъ трудахъ, въ разсужденіи казеннаго сбора и силнаго множества народа съ разными товарами.

Все бо оное было поручено мнѣ, гдѣ и собралъ чрезъ свои труды болѣе шести тысячъ рублей, и здѣлавъ имъ вѣрной отъчетъ, получилъ квитанціи чистия. Потомъ (1783 г. въ іюлѣ мѣсяцѣ) возложена должность на директора о ново-выстроенныхъ въ Курскѣ училищахъ, гдѣ и я былъ употребляемъ въ разныя дѣла не однократно. Тутъ уже началъ я мыслить о прежней отъставкѣ, дабы могъ пользоватся всегда домашнимъ покоемъ, разсуждая то, что, получа чинъ, надобно промышлять о приведеніи въ прежнее состояше сгорѣвшаго своего дома. И такъ, съ Божиею помощію подалъ челобитную въ отставку, хотя и не вислужа въ томъ чинѣ года, и по многимъ отъ вицъ-губернатора Аврама Ивановича Анненкова уговариваннямъ остаться болше въ службѣ не похотѣлъ. Наконецъ съ даннымъ, за подписаниемъ всѣхъ палатныхъ чиновъ, атестатомъ октября въ 25 день уволенъ въ домъ свой, куда по пріѣзде началъ оной исправлять (по разореніи онаго огнемъ и другими нещастіями), сколко могъ.

Въ семъ мѣсте засталъ меня давно мнѣ желанный домашній покой, и такъ я веселился въ домѣ съ любезною своею женою и милыми детми. Намѣрение положилъ составить мою исторію, или сказать памятную сию книгу до 1784 года.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библіографія.

Библіографическій указатель матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Г. Шевченка.

26 февраля настоящаго года исполняется 25 лѣтъ со дня смерти знаменитаго украинскаго поэта Тараса Григорьевича Шевченка. Къ сожалѣнію, до настоящаго времени мы не имѣемъ вполнѣ обстоятельной его біографіи, достойной личности поэта и его многострадальной, полной драматизма, жизни. Въ интересной книгѣ М. К. Чалаго весьма значительный періодъ жизни поэта остается какъ-бы въ тѣни, и по необходимости приходится довольствоваться лишь немногими фактами изъ этого періода жизни поэта, случайно проскользнувшими въ печать. До сихъ поръ мы не имѣемъ полнаго изданія произведеній Шевченка, а слѣдовательно и такого критическаго разбора, который обнималъ-бы всѣ стороны и всѣ проявленія его могучаго таланта. Причины этого, конечно, не въ равнодушіи общества къ Шевченку; напротивъ того, многочисленныя изданія „Кобзаря“ и отдѣльныхъ произведеній Шевченка, расходящіяся въ громадномъ количествѣ экземпляровъ, ежегодныя поминки Шевченка въ „роковины“ его смерти, какъ у насъ, такъ и въ Галиціи, гдѣ эти поминки справляются особенно торжественно, наконецъ обширная литература о Шевченкѣ, возрастающая съ каждымъ годомъ, все это ясно доказываетъ, что общественныя симпатіи, окружавшія поэта въ послѣдніе годы его жизни, не только не ослабѣли, но укрѣпились и развились еще болѣе и слава его, какъ великаго народнаго поэта, вполнѣ признана не только у насъ, но и за предѣлами славянскаго міра. Весьма многое, что было причиною умолчанія о той или другой сторонѣ дѣятельности Шевченка и о цѣломъ періодѣ его жизни, кажется, давно уже отжило свое время. Думаемъ поэтому, что къ опубликованію документовъ, относящихся напримѣръ къ аресту Шевченка и къ его участію въ такъ называемомъ

кирилло-меѳодіевскомъ кружкѣ въ настоящее время не встрѣтится серьезныхъ препятствій, доказательство чему усматриваемъ въ появленіи въ печати за послѣднее время тѣхъ немногихъ извѣстій, которыя хотя въ нѣкоторой степени бросаютъ свѣтъ на это интересное и знаменательное въ жизни южно-русскаго общества явленіе; тѣмъ съ большимъ интересомъ можно ожидать появленія въ свѣтъ обширной автобіографіи Н. И. Костомарова, о которой имѣются печатныя заявленія его друзей и знакомыхъ, а также опубликованія относящихся къ этому дѣлу подлинныхъ документовъ, находящихся у частныхъ лицъ. Полагаемъ также, что и правдивое описаніе жизни поэта въ ссылкѣ, протекшей при господствѣ иныхъ порядковъ и понятій, давно уже отжившихъ, въ настоящее время возможно; и дѣйствительно въ послѣдніе годы появляются уже въ печати воспоминанія и извѣстія объ этомъ періодѣ жизни поэта. Наконецъ и нѣкоторыя изъ такъ называемыхъ не цензурныхъ произведеній Шевченка, касаясь все тѣхъ-же, отошедшихъ въ область исторіи, порядковъ могли-бы съ нѣкоторыми, болѣе или менѣе значительными, сокращеніями и необходимыми примѣчаніями появиться въ печати. Было-бы желательно также, чтобы издатели „Кобзаря“ 1883 г. исполнили свое обѣщаніе напечатать переписку Шевченка и его повѣсти, писанныя на великорусскомъ языкѣ, которыя, помимо художественнаго ихъ значенія, важны еще какъ матеріалъ для біографіи поэта и выясненія его міровоззрѣнія. Пока-же необходимъ возможно полный библіографическій сводъ всѣхъ печатныхъ матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Шевченка. Предлагаемый указатель первоначально помѣщенъ былъ мною въ общемъ указателѣ новой малорусской литературы, вышедшемъ въ Кіевѣ въ началѣ 1883 года; теперь-же онъ значительно пополненъ мною, какъ новыми матеріалами, опубликованными въ послѣдніе три года, такъ и прежде изданными, но въ то время пропущенными мною. При всемъ томъ составленный мною указатель далекъ отъ надлежащей полноты, такъ какъ, живя въ уѣздномъ городѣ, я не имѣлъ возможности пересмотрѣть нѣкоторыя періодическія изданія, а изъ библіографическихъ трудовъ пользовался только указателемъ по исторіи словесности за время съ 1855—1870 г., составленнымъ В. Межовымъ, и извѣстнымъ каталогомъ Базунова. Мнѣ остается только пожелать, чтобы другіе библіографы своими указаніями восполнили пробѣлы или исправили нѣкоторыя неточности, какія могутъ оказаться въ настоящемъ указателѣ. **М. Комаровъ.**

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

(род. 25 февраля 1814 г., † 26 февраля 1861 г.)

I. Собраніе сочиненій Т. Г. Шевченка на малорусскомъ языкѣ и отдѣльныя ихъ изданія.

1. *Кобзаръ Т. Шевченка.* С.-П.Б. 1840 г. Въ Типографіи Фишера. Изд. М-са П. (Въ изданіи этомъ помѣщено 8 піесъ: Катеринз, Утоплена. Причинна, Тарасова ничъ, Иванъ Пидкова и три думки).

2. *Катерина,* поэма Т. Шевченка. Спб. 1840 г.

3. *Гайдамаки,* поэма Т. Шевченка. Спб. 1841 г. въ типографіи Сычева, ц. 1 р. 25 к. Съ предисловіемъ и примѣчаніями.

4. *Гамалія,* поэма Т. Шеаченка. Спб. 1841 г.

5. *Чигиринскій кобзаръ и гайдамаки.* Т. Шевченка. Спб. 1844 г. ц. 1 р. 50 к. (Повтореніе перваго изданія Кобзаря съ прибавленіемъ піесъ: Гайдамаки и Гамзлія).

6. *Кобзаръ Т. Г. Шевченка.* Коштомъ П. Семеренка. Спб. 1860 г. 344 стр., 8 д., ц. 1 р. Въ типографіи П. Кулиша. Съ портретомъ автора. (Кромѣ напечатанныхъ прежде піесъ, въ этомъ изданіи помѣщены двѣ поэмы: Наймичка, напечатанная прежде во 2 т. Записокъ о Южной Руси—П. Кулиша, безъ подписи автора, въ 1857 г.; также Тополя, Псалмы Давидови и нѣсколько новыхъ думокъ).

7. *Катерина,* поэма Т. Шевченка. Спб. 1860 г. 26 ст., 16 д., ц. 10 к., въ друкарни П. Кулиша. 3000 экз.

8. *Наймичка,* поэма Т. Шевченка. Спб. 1860 г. 23 ст., 16 д., ц. 10 к., 3000 экз.

9. *Тополя,* поэма Т. Шевченка. Спб. 1860 г. 13 ст., ц. 3 к., 3000 экз.

10. *Тарасова ничъ,* Т. Шевченка. Спб. 1860 г. 9 ст., 16 д., ц. 3 к. 3000 экз.

11. *Гамалія,* Т. Шевченка. Спб. 1860 г. 12 ст., 16 д., ц. 6 к. 3000 эк.

12. *Псалмы Давидови,* Т. Шевченка. Спб. 1860 г. 17 ст., 16 д., ц. 7 к. 3000 эк.

13. *Гайдамаки,* поэма Т. Шевченка. Спб. 1861. 96 ст., 8 д., ц. 20 к., въ друкарни П. Кулиша. 3000 эк. (изданіе это безъ предисловія и примѣчаній).

14. *Иванъ Пидкова,* Т. Шевченка. Спб. 1861 г., ц. 3 к., 3000 эк.

15. *Букваръ Южнорускій.* Составилъ Т. Шевченко. Спб. 1861 г., ц. 3 коп., 10,000 экз.

16. *Перебендя,* Т. Шевченка. Спб. 1862 г. ц. 2 к. 3000 эк.

17. *Чигиринскій торбанистъ-пѣвецъ* (Кобзарь) Т. Шевченка. Съ переводомъ на великорус. языкъ О. А. Лепко. Изданіе Книгопродавца Лысенкова. Спб. 1867 г. ц. 1 р. (содержитъ то тоже, что помѣщено въ изданіи, указанномъ подъ № 5).

18. *Кобзаръ Т. Шевченка.* Коштомъ Кожанчикова. Спб. 1867 р. 677 стр., 8 д., ц. 1 р. 25 к. Съ портретомъ автора и автобіографіею. 3000 эк. Кромѣ прежде напечатанныхъ піесъ, въ этомъ изданіи помѣщены печатавшіяся въ жур. Основа поэмы: Невольникъ, Москалева Криниця, Неофиты, Петрусь, Княгиня, Черниця, Марьяна, комедія Назаръ Стодоля и нѣсколько новыхъ піесъ, всего въ этомъ изданіи помѣщено 184 піесы.

19. *Поэзіи Т. Г. Шевченка.* Коштомъ и заходомъ Сушкевича. Львівъ. 1869 р. Въ 4 частяхъ, съ портретомъ и біографіей (Кромѣ помѣщенныхъ въ изданіи Ко-

жанчикова содержитъ: Сонъ, Кавказъ, Холодный яръ, Великій лѣхъ, Суботовъ, Розрыта могила и др.).

20. *Катерина*, поэма Т. Шевченка. Кіевъ, 1875 р., ц. 10 к. 10,000 экз.

25. *Гайдамаки*, поэма Т. Шевченка. К. 1875 г., ц. 20 к., 5000 эк. Изданіе это безъ предисловія и примѣчаній.

26. *Наймичка*, поэма Т. Шевченка. К. 1875 р., ц. 5 к. 10,000 эк.

27. *Кобзарь Т. Шевченка.* Коштомъ и въ друкарни Д-ра Грегра. Прага, 1876 року. Т. 1-й. Съ додаткомъ споминокъ про Шевченка И. С. Тургенева и Я. Полонскаго. 419 стр., 8 д., ц. 2 р. 4000 экз. Съ портретомъ (содержитъ тоже, что въ изданіи Кожанчикова, кромѣ піесъ: до Основьяненка, Заповитъ, Видьма, Посланіе до мертвихъ и живихъ, Тарасова ничъ, Княгиня, Петрусь и Неофити; всѣхъ піесъ 160). Т. II-й, 276 ст., 8 д., ц. 2 р. 600 эк. Съ додаткомъ споминокъ Н. И. Костомарова и М. Микѣшина. (Въ этомъ томѣ помѣщены піесы, исключенныя изъ перваго тома и кромѣ того: Сонъ, Кавказъ, Великій лѣхъ, Розрыта могила, Суботивъ, Холодный яръ, Полуботокъ и нѣсколько другихъ, всего 77 піесъ).

28. *Сотникъ. Марина. Титаривна.* Т. Шевченка. Коштомъ Д-ра Грегра. Прага, 1876 р., ц. 3 к.

29. *Кобзарь Т. Шевченка.* Львивъ. 1878 р. Частина перша, ц. 25 к.

30. *Кобзарь Т. Шевченка.* Львивъ. 1880 р. Коштомъ товариства „Просвита“ цѣна 1 руб.

31. *Кобзарь Т. Шевченка.* Выданнія стереотипне. Ж. 1881 р., ч. 1, ц. 25 к.

32. *Катерина*, поэма Т. Шевченка. К. 1882 г., въ друкарни Корчакъ-Новицкаго, ц. 10 к., 35,000 экз. (При этомъ изданіи помѣщено также стихотвореніе Шевченка: Перебендя).

33. *Марія.* мати Ісусова. Поэма Т. Шевченка. Съ передмовою и увагами. Л. 1882 р. 66 ст., 32 д., ц. 20 к.

34. *Збирникъ творивъ Т. Г. Шевченка.* Т. 1-й. Кобзарь. Спб. 1883 р., въ друкарни Балашова. Съ портретомъ и автобіографіей. 6600 экз., въ томъ числѣ 4000 эк. на обыкновенной бумагѣ, 526 стр. 8 д., ц. 1 р. 25 к., 2000 эк. на веленевой и въ переплетѣ, 526 ст., 8 д., ц. 3 р. и 100 эк. на лучшей бумагѣ и въ роскошномъ переплетѣ, 560 стр., ц. 10 р. (Изданіе заключаетъ въ себѣ все то, что было напечатано въ изд. Кожанчикова и въ 1 т. пражскаго изданія, съ прибавленіемъ 8 піесъ; въ предисловіи обѣщанъ 2-й томъ, въ который должны войти повѣсти Шевченка на великорус. языкѣ, дневникъ и переписка, но до настоящаго времени 2-й т. не вышелъ).

35. *Кобзарь Т. Шевченка.* Для ужитку въ школахъ. Т. I. Коштомъ В. Нагирного. Львивъ. 1883 р. 96 ст., ц. 30 к., съ передмовою и примитками.

36. *Поэзіи Т. Шевченка.* Коштомъ редакціи „Зоря“. Львивъ. Ч. I. 1885 р., 110 стр. Ч. II 1885 р., 100 ст.

37. *Кобзарь Т. Шевченка.* Спб. 1884 р. въ друкарни Балашова. Съ портретомъ и автобіографіей. 2†111†236 ст., 8 д., 12,000 эк., въ томъ числѣ 8000 эк. на обыкновенной бумагѣ, ц. 75 к. и 4000 эк. на веленевой, ц. 1 р. 50 к. (Повтореніе С.-Петербургскаго изданія 1883 г., съ прибавленіемъ одной піесы; такимъ образомъ это самое полное изданіе малороссійскихъ произведеній Шевченка въ Россіи, дозволенныхъ цензурою).

38. *Наймичка*, поэма Т. Шевченка. К. 1885 г., изд. книгопродавца Наголкина. Ц. 5. 3000 экз.

39. *Гайдамаки*, поэма Т. Шевченка. Спб. 1886 г. Съ рисунками художника *Сластёна*. Къ малорусскому тексту присоединенъ переводъ поэмы на великорусскій языкъ *Н. Гербеля*. Роскошное изданіе съ 47 художественно выполненными рисунками. 3000 экз., ц. 5 р. 50 к. Съ предисловіемъ *Эварницкаго* и съ примѣчаніями.

II. Малорусскія произведенія Т. Шевченка, помѣщенныя въ сборникахъ и журналахъ.

1. *Ластивка*. Малорос. альманахъ, изд. Е. Гребинкою, Спб. 1841 г. (4 пьесы: I гл. поэмы Гайдамакъ, Причинна, На вичну память И. Котляревскому).

2. *Молодикъ*. Украинскій альманахъ на 1843 г. Изд. И. Бецкаго. Харьковъ. 1844 г. (3 пьесы: Н. Маркевичу, Тяжко важко и На що мини чорни брови).

3. *Записки о Южной Руси*. П. Кулиша. Спб. 1857 г., т. 2 (Поэма: Наймичка, безъ подписи автора, такъ какъ въ то время Шевченку еще не было разрѣшено писать).

4. *Народное чтеніе* 1859 г. № 5. (одно стихотвореніе).

5. *Хата*, Збирникъ. Выдавъ П. Кулишъ. Спб. 1860 г. Кобзарскій гостинецъ (10 піесъ).

6. *Основа*. 1861 года; кн. I. Чернець, кн. 3—Москалева Криниця, кн. 4—Невольникъ, кн. 9—Черниця Марьяна. 1862 г., кн. 4—Неофиты, кн. 7—Княгиня и Петрусь, кн. 10—Назаръ Стодоля. Въ остальныхъ книгахъ Основы печатались думы и мелкія лирическія піесы Шевченка.

7. *Всемірная Иллюстрація* 1861 г. № 177 (одно стихотвореніе).

8. *Правда*. Литературне наукове письмо. 1867 р. № 15, 17, 18, 20 и 26; 1873 р., стр. 509 и 512 (Частина поэмы „Иванъ Гусъ“) и 1876 р., № 4, стр. 125—127. Зъ неподрукованныхъ ще поэзій Т. Шевченка (3 піесы, изъ которыхъ собственно одна „Якъ-бы вы знали паничи“ принадлежитъ Шевченку).

9. *Христоматія Галахова*, т. 3.

10. *Русская Старина* 1880 г., кн. 3, въ ст. Костомарова (одно стихотвореніе).

11. *Луна*, украинскій альманахъ. К. 1881 р. (Хустина).

12. *Календарь товариства «Просвита»* на 1881 рікъ (Тополя).

III. Напечатанныя произведенія Т. Шевченка на великорусскомъ языкѣ.

1. *Никита Гайдай*, отрывокъ изъ драмы. Маякъ 1842—5.

2) *Безталанный*. Поэма. Макъ. 1844—14 и особо подъ заглавіемъ „Тризна“ Спб. 1844 г.

3. *Автобіографія*. Письмо къ редактору Народнаго Чтенія. Народ. Чтеніе 1860 г., № 5. Перепечатано въ собраніи его сочиненій, отд. I, № 18, 27, 34 и 37 и въ христоматіи Галахова.

4. *Дневникъ*. Съ 12 іюня 1857 г. по 13 іюня 1858 г. Основа 1861 г., кн. 5—12 и 1862 г, кн. 1—8.

5. *Несчастный*. Повѣсть. Историч. Вѣстникъ 1881 г.

6. *Изъ неизданной повѣсти Т. Шевченка*, съ предисловіемъ В. Г-ка. Трудъ 1881 г., № 122 и приложеніе № 16, 18 и 22.

8. *Музыкантъ*, повѣсть. Трудъ 1882 г. № 19, 20, 23. 27, 29, 32 и 38 и приложеніе № 19 и 20. Отдѣльно К. 1882 г., ц. 30 к.

9. *Княгиня*, повѣсть. Кіев. Старина 1884—3.

IV. Переписка Т. Г. Шевченка.

1. С.-*Петербургскія Вѣдомости* 1860 г., № 66.

2. *Основа* 1861 г. кн. 7 (листъ Основьяненка до Шевченка 1870 г.), кн. 10 (листы Шевченка до Я. Кухаренка, 5 писемъ 1854 и 1857 г. и до М. С. Щепкина, 4 письма 1857 и 1858 г.)

3. *Московскія Вѣдомости* 1862 г., № 45 (2 письма Шевченка къ Николаю Осиповичу О.—1857 г.).

4. *Основа 1862 г.* кн. 3 (Листы до М. М. Лазаревскаго, 17 писемъ 1856—1859 г.), кн. 4 (листы до А. Козачковскаго и Николаю Осиповичу О., шесть писемъ 1852, 1854 и 1857 г., изъ нихъ два перепечатаны изъ Москов. Вѣдомостей за тотъ же годъ, № 45 к.), кн. 5 (Листы до Гр. Тарновского, Сираковскаге, Невидомого, А. Маркевича и Кулиша, 11 писемъ 1842, 1857 и 1858 г.), кн. 7 (листы до С. Артемовского, 4 письма 1853 г.)

5. *Кіевлянинъ*, 1870 г. № 40—42 (10 писемъ М. С. Щепкина къ Шевченку).

6. *Русская Старина* 1875 г., кн. 5 (1 письмо Шевченка къ Костомарову 1847 г.); 1874 г. кн. 1 (письмо Квитки къ Шевченку) и 1883 г. кн. 9 (6 писемъ Шевченка къ О. Бодянскому, 1850 и 1852 г.).

7. *Правда* 1875 г. № 14, стр. 572 (Два листа Шевченка, 1 къ Костомарову перепечатанъ изъ Рус. Старины за тотъ же годъ кн. 5., а второй—до Марка Вовчка 1860 г.), № 23 и 24.

8. *Древняя и Новая Россія*, 1879 г., кн. 5 (Письма Квитки къ Шевченку).

9, *Свитъ*, 1882 г. № 16 и 17.

10. *Зоря* 1883 г., № 6 и 8. (Перепечатано изъ журнала „Кіевская Старина“ за тожъ же годъ).

11. *Кіевская Старина* 1883 г, кн. 1—4 (16 писемъ Шевченка къ Бр. Залескому и др. 1842, 1856, 1859 и 1860 г.) и 1885 г, кн. 2 (4 письма Шевченка къ Максимовичу).

12. *Зоря* 1885 г., № 37—Замѣтка Чалаго по поводу одного письма къ Щепкину,

V. Переводы произведеній Т. Шевченка.

На великорусскій языкъ.

1. *Кобзарь Т. Шевченка въ переводѣ русскихъ поэтовъ: Н. Гербеля, А. Майкова, Михайлова, Плещеева, Мея и* другихъ, подъ ред. Н. Гербеля (Катерина Тополь, Батрачка, Гайдамаки, Гамалія, Тарасова ночь, Перебендя и мелкія лирич. піесы), Спб. 1860 г., ц. 1 р. 25 к., 2 изд. Спб. 1869 г. и 3 изд. Спб. 1874 г., цѣна 1 руб. 25 к.

2. *В. Курочкина.* „Огни горять“, подъ загл. „Балъ“. Народное чтеніе 1860 года, № 6.

3. *Гайдамаки*, поэма Т. Шевченка въ переводѣ *Гайдебурова*, Современникъ 1861 г., т. 87, также *Н. Гербеля* въ поименованномъ выше изданіи, въ сборникѣ „Братская помощь пострадавшимъ въ Босніи и Герцоговинѣ“. Спб. 1875 г., въ собраніи его стихотвореній и въ иллюстрированномъ изданіи, см. отд. I, № 39 и *О. Лепко* въ изданіи указанномъ въ I отд., № 17.

4. *Тополь*, поэма Т. Шевченка, пер. *П. Вейнберга*. Библіот. для Чтенія 1860 г., сентябрь.

5. *Неофиты*, поэма Т. Шевченка. Переводъ *Н. Мизко*, газ. Донъ 1869 г., № 48 и 49.

6. *Переводы Изюева и Икорскаго* изъ Т. Шевченка. Донъ, 1870 г., № 3, 4 и № 17 и 1871 г., 61—63.

1. *Поэзія славянъ*, изд. *Н. Гербеля*. Спб. 1871 г. Переводы изъ Шевченка—Гербеля, Михайлова, Плещеева и др.

8. *Назаръ Стодоля*, комедія Т. Шевченка, въ переводѣ *Чмырева*. М. 1873 г и другой переводъ *Панкратова*, журн. Огонекъ 1860 г., № 48—51.

9. *Кобзарь Т. Шевченка*, въ переводѣ *Чмырева*. Изд. Мамонтова. Спб. 1872 года, ц. 1 руб. 50 к. (Поэмы: Княгиня, Невольникъ, Неофиты, Петрусь, Черниця Марьяна, Москалева Криниця и др).

10. *Батрачка*, поэма Шевченка въ переводѣ *Мея*. Спб. 1881 г. Изд. С.-Петербургскаго комитета граіотности. Съ рисунками, ц. 10 к.

11. *Родные отголоски*, изд. Вольфа. Спб. 1882 г. т. 2 (здѣсь помѣщены въ переводѣ поэма Наймичка съ рисунками Каразина и нѣсколько лирическ. піесъ Шевченка).

12. *Стихотворенія Н. Гербеля*. Спб. 1882 г. Переводъ Гайдамакъ и Катерины.

На польскій языкъ.

13. T. Szewczenko, przez L. *Sawinski*. Wilno. 1860 r.

14. *Hamalei*. Poemat. Napisał T. Szewczenko. Na polski język przeł. *A. Chojęski*. Kijow. 1861 r.

15. *A. Gorzałczyńskiego*—Przekłady pisarzow małoross. t. I. T. Szewczenko Kijow. 1862 r.

16. *Kobzarz* T. Szewczenki. Z małoross. spolezyl *W. Syrokomla*, Wilno. 1863 r.

17. *Najemnica*, przekład *L. Sowińskiego*. L. 1871 r. 40 st. i portret autora.

18. *Przekłady z małoruskiego*. Kobzarz Szewczenki. (Topol, Iwan Podkowa. Noc Tarasowa. Gamalei. Katarzyna. Naemnica. Perebendia. Dumki). Poezye Ludwika *Kondratowicza* (Syrokomli) T. X. Warszawa. 1872 r. st. 210—221).

19. *Gazeta Naddniestrzańska* (Дорогобицкая газета въ Галиціи) 1886 г., с 2 № пер. изъ Шевченка редактора *Солецкаго* (Soleckiego).

Чешскіе переводы.

20. Въ журналахъ „Obasech Zivota“ и „Kuětoch“ за 1866 г.

Сербскіе переводы.

21. Въ журналѣ С. Новаковича „Вила“ за 1868 г.

Болгарскіе переводы.

22) Въ книгѣ К. Жинзирова (Райко)—„Новоблъгарска сбирка“. Москва. 1863 г. и въ журналѣ „Свобода“, изд. подъ ред. Каравелова въ 1870 г.

Нѣмецкіе переводы.

23. Neue Gedichte von Puschkin und Schafftshenko, изд. *Gerhard'a.* Лейпцигъ 1859 г.

24. *Obrist.*—T. Schewczenko, ein kleinrussicher Dichter. Czernovitz. 1870 г.

VI. Рисунки къ произведеніямъ Т. Шевченка.

1. *Катерина,* рис. *П. Мартыновича.* Пчела 1877 г., № 4 и *Сластёна.*, Нива 1884 г., № 1.

2. *Наймичка,* рис. *И. Мартыновича.* Живопис. Обозрѣніе 1880 г., № 35 и *Каразина* въ изданіи, указанномъ въ отд. № 11.

3. *Гайдамаки,* 2 рис. *М. Зиновьева.* Нива 1881 г., № 40 и 1882 г., № 42 (У гаю и Гонта въ Умани) и *Сластёна* 47 рис. въ изданіи, указан. въ I отд. № 39.

4. *Назаръ Стодоля.* Огонекъ 1880 г., № 48—51.

5. *Утоплена,* рис. *М. Зиновьева.* Нива 1881 г., № 36.

6. *Причинна,* рис. *М. Зиновьева.* Нива 1882 г., № 3.

VII. Музыка къ произведеніямъ Шевченка и на память о немъ.

1. *Рубецъ А.*—Думы мои, думы мои. Спб. 1860 г.

2. *Сычевъ*—а) Не женися на богатий, б) Тяжко важко въ свити жити, в) Якъ маю я журитися. Спб. 1861 г.

3. *И. Безуглый.* Маршъ на смерть Т. Шевченка. Спб. 1861 г.

4. *В. Пащенко*—Польскій на смерть Т. Шевченка. Одесса 1861 г.; 2 изд. Спб. 1870 г.

5. *Лисенко* М.—Музыка до Кобзаря. К. 1871 року, ц. 1 р. 20. Серія перша: а) Ой одна я, б) Туманъ долиною, в) На городи коло броду, г) Садокъ вишневый, д) Ой чого ты почорнило, е) На що мини чорни брови, ж) Ой люли, люли, з) Якъ бы мини, мамо, на мисто, и) Надъ днипровою сагою и к) Сонце заходить—тріо.

6. *ЛисенкоМ.* Три пісни Шевченка: а) Полюбилася я, б) Утоптала стежечку и з) Закувала зозулечка. Спб. 1876 г.

8) *Вербицкій М.* Заповитъ. Якъ умру, то поховайте. Львивъ. 1877 р. Коштомъ редакціи „Газета школьна".

9. *Маркевичъ М. А.*—Сирота, Т. Шевченка (На що мини кари очи). К. 1880 г., изд. Корейво, ц. 45 к.

10. *Банковскій Д.*—Кари очи (На що мини кари очи). К. 1881 г. изд. Б. Корейво, ц. 30 к.

11. *Лисенко М.* Музыка до „Кобзаря". К. 1882 р. Серія друга: а) И багата я, б) Минають дни, в) Огни горять, г) Ой Днипре мій, Днипре. Спивъ Яремы зъ гайдамакивъ, д) Не женися на бягатій, е) Гетьманы, гетьманы. Свято въ Чигирини зъ поэмы „Гайдамаки", ж) Зацвило въ долини (для тенора и баса), з) Чи мы ще зійдемося знову (теноръ и баритонъ), и) Мини однаково и к) Бьють пороги (кантата).

12. *Лисенко М.* Музика до „Кобзаря". К. 1886 р. изд. Б. Корейво; 2 изд піесъ, указанныхъ въ этомъ отдѣлѣ подъ № 5 и 6. Ц. 2 р. Рецензія на это изданіе. Зоря 1886 г., № 9.

13. *Нищинскій* П. Вечерници, музыка къ пѣснямъ во 2-мъ дѣйствіи комедіи Т. Шевченка „Назаръ Стодоля". К. 1886 г., изд. Б. Корейво.

VIII. Передѣлки изъ Кобзаря Шевченка для сцены.

1. *Катерина Шевченкова.* Оперета въ 3 д. Гр. *Карпенкова.* Напечатана въ собраніи соч. Г. и С. Карпенковъ. Спб. 1860 г.

2. *Катерина*, драма въ 3 д. Зъ поемы Т. Шевченка переробивъ для галицкого театру Павло *Свій* (псевдонимъ). Львівъ. 1872 г.

3. *Невольникъ.* Драматични картини въ 4 діяхъ, перероблени зъ поэми Т. Шевченка *М. Л. Кропивницкимъ.* Помѣщены въ двухъ изданіяхъ сборника сочиненій Кропивницкаго. Кіевъ. 1883 р. и Харьковъ. 1885 р., ц. 1 руб. 50 к. О постановкѣ Невольника на сцену см. „Трудъ" 1882 г. № 15, „Заря" 1882 г. № 27, „Одесскій Вѣстникъ" 1884 г. № 3, „Воронежскій Телеграфъ" 1884 г. № 80 и др.

IX. Сводъ статей о Т. Г. Шевченкѣ и его произведеніяхъ.

1840 г.

1. *Корсаковъ П.* Маякъ, ч. 6.
2. *Сынъ Отечества*, т. 2, кн. 4.
3. *Отечественныя Записки*, № 5., т. 10.
4. *Библіотека для чтенія*, т. 39.

По поводу 1-го изданія „Кобзаря". Спб. 1840 г.

1842 г.

5. *Бѣлинскій В.* Отечествен. Зап., кн. 3.
6. *Тихорскій.* Маякъ, кн. 8.

По поводу поэмы „Гайдамаки". Спб. 1841 г.

1844 г.

7. *Тіунскій.* Москвитянинъ, ч. 3, № 6.
8. *Литературная газета*, № 19.

По поводу 1 изд. пьесы „Гамалія". Спб. 1844 г.

9. *Галка Іеремія* (Н. Костомаровъ). Обзоръ сочиненій на малорус. языкѣ. Сборникъ „Молодикъ" на 1843 г. Харьковъ. 1844 г.

1857 г.

10. *Кулишъ П.* Взглядъ на малороссійскую словесность. Русскій Вѣстникъ, кн. 12, декабрь.

1860 г.

11. *Мордовцевъ Д.* Русское слово, кн. 6. Кобзарь Т. Шевченка. Спб. 1860 г.
12. *М. П.* Русское Слово, кн. 4. Кобзарь Т. Шевченка. Спб. 1860 г.
13. *Добролюбовъ Н. Современникъ*, № 3.
14. *Свѣточъ*, № 3 и 8.
15. *Отечеств. Зап.*, т. 129, кн. 2.
16. *Иллюстрація*, № 107. Біографія.

Кобзарь Т. Шевченка.

17. *Кіевскій Телеграфъ*, № 45 и 74.
18. *Русскій Инвалидъ*, № 142 и 253.
19. *Библіотека для чтенія*, кн. 8.

Переписка о семействѣ Шевченка и объ освобожденіи его отъ крѣпостной зависимости.

1861 г.

20. *Жемчужниковъ Л.* Воспоминаніе о Шевченкѣ; его жизнь, смерть и погребеніе. Основа, кн. 3 (здѣсь помѣщены также надгробныя рѣчи и стихотворенія

на смерть Шевченка—*Н. Костомарова, П. Кулиша, В. Бѣлозерскаго, Хартахая, Курочкина, Хорошевскаго* и др.).

21. *Чужбинскій А.* Воспоминаніе о Шевченкѣ. Спб. 39 стр., ц. 60 к. (Первоначально помѣщено въ Русскомъ Словѣ, кн. 5).

22. *Бѣлозерскій В.* Значеніе Шевченка для Украйны. Проводы тѣла его изъ Петербурга. Основа, кн. 6 (здѣсь помѣщены также стихотворенія на смерть Шевченка—*А. Конисскаго, В. Кулика, М. Максимовича, А. Навроцкаго* и *А. Василенка* и рѣчи, говоренныя при отправленіи праха Шевченка въ Украйну—*М. И. Комарова, П. Кулиша* и др.).

23. *Костомаровъ Н.* Воспоминаніе о двухъ маляpахъ. Основа, кн. 6.

24. *Грцюрьевъ А.* Кобзарь Т. Шевченка. Спб. 1860 г. Время, кн. 4.

25. *Петраченко.* Исторія русской литературы. Варшава, Ц. 1 р. 50 к.

26. *Хуторянинъ.* Чогò стòить Шевченко, яко поэтъ народній? Основа, кн. 3, Статья эта издана и отдѣльно, подъ заглавіемъ: „Листи зъ хутора". Спб. 1861 р., листъ 3-й.

27. *Аскоченскій В.* И мои воспоминанія о Шевченкѣ. Домашняя Бесѣда, вып. 33.

28. *Н—евъ.* Нѣчто въ родѣ коментарій къ воспоминаніямъ Аскоченскаго о Шевченкѣ. Русскій Инвалидъ, № 268.

29. *Одеескій Вѣстникъ,* № 132. Воспоминаніе о Шевченкѣ.

30. *Панаевъ И.* Литературныя воспоминанія. Современникъ, кн. 1, 2, 9—11.

31. *Лазаревскій А.* Послѣдній день жизни Т. Шевченка. Сѣверная Пчела. № 48 и Чернигов. Губ. Вѣд., № 17.

32. *Библіотека для чтенія,* т. I, кн. II. Смерть Т. Шевченка.

33. *Вѣкъ,* № 10. О похоронахъ Т. Шевченка.

34. *Якушкинъ П.* Останки Шевченка въ Орлѣ. Сѣвер. Пчела, № 119.

35. *Чернышевъ Н.* Тѣло Шевченка въ Кіевѣ. Русскій Инвалидъ, № 107.

36. *Книжный Вѣстникъ,* № 14 и 15. Похороны Шевченка въ Каневѣ.

37. *Русскій Вѣстникъ.* Смерть Шевченка и газеты. С.-Петербургскія Вѣдомости, № 119.

38. *Л....въ Н.* Встрѣча и послѣдняя разлука съ Шевченко. Русская Рѣчь, № 19 и 20.

39. *Чалый М.* Рѣчь надъ гробомъ Т. Шевченка въ Кіевѣ. Кіевскій Телеграфъ, № 34 и Русскій Инвалидъ, № 114.

40. *Богомоловъ И.* На смерть Т. Шевченка (стихотв.). Сѣверная Пчела, № 54.

41. *Чужбинскій А.* Землякамъ. Надъ гробомъ Шевченка (стихотв.). Русское Слово, № 2.

42. *Л. П.* На виковичню памъять Т. Шевченка (стихотв.). Кіевскій Телеграфъ, № 21.

43. *Ремезовъ И.* Т. Шевченко. Біографія. Художественный листокъ, № 9.

44. *А—тыновъ.* Два слова о Т. Шевченко. Сѣв. Пчела, № 137.

45. *Дьяченко Н.* Т. Шевченко. Кіевскій Телеграфъ, № 33.

46. *Свѣточъ,* № 3 и 8. } Некрологи.
47. *Радуга,* № 4. }
48. *Вѣкъ,* № 9. }

49. *Прибавленіе къ Харьков. Губ. Вѣд.,* № 1. } Некрологи.
50. *Полтавскія Губ. Вѣд.,* № 12. }

51. *Рымовъ.* Два слова о литературныхъ вечерахъ въ Харьковѣ и одно о Т. Шевченко. Прибав. къ Харьк. Губ. Вѣд., № 39.

52. *Рымовъ, Митченко, Коблецъ* и *Эм-о-ве.* Полемика по поводу „Слова Рымова о Шевченкѣ". Прибав. къ Харьк. Губ. Вѣд., № 38, 53, 64, 65, 80, 88 и 92—94.

53. *Концертъ въ память Шевченка въ Кіевѣ.* Сѣверная Пчела, № 107.

54. *Побратимъ А.* Концертъ 27 апрѣля въ С.-Петербургѣ въ пользу родственниковъ Шевченка. Основа, кн. 6.

55. *Кулишъ П.* Концертъ въ память Т. Шевченка. Сѣверная Пчела, № 95.

56. *Лѣвенко-Моренко.* О концертѣ 27 апрѣля. Современная лѣтопись, № 18.

57. *Бѣлозерскій К.* По поводу концерта въ память Шевченка. Сѣверная Пчела, № 171.

58. *Мокрицкій.* Отвѣтъ на ст. Кулиша о концертѣ 27 апрѣля. Сѣверная Пчела, № 116.

59. *Sowiński L.* Taras Szewczenko. Wilno.

1862 г.

60. *Лазаревскій А.* Матеріалы для біографіи Т. Шевченка. 1. Дѣтство Т. Шевченка. Основа, кн. 3.

61. *Чалый Савва.* Новые матеріалы для біографіи Шевченка. Основа, кн. 5 и 6

62. *Основа*—4. Роковини по Шевченкови 26 лютого 1862 року въ Петербурси и Обѣдъ 5 марта 1862 г. въ годовщину смерти Шевченка въ Петербургѣ.

63. *О прозаическихъ сочиненіяхъ Шевченка на великорус. яз.* Извѣщені Основа, кн. 3.

64. *Sowiński.* Bibliloteka Warszawska, № 1 и 2.

1863 г.

65. *М—съ П.* Эпизоды изъ жизни Т. Шевченка. Вѣстн. юго-зап. и зап. Россіи, № 4 и 10.

95. *Лазаревскій А.* По поводу статьи О Шевченкѣ въ Вѣст. юго-зап. и зап. Россіи. С.-Петербургскія Вѣдомости, № 207.

67. *Воскресный Досугъ*, № 12. Біографія.

68. *Нестроевъ И.* Чтеніе для солдатъ, № 1 и Ставропольскія Губер. Вѣд. № 19. Біографія.

1864 г.

69. *Геннади Г.* Біографія Шевченка. Русскій Архивъ, стр. 1092 и д.

1865 г.

70. *Battaglia.* Taras Szewczenko, życie i pišma jego. Lw.

1866 г.

71. *Пяти роковини по Шевченкови у Видни.* В. 327. 16 д.

72. *Лобко П.* Шевченко, какъ другъ поляковъ. С.-Петербургскія Вѣдомости № 127 и 128.

1867 г.

73. *Александровъ Н.* Недомолвки о народномъ поэтѣ. Женскій Вѣстникъ, кн. 7 и 8.

74. *Прыжовъ И.* Голосъ, № 207.

75. *Иллюстрированная газета*, № 10.

По поводу новаго изданія „Кобзаря".

76. *Судебный Вѣстникъ*, № 269. Процессъ Лисенкова съ Кожанчиковымъ о правѣ на изданіе „Кобзаря".

77. *Taras Sewcenko*. Przyjaciel domowy, № 7. Lemberg.

1868 г.

78. *Згорський Е.* Неофити, поэма Т. Шевченка. Критично пояснивъ и оцінивъ Е. Згорській. Правда, рочникъ 11, числа 19—23.

79. *Русскій*, журналъ издаваемый Погодинымъ, № 127 и 135. Гоголь и Шевченко.

80. *Петербургскій Листокъ*. № 136 (въ ст. о литературной собственности).

81. *Curious ideas of the poet Taras Schevtchenko*. The aloska Herold March.

1869 г.

82. *Портретная галлерея русскихъ дѣятелей—А. Мюнцера*. Спб., т. 2. Біографія Шевченка съ портретомъ.

83. *Отечествен. Записки*, № 3, т. 183.

84. *Голосъ*, № 42.

85. *Сынъ Отечества*, № 67.

86. *Иллюстрированная газета*, № 13 и 23 (въ ст. Петербургскія Письма).

87, *Судебный Вѣстникъ*, № 50 и 51 (процессъ Лисенкова съ Кожанчиковымъ за право изданія „Кобзаря").

1870 г,

88. *Кіевлянинъ*, № 40, 41 и 43. Изъ записокъ украинца. Матеріалы для біографіи Щепкина. Переписка его съ Шевченкомъ.

89. *Obrist*. T. G. Schewczenko, ein kleinrussicher Dichter. Czernovitz (біографія съ разборомъ и образцами произведеній Шевченка въ нѣмецкомъ переводѣ).

1871 г.

90. *О. Партицькій*. Дитинный викъ Т. Шевчецка. Руска читанка. Львівъ, ч. II, стр. 151.

91. *Добролюбовъ Н.* „Кобзарь" Т. Шевченка. Спб. 1860 г. Сочиненія, т. 3. Первоначально въ Современникѣ 1860 г., № 3.

92. *Гербель Н.* Поэзія славянъ. Спб. Въ статьѣ *Н. Костомарова* „Малорусскіе поэты".

93. *Донъ*, № 61—63.

1872 г,

94. *Партицькій О.* Провидни ідеи въ письмахъ Т. Шевченка. Львівъ. В. 1., 56 ст., 8 д. Шевченко, яко поэть народній. Життя Шевченка. Вікъ дитинній. Вікъ молодецькій. Шевченко на воли и въ неволи. Послідни роки Шевченка и Украина. Шевченко противъ перевертнивъ. Шевченко о просвіти.

95. *Огоновський О.* Поглядъ на де-котори поэзіи Т. Шевченка. Правда, № 9, ст, 431 (до Основьяненка).

96. *Огоновський О.* Життя Т. Шевченка. Львівъ. Коштомъ товариства Просвіта. 10,000 экз., ц. 25 к.

97. *Межовъ.* Библіографическій указатель исторіи словесности. Спб. О Шевченкѣ, стр. 474—476.

98. *Vaclaw Dunder.* T. G. Sewczenko. Osveta, № 9 и 11 (чешскій журн.).

99. *Ukraino.* Il movimento litterario ruteno in Russie e Gallizia. Revista Europea, t. 1 и 2.

1873 г.

100. *Огоновській О.* Критично-естетичній поглядъ на де-котори поэзіи Т. Шевченка. Правда, № 1, стр. 20. До мертвихъ и живихъ землякивъ. № 4, 5 и 6, стр. 166, 197 и 227, Неофиты, и № 13, стр. 456, Тополя.

101. *Огоновській О.* Поглядъ на важнійши думки Т. Шевченка. Слово въ XII роковини Шевченка. Правда, № 3, стр. 114.

102. *Нове руско-народне товариство.* Сто душъ товариства имени Шевченка у Львови. Правда, № 21.

103. *Навроцькій В.* Извлеченіе изъ статьи, означенной выше подъ № 98 О Шевченкѣ. Правда, № 14, стр. 492 и д.

104. *Украинецъ.* Литература россійска, великоруська, украинська и галицька. Л. 1873 г. Ч. I, ст. 62 и ч. 2, ст. 76. О Шевченкѣ, Ч. II, ст. 8 и далѣе во многихъ мѣстахъ.

1874 г.

105. *Миллеръ О.* Т. Шевченко. Прибавленіе къ лекціямъ о новой русской литературѣ. Недѣля, № 37.

106. *Масловъ В.* Т. Шевченко. Біографическій очеркъ. Съ портретомъ Шевченка и рисункомъ отцовской хаты. Изданіе журн. Грамотей. Москва. 55 стр. ц. 30 коп.

107. *В. Острогорскій.* Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми. О Шевченкѣ. Педагогическій Листокъ. Приложеніе къ журналу Дѣтское Чтеніе, № 4.

108. *Вербицкій.* Могила Т. Шевченка. Съ рисункомъ. Нива, № 12.

109. *Перши збори товариства имени Шевченка у Львови.* Правда, № 8

110. *Kirkor A.* O literaturze pobratymczych narodów słowiańskich. Krakow. Literatura rusinska, 1—72 стр.

111. *Revue des deux Mondes.*

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

Д. И. Багалѣй.—Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины московскаго государства въ XVI—XVIII столѣтіи. Изданіе историко-филологическаго общества при императорскомъ харьковскомъ университетѣ. Харьковъ. 1886 г.

Странно, что не смотря на существованіе съ начала текущаго столѣтія университета въ Слободской Украйнѣ, мѣстная исторія этой страны принадлежитъ къ числу менѣе всего разработанныхъ отдѣловъ областной исторіи Россіи. Изъ сочиненій, упомянутыхъ въ библогра-і

фическомъ перечнѣ, составленномъ г. Багалѣемъ, одно только «Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи» пр. Филарета можетъ занять почетное мѣсто среди ученыхъ изслѣдованій, посвященныхъ областной мѣстной исторіи; затѣмъ вся историческая литература по данному вопросу сводится къ десятку статей, незначительныхъ какъ по объему, такъ и по выполненію. Все это брошюры болѣе или менѣе толково составленныя, но содержатъ лишь самый общій очеркъ исторической судьбы Слободской Украйны. Появлялись онѣ не часто, между выходомъ въ свѣтъ одной и другой проходило нерѣдко двадцать лѣтъ и, не смотря на эти значительные промежутки времени, матеріалъ историческій, которымъ былъ въ состояніи пользоваться каждый послѣдующій авторъ, почти не увеличивался въ объемѣ, сравнительно съ матеріаломъ, находившимся въ распоряженіи отдаленнаго его предшественника. Мы вынесли нѣкогда это впечатлѣніе послѣ прочета историческихъ очерковъ, составленныхъ Квиткою (1812), Срезневскимъ (1839) и Головинскимъ (1864). Иначе впрочемъ и быть не могло: при отсутствіи въ Харьковѣ археографической коммиссіи, историко-археологическаго общества или любого другого аналогичнаго учрежденія, не было кружка научныхъ дѣятелей, которые живо заинтересовались-бы мѣстнымъ археографическимъ матеріаломъ и приступили-бы къ его обнародованію и обработкѣ. Мѣстные архивы не служили источникомъ для историческихъ изслѣдованій, они были не разобраны и недоступны, поэтому отдѣльныя лица, желавшія посвятить труды свои мѣстной исторіи, должны были ограничиваться немногими данными, случайно и въ разрозненномъ видѣ попавшими въ общіе археографическіе сборники. Не мудрено, что при такой скудости источниковъ первой руки даже такіе ученые и талантливые писатели, какъ покойный И. И. Срезневскій, не могли выйти изъ размѣровъ брошюры и пойти дальше общаго очерка.

Г. Багалѣй, задавшись мыслію составить изслѣдованіе объ «исторіи степной окраины московскаго государства въ XVI—XVIII стол.» и ознакомившись какъ съ изданными матеріалами, такъ и съ трудами своихъ предшественниковъ, понялъ, что изслѣдованіе это онъ можетъ исполнить только въ такомъ случаѣ, если ему удастся собрать новый архивный матеріалъ и ознакомиться съ такими историческими памятниками, которые не только не были еще изданы, но и вовсе не приведены въ извѣстность. Трудность задачи не смутила его, въ теченіи 2 или 3 лѣтъ онъ сталъ набирать матеріалъ для своего сюжета какъ въ мѣстныхъ, такъ и въ столичныхъ архивахъ, и результатомъ его усилій явился почтенный сборникъ историческихъ документовъ, относящихся къ исторіи Слободской Украины съ конца XVI до половины XVIII

столѣтія. Значительную долю собраннаго матеріала онъ издалъ въ книгѣ, заглавіе которой мы выписали и которая напечатана, благодаря просвѣщенному содѣйствію, оказанному составителю харьковскимъ историко-филологическимъ обществомъ. Не сомнѣваемся, что само изслѣдованіе г. Багалѣя, о скоромъ появленіи котораго онъ заявилъ въ предисловіи къ изданнымъ актамъ, будетъ имѣть всѣ достоинства труда, построеннаго на нетронутомъ понынѣ матеріалѣ первой руки; предварительный трудъ, который мы имѣемъ передъ собою, даетъ намъ въ этомъ отношеніи полное ручательство.

Сборникъ г. Багалѣя заключаетъ 89 документовъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ (съ 1584 по 1767 годъ); изъ нихъ только 2 относятся къ XVI столѣтію, 45 къ XVII и 42 къ XVIII; извлечены эти документы по преимуществу изъ московскаго архива министерства юстиціи, многіе изъ мѣстныхъ харьковскихъ архивовъ, нѣкоторые сообщены издателю частными лицами изъ фамильныхъ архивовъ и личныхъ коллекцій.

По содержанію изданные документы относятся къ исторіи колонизаціи Слободской Украйны, къ исторіи въ ней землевладѣнія, къ исторіи областнаго управленія и къ опредѣленію сословныхъ группъ, на которыя распадалось народонаселеніе этой области.—Значительное большинство актовъ относится къ исторіи заселенія края, сюжетъ, на которомъ, совершенно естественно, составитель сосредоточилъ главнымъ образомъ свое вниманіе. Въ этой категоріи документовъ особенно важны описанія новопостроенныхъ или строившихся слободскихъ городковъ и статистическіе перечни селившагося въ нихъ народонаселенія; нѣкоторые изъ нихъ даютъ намъ возможность не только прослѣдить постепенный ростъ народонаселенія въ Слободской Украинѣ, но также сообщаютъ данныя относительно передвиженія этого народонаселенія. Такъ напримѣръ въ описаніи «новостроеннаго» города Суджи 1665 года (№ XXI) перечислены всѣ, поселившіеся въ немъ, «черкассы: служилые козаки, мѣщане и пашенные мужики», при чемъ указаны мѣстности, изъ которыхъ они выселились въ новопостроенный городъ. Такой-же характеръ носитъ описаніе Терновской волости путивльскаго уѣзда (№ XXV), составленное въ 1678 году, и т. п. Разсматривая эти статистическіе перечни, мы видимъ, что главный контингентъ для заселенія волостей и городовъ Слободской Украйны давала та полоса малороссійской гетманщины, которая лежала на лѣвой сторонѣ Днѣпра; очевидно, что военныя смуты, происходившія въ этой области вслѣдствіе борьбы различныхъ претендентовъ за гетманскую власть, сопровождавшее ихъ разореніе края татарами и ратными людьми

и захватъ «займанщинъ» первыми прибывшими поселенцами, не оставившій свободныхъ замель для новыхъ пришельцевъ, заставляли значительную долю народонаселенія искать болѣе спокойнаго и удобнаго пріюта за предѣлами гетманщины. Фактъ этотъ подтверждается неоспоримо цыфрами. Такъ изъ 700 «черкассъ», поселившихся въ Суджѣ, 556 пришли изъ гетманщины, т. е. изъ нынѣшнихъ черниговской и полтавской губерній (въ томъ числѣ 124 изъ Прилукъ, 74 изъ Нѣжина, 74 изъ Ични, 41 изъ Конотопа и т. д.), 80 человѣкъ изъ праваго берега Днѣпра (43 изъ кіевской области, 25 изъ волынской, 10 изъ подольской, 2 изъ Червоной Руси) и только 13 человѣкъ изъ разныхъ мѣстъ Бѣлой Руси. О родинѣ остальныхъ 51 переселенцевъ или нѣтъ точныхъ указаній, или показано, что они переселились изъ другихъ слободско-украинскихъ городовъ на новое мѣсто жительства.

Въ числѣ документовъ, относящихся къ исторіи заселенія края, четыре (№ III—VI) представляютъ интересныя историческія данныя, дополняющія наши свѣдѣнія о козацкомъ гетманѣ Остряницѣ. Послѣ бѣгства изъ осажденнаго поляками на Старицѣ козацкаго лагеря, Яцко Остряницъ съ довольно численнымъ отрядомъ удалился за рубежъ Рѣчи Посполитой (1639) и обратился къ московскому государству съ просьбою указать ему мѣсто для поселенія. Послѣдовалъ государевъ указъ объ оказаніи пособія переселенцамъ и объ отводѣ имъ земель для поселенія у Чугуева городища; такимъ образомъ возникъ нынѣшній городъ Чугуевъ. Изъ отчета о распредѣленіи земель мы узнаемъ, что съ гетманомъ пришло на новое мѣсто жительства болѣе 1000 человѣкъ козаковъ (въ томъ числѣ: войсковой асаулъ, 10 сотниковъ и 2 священника), земля была отведена пришельцамъ подушно: гетманъ получилъ 120 четей, сотники по 35, пятидесятники и священники по 30 ч. и рядовые козаки по 20 ч. Впрочемъ поселенцы не сразу обжились въ новыхъ условіяхъ быта, между ними и гетманомъ возникли пререканія и два года спустя послѣ прихода, поселенцы разбѣжались и многіе ушли обратно въ «Литву»; оставшіеся домы ихъ и постройки были впослѣдствіи отданы новымъ черкаскимъ переселенцамъ.

Поселившіеся въ Слободской Украйнѣ черкассы, благодаря пожалованнымъ имъ во владѣніе землямъ и оставленной казацкимъ поселеніямъ широкой автономіи, стали быстро усиливать свое благосостояніе; изъ перечня убытковъ, причиненныхъ имъ татарскими набѣгами, мы узнаемъ, что они владѣли благоустроеннымъ хозяйствомъ, численными стадами и т. п. (№ XXVII). Не ограничиваясь впрочемъ разными отраслями сельскаго хозяйства, они занимались и другими промыслами, источники которыхъ открыли въ новозаселенномъ краѣ: такъ въ сумскомъ

уѣздѣ они воспользовались присутствіемъ лѣсовъ, покрывавшихъ берега Псла и его притоковъ, и стали брать «въ съѣзжей избѣ» свидѣтельства на право выгонки дегтю, который и производили въ значительномъ количествѣ (№ VIII). Изъ отписки бѣлгородскаго воеводы кн. Григорія Ромодановскаго мы узнаемъ, что черкашенинъ Мишка Прунинъ открылъ залежи желѣзной руды на рѣкѣ Боровлѣ и обратилъ вниманіе воеводы на свое открытіе; послѣдній устроилъ желѣзно-плавильный заводъ, подъ руководствомъ опытнаго техника, «мастера тульскаго рейтарскаго строю, дѣдиловца Павки Пятигорца» и приказалъ «изъ той руды желѣзо дѣлать, потому что къ обозному строю и на всякіе расходы желѣза надобно много» (№ XVI). Удовлетворяя одной изъ первыхъ потребностей жизни, поселенцы стали заниматься выпариваніемъ соли на Торскихъ соляныхъ озерахъ (городъ Торъ—нынѣшній Славянскъ). Промыселъ этотъ получилъ значительное развитіе и сдѣлался въ послѣдствіи обильнымъ источникомъ государственнаго дохода, благодаря обширнымъ солеваренымъ заводамъ, устроеннымъ воеводами; многочисленные валки чумаковъ развозили отсюда соль на значительное пространство до Днѣпра и за Днѣпръ (№ XX и XXXIII). Развитіе этого промысла весьма естественно вытекало изъ экономическихъ условій края; доступъ къ черноморскимъ лиманамъ былъ затрудненъ татарскими кочевьями, расположившимися вдоль морскихъ береговъ; жители всей Малороссіи въ XVII и XVIII ст. добывали соль по преимуществу изъ варницъ, устроенныхъ въ Карпатахъ въ окрестности г. Коломыи, но транспортъ этого необходимаго продукта былъ труденъ и дорогъ и потому не удивительно, что поелѣ открытія солеварныхъ заводовъ на Торскихъ озерахъ, соль, добываемая на нихъ, вытѣснила коломыйскую на рынкахъ гетманщины и могла конкуррировать съ нею удачно и на рынкахъ праваго берега Днѣпра.

Черкассы переселенцы, явившись въ началѣ второй трети XVII в. въ Слободскую Украину, застали тамъ же народонаселеніе, пришедшее раньше ихъ. Правда, это населеніе было весьма малочисленно: оно состояло изъ ратныхъ людей различныхъ наименованій, которые выселены были изъ средней Россіи для охраненія южныхъ предѣловъ государства. Въ многочисленныхъ спискахъ народонаселенія новопостроенныхъ городовъ и новопоселенныхъ слободъ и станицъ, мы, на ряду съ черкасами, встрѣчаемъ нѣкоторое количество стрѣльцевъ, пушкарей, станичниковъ, боярскихъ дѣтей и т. п. Конечно, новые пришельцы уживались удобно съ болѣе ранними насельниками страны и совмѣстно «чинили военный промыселъ надъ татарами»; единственное исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ боярскіе дѣти, вслѣдствіе присущаго этому сословію

взгляда на поземельную собственность, несогласнаго со взглядами и интересами черкассъ. Боярскіе дѣти стремятся основать въ Слободской Украйанѣ крупное землевладѣніе, между тѣмъ какъ черкассы представляютъ интересы мелкаго и средняго землевладѣнія. Приведемъ изъ разсматриваемыхъ актовъ болѣе характерный примѣръ столкновенія этихъ двухъ различныхъ взглядовъ (№ XXVIII): боярскіе дѣти были поселены въ 1651 г. въ городѣ Каменомъ и въ пользованіе имъ отдана была воеводою Арсеньевымъ обширная полоса земли; въ 1658 году въ 20 верстахъ отъ Каменаго построенъ былъ новый городъ Лебединъ, и воеводы Григорій Ромодановскій и Кирило Митковъ призвали для заселенія этого города черкасъ, которымъ указали межи «огородовъ, пашенныхъ земель и сѣнныхъ покосовъ», которые назначились имъ «на вѣчное житье». Черкасы поселились на отведенныхъ имъ земляхъ и кромѣ Лебедина основали еще три слободы: Пристайлову, Черленый и Азакъ. Въ теченіи 20 лѣтъ лебединцы и жители слободъ (всего 2,627 дворовъ) пользовались безспорно землями и жили въ довольствѣ, не ожидая ни откуда бѣды, какъ вдругъ она неожиданно разразилась. Каменскіе боярскіе дѣти: Никита Мочулинъ и Савва Подымовъ съ товарищами вчали искъ въ 1678 году, доказывая, что земли, которыми пользовались лебединцы и жители слободъ, принадлежатъ имъ по отводу воеводскому 1651 года. Началась продолжительная тяжба: путивльскіе воеводы кн. Иванъ Большой-Бѣлосельскій и Федоръ Хрущевъ приняли сторону боярскихъ дѣтей; первый изъ нихъ, пріѣхавъ въ Лебединъ, вызвалъ къ себѣ священниковъ и именитыхъ людей изъ слободъ и сталъ съ пристрастіемъ и подъ угрозою грабежа имущества требовать, что-бы они «написали сказку и приложили руки» о томъ, будто черкасы «пришли въ тѣ села къ каменовцамъ въ крестьянство». Затѣмъ, встрѣтивъ сопротивленіе со стороны населенія, онъ произвелъ строгую экзекуцію: многихъ слобожанъ били кнутомъ, другимъ рѣзали хохлы, иныхъ грабили. Приказный Микита Лихининъ выгналъ всѣхъ жителей изъ Пристайловой, а боярскіе дѣти—Григорій Мочулинъ съ товарищи сожгли 42 двора и двѣ винницы. Затѣмъ воевода Федоръ Хрущевъ запретилъ черкасамъ впредь до окончательнаго рѣшенія дѣла пользоваться спорными землями, въ наказаніе-же за то, что они пахали замлю съ «самовольствомъ», созрѣвшая уже на поляхъ жатва была отдана каменовцамъ. На этомъ эпизодѣ борьбы прерывается дѣло и мы не знаемъ, въ чемъ состояло окончательное его рѣшеніе, но во всякомъ случаѣ оно служитъ рѣзкимъ примѣромъ въ новозаселяемомъ краѣ борьбы принципа крупной поземельной собственности съ мелкимъ землевладѣніемъ.

Этими немногими примѣрами мы ограничимъ указанія на содержаніе сборника «матеріаловъ для исторіи колонизаціи и быта степной окраины». Конечно, мы далеко не исчерпали богатаго содержанія этого сборника и только представили нѣсколько чертъ изъ исторіи быта Слободской Украйны въ XVII столѣтіи; при внимательномъ пересмотрѣ документовъ, черты эти выясняются въ огромномъ количествѣ и совокупность ихъ даетъ довольно полную историческую картину внутренней жизни одной изъ русскихъ окраинъ. Весьма важенъ въ сборникѣ, помѣщенный въ немъ въ значительномъ количествѣ, историко-статистическій матеріалъ, на основаніи котораго мы можемъ историческіе выводы о бытѣ страны основывать на подробныхъ данныхъ и цыфрахъ, исключивъ вовсе гадательный элементъ; этотъ историко-статистическій матеріалъ мы встрѣчаемъ и въ описаніи городовъ и волостей и въ видѣ переписей казацкихъ полковъ (1722 и 1732 годовъ) и, наконецъ, въ поименномъ «спискѣ дворянъ» харьковской, изюмской, ахтырской, сумской и острогожской провинцій, составленномъ въ 1767 году. Въ послѣднемъ документѣ мы можемъ наблюдать процессъ образованія мѣстнаго дворянства въ новозаселенномъ краѣ изъ потомковъ служилыхъ людей, военныхъ и гражданскихъ чиновъ, козацкихъ старшинъ и боярскихъ дѣтей.

Вообще, разсмотрѣвъ сборникъ, изданный г. Багалѣемъ, мы должны оризнать, что онъ привнесъ значительный запасъ новаг серьезнаго историческаго матеріала и въ правѣ ожидать съ живым интересомъ сочиненія, которое будетъ представлять обработку это матеріала, тѣмъ полѣе, что, по словамъ составителя сборника, онъ не имѣлъ возможности, не смотря на компактность своего изданія, помѣстить въ немъ всѣ имѣющіеся у него документы, которыми онъ однако намѣренъ воспользоваться при составленіи своего изслѣдованія.

В. А.

О. В. Щербицкій. Виленскій Свято-Троицкій монастырь. Вильна. 1886 г.

Значеніе монастырей въ средневѣковую эпоху, и въ западной Европѣ, и у насъ въ Россіи, какъ центровъ умственной и религіозной жизни окружающаго ихъ населенія, дѣлаетъ желательной и необходимой разработку ихъ исторіи, такъ какъ она давала-бы намъ наглядное представленіе о тѣхъ высшихъ духовныхъ интересахъ, какими жили въ данную пору обитатели той или другой мѣстности.

Исторія русскихъ монастырей разнообразится у насъ до чрезвычайности обстоятельствами мѣста, времени и цѣли, преслѣдуемой ими: если вообще на сѣверо-востокѣ Россіи иночество ставило своей задачей распространеніе христіанства среди инородцевъ и позднѣе борьбу съ расколомъ, то на сѣверо и юго-западѣ ему пришлось бороться за неприкосновенность, независимость и существованіе православія, и эта борьба составляетъ преобладающій характеръ въ его жизни и по временамъ полна тяжкихъ страданій и крови.

Такой-же характеръ отличаетъ и минувшую судьбу одного изъ древнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ монастырей г. Вильны, свято-троицкаго, которую живо и обстоятельно излагаетъ г. Щербицкій въ названной нами книгѣ. Монастырь этотъ былъ основанъ въ концѣ XIV вѣка при участіи жены великаго князя Ольгерда, тверской княжны Іуліаніи, на мѣстѣ страданія первыхъ христіанскихъ мучениковъ въ Вильнѣ, и скоро сталъ центромъ, около котораго собирались борцы за свободу православной вѣры. Мы не будемъ слѣдовать за авторомъ въ изложеніи имъ подробностей совершавшихся перемѣнъ во внѣшней судьбѣ этого учрежденія, въ положеніи храма и другихъ его зданій; обратимъ лишь вниманіе на главнѣйшіе факты во внутренней жизни монастыря, который, благодаря своему первенствующему положенію, былъ избранъ мѣстопребываніемъ кіевскихъ митрополитовъ, переселившихся въ Вильну около половины XVI ст. Обнаружившіяся въ ту пору гибельныя послѣдствія люблинской уніи и вліянія латино-польской жизни въ средѣ какъ высшаго литовско-русскаго дворянства, такъ и высшей православной іерархіи, вызвали борьбу съ ними въ среднемъи низшемъ слояхъ русскаго народа, обнаружившуюся въ учрежденіи такъ называемыхъ церковныхъ братствъ. Одно изъ нихъ возникло и при свято-троицкомъ монастырѣ; въ составъ его входили преимущественно виленскіе мѣщане, одушевленные ревностью по вѣрѣ и самоотверженно ведшіе сначала борьбу со своими архипастырями, а потомъ и съ врагами православія—уніатами. Послѣднимъ только въ 1609 году удалось окончательно захватить въ свои руки свято-троицкій монастырь и братство должно было сплотиться около основанной имъ-же свято-духовской церкви. Послѣдовавшій затѣмъ захватъ уніатами всѣхъ виленскихъ церквей составляетъ важный моментъ въ жизни виленскаго православнаго населенія и онъ особенно подробно и обстоятельно разработанъ въ названномъ трудѣ. Авторъ онаго разсматри-

ваетъ при этомъ какъ мѣры главныхъ дѣятелей уніи Ипатія Потѣя, Іосафата Кунцевича, Веніамина Рутскаго и др., направленныя къ болѣе быстрому переходу въ ихъ управленіе православныхъ виленскихъ монастырей и церквей, такъ и заботы ихъ объ укрѣпленіи за болѣе извѣстными и вліятельными монастырями богатыхъ ихъ имѣній и обращеніи ихъ дѣятельности на разширеніе уніи и во вредъ православія. Въ числѣ послѣднихъ мѣръ достойно особаго вниманія учрежденіе уніатскимъ митрополитомъ Веніаминомъ Рутскимъ при свято-троицкомъ монастырѣ новиціата и богословской школы, въ видахъ подготовки ловкихъ и искусныхъ пропагаторовъ уніатскаго ученія. Къ послѣдней, въ 1773 году, по закрытіи ордена іезуитовъ, былъ присоединенъ существовавшій издавна въ Вильнѣ папскій алюмнатъ и уніатское учрежденіе слилось съ чисто-католическимъ. Послѣ присоединенія сѣверно-западнаго края къ Россіи, уніатское монашество, привыкшее къ польскому строю жизни и усвоившее себѣ обычаи римской церкви, тяготилось русскимъ владычествомъ и нерѣдко оказывало противодѣйствіе мѣрамъ правительства. По возсоединеніи съ православіемъ троицкій монастырь снова былъ назначенъ мѣстопребываніемъ мѣстнаго іерарха—литовскаго архіепископа; сюда-же переведена была потомъ изъ Жировицъ и духовная семинарія.

По связи предметовъ, Щербицкій, излагая исторію свято-троицкаго виленскаго монастыря, касается и судьбы бывшаго при немъ женскаго монастыря, существованіе коего связано съ православнымъ нѣкогда родомъ Сапѣгъ, а также трокской архимандріи, основанной Витовтомъ въ 1384 году; оба эти монастыря подчинялись свято-троицкому и испытали общую съ нимъ судьбу. Въ заключеніе авторъ предлагаетъ документальныя данныя о монастырскихъ имѣніяхъ, домахъ и пустопорожнихъ земляхъ и приводитъ списокъ настоятелей монастыря, сообщая о каждомъ біографическія свѣдѣнія. Представленное въ концѣ извлеченіе изъ ревизіи монастыря, произведенной въ 1836 году, предъ переходомъ его въ православіе, рисуетъ печальные монастырскіе порядки, въ отношеніи нравственномъ и экономическомъ.

Такова въ изложеніи г. Щербицкаго долгая исторія одного изъ знаменитѣйшихъ виленскихъ и вообще западно-русскихъ монастырей, просуществовшаго почти пять вѣковъ. Исторія эта была-бы полнѣе и болѣе удовлетворяла-бы своему назначенію, если-бы авторъ по возможности равномѣрно разработалъ всѣ періоды жизни монастыря, но

въ его почтенномъ трудѣ конецъ XVI и начало XVII вѣка изобилуетъ подробностями въ ущербъ періодамъ предшествующаго и послѣдующаго времени, что конечно надо объяснять прежде всего неравномѣрнымъ количествомъ матеріала, относящагося къ тому или другому времени. Кажется намъ также, что авторъ недостаточно удѣлилъ вниманія просвѣтительной дѣятельности монастыря и бывшаго при немъ братства, сообщая лишь крайне скудныя свѣдѣнія о работахъ въ типографіи и занятіяхъ въ монастырскихъ школахъ. Къ числу пробѣловъ надо отнести и общій у насъ въ подобныхъ работахъ недостатокъ раскрытія жизненной связи монастырей съ народомъ и удовлетворенія ими религіознымъ потребностямъ мірянъ; въ особенности интересно было-бы знать, какъ слагались взаимныя отношенія монашествующаго духовенства и мірянъ въ періодъ борьбы двухъ исповѣданій, при переходѣ напр. монастыря въ унію и возвратѣ его въ православіе, какъ помогало монашество населенію въ томъ или другомъ случаѣ усвоивать новый порядокъ вещей, какія употреблялись для этого мѣры и кто были тѣ энергическіе дѣятели, усиліями которыхъ достигались цѣли правительства польскаго или русскаго. Словомъ въ этой неустанной борьбѣ, въ этомъ постоянномъ взаимодѣйствіи пастырей и паствы заключается весь интересъ монастырской исторіи и важное значеніе самаго монастыря. За время конца XVI и начала XVII ст. дѣятельность братствъ много облегчаетъ такую задачу историка; но со времени исчезновенія ихъ пробѣлъ остается незаполненнымъ. Дѣло здѣсь, кажется, и не въ отсутствіи матеріала,—консисторскіе, монастырскіе и церковные архивы остаются до сихъ поръ почти нетронутыми,—а въ недостаточной подготовкѣ принимающихся за подобный трудъ къ архивнымъ работамъ, въ погонѣ ихъ за фактами общегосударственной важности, въ непривычкѣ пользоваться мелкими разрозненными данными для изображенія той или иной стороны въ общественной жизни, отъ чего детальная разработка бытовой исторіи подвигается весьма медленно.

Высказавъ мимоходомъ это послѣднее замѣчаніе, какъ нашъ дезидератъ, спѣшимъ оговориться, что въ Вильнѣ, кромѣ трудовъ тамошней археографической коммисіи, отъ времени до времени появляется подъ разными названіями не мало почтенныхъ трудовъ по общей и частнѣйшей разработкѣ исторіи исконно-русской западной окраины, за которые нельзя не быть признательнымъ тамошнимъ русскимъ дѣятелямъ и въ частности автору разсмотрѣнной книги.

Въ виду не прекращающейся тамъ работы польско-католической пропаганды, силящейся придать всему прошлому и настоящему края свой особый колоритъ, труды, о которыхъ рѣчь, кромѣ научнаго характера, имѣютъ глубокое политико-общественное значеніе и отвѣчаютъ современнымъ нуждамъ и интересамъ русскаго общества и правительства въ краѣ.

И. Каманинъ.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

КЪ ИСТОРІИ СЕМЕЙНЫХЪ РАЗДѢЛОВЪ У КРЕСТЬЯНЪ.

Разсматривая семью въ историческомъ ея развитіи, можно замѣтить, что она въ прежнее время у низшихъ классовъ въ Малороссіи была значительно больше теперешней и что съ теченіемъ времени происходитъ процессъ разложенія большой семьи.

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ подъ руками данныхъ, кассающихся размѣра средней семьи въ XVII столѣтіи; но по даннымъ прошлаго вѣка видѣнъ болѣе значительный составъ семей противъ теперешняго. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Шафонскимъ въ Топографическомъ описаніи Черниговскаго намѣстничества (ч. 1, стр. 38), по ревизіи 1764 г., въ Малой Россіи считалось 229, 648 хатъ или подымьевъ и 935, 364 души мужскаго пола. Слѣдовательно, средняя семья состояла изъ 8 душъ обоего пола (полагая женщинъ столько-же, сколько и мужчинъ). Черезъ сто лѣтъ средняя семья въ черниговской губерніи уменьшилась до 6, 8 душъ обоего пола; именно, по даннымъ за 1859 г., помѣщеннымъ въ спискахъ населенныхъ мѣстъ черниговской губ., изданныхъ Центр. Стат. Комитетомъ, значилось въ уѣздахъ губерніи, за исключеніемъ городовъ, жителей обоего пола 1,313,000, дворовъ 191,000. Въ 1878 г. размѣръ крестьянской семьи въ той же губерніи сократился до 5,7 душъ обоего пола (Статистика поземельной собственности въ Европейской Россіи, вып. 3-й, стр. 105). Такимъ образомъ на югѣ замѣчается распаденіе большой крестьянской семьи на мелкія и, что особенно интересно,

ускоренный упадокъ ея во второмъ періодѣ, по сравненію съ первымъ. Въ то время, какъ прежде потребовалось почти сто лѣтъ времени (съ 1764 по 1859 г.) для уменьшенія средней семьи на 1, 2 души,—теперь на то-же почти число семья сократилась въ продолженіи 20 лѣтъ (съ 1859 по 1879 годъ).

Фактъ разложенія, происходящаго въ крестьянской семьѣ въ теченіи болѣе ста лѣтъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что существуетъ какая-то общая причина, способствующая распаденію большой семьи на малыя и что эта причина въ особенности сильно стала дѣйствовать съ эпохи освобожденія крѣпостныхъ. Какого характера должна быть эта основная причина? Коренится ли она главнымъ образомъ, въ ослабленіи власти надъ крестьянами (административной, помѣщичьей), въ упадкѣ нравственности крестьянъ или же въ пониженіи экономическаго благосостоянія? Такъ какъ крестьянская семья распадалась въ теченіи прошлаго столѣтія и до 60-хъ годовъ настоящаго, въ эпоху найсильнѣйшаго развитія помѣщичьй власти и правительственной опеки надъ крестьянами, то, слѣдовательно, ослабленіе власти не можетъ не быть признано главнымъ факторомъ указаннаго явленія. Этотъ факторъ присоединился съ начала шестидесятыхъ годовъ къ болѣе сильной причинѣ иной категоріи. Судя потому, что на формы общественной жизни вообще, на ихъ развитіе или упадокъ, сильнѣе всего воздѣйствуютъ экономическія явленія, мы склонны придти къ тому апріорному заключенію, что и основная причина распаденія семьи должна носить тотъ-же экономическій характеръ. Такое заключеніе въ значительной мѣрѣ подтверждается и фактами, добытыми статистическими изслѣдованіями въ послѣднее время[1]).

Что причины уменьшенія среднихъ размѣровъ крестьянской семьи чрезъ раздѣлы коренятся главнымъ образомъ въ упадкѣ крестьянскаго благосостоянія, въ этомъ можно убѣдиться и изъ показаній самыхъ крестьянъ. Впрочемъ надобно оговориться, что крестьяне при объясненіи уменьшенія семейныхъ раздѣловъ, весьма нерѣдко выдвигаютъ на первый планъ второстепенныя причины,

---

[1]) См. Изслѣдованія народной жизни А. Ефименко, вып. 1, Семейные раздѣлы, стр. 124. Харьковскій календарь на 1885 годъ. Нѣсколько данныхъ о семейныхъ раздѣлахъ у крестьянъ харьков. губ., стр. 558.

упоминая вскользь или же вовсе умалчивая о главной. Тѣмъ не менѣе, при гуртовыхъ опросахъ, крестьяне въ большинствѣ случаевъ правильно опредѣляютъ основную причину явленія.

Въ 1877 году въ черниговской губерніи земское статистическое бюро, между прочимъ, собрало отъ крестьянъ черниговскаго уѣзда свѣдѣнія о причинахъ семейныхъ раздѣловъ. Показанія отбирались въ каждомъ селеніи отъ цѣлой группы крестьянъ, проживающихъ въ селеніи. Сообщаемъ эти свѣдѣнія, еще до сихъ поръ не появлявшіяся въ печати. Въ шести случаяхъ, т. е. въ такомъ же числѣ населеній, причинами раздѣловъ признаны бабы, т. е. ссоры между женщинами, которыя вовлекаютъ въ разладъ всю семью. Въ десяти случаяхъ причиной этого явленія признаны семейныя ссоры вообще. Вотъ крестьянская формулировка этого разряда причинъ. Раздѣлы усилились «отъ людской ненависти, ссоръ» (д. Киселевка); «прежде честнѣйшій народъ бувъ, а теперь народъ ставъ спѣсивый, неуважительный» (д. Жеведь); «народъ сталъ баловаться» (м. Салтыкова Дѣвица); «попсивъ народъ, не то що братья, а и сыны съ батьками дилятся» (д. Кашовка); «меньшіе стали разумнѣй старшихъ» (с. Антоновичи); «теперь и сынъ съ батькомъ пораздѣлялись; такъ Господь уже вѣрно дае, ненависть пошла» (с. Бобровица). Въ д. Перехрестѣ крестьяне показывали: «у насъ была одна семья душъ въ 50, жили вмѣстѣ 5 братьевъ; какъ умеръ старшій братъ, прочіе почали рваться (а покойнаго похоронили, какъ отца) той за сокиру да въ Черниговъ, на заработки, и той на заработки; Богъ его знае, объ чимъ се теперь такъ стало: теперь не тилько братъ съ братомъ, а и сынъ одъ отця на отдилъ иде».

Хотя въ приведенныхъ сейчасъ показаніяхъ народъ относитъ раздѣлы къ семейнымъ ссорамъ, происходящимъ отъ упадка нравственности, но намъ кажется, что еслибы лица, отбиравшія показанія отъ крестьянъ, пообстоятельнѣе распросили ихъ о причинахъ усиленія ссоръ, то въ большинствѣ все было бы сведено къ упадку экономическаго благосостоянія. Въ большинствѣ случаевъ именно послѣднее обстоятельство и выставляется, какъ основная причина семейныхъ раздѣловъ. Приводимъ этотъ разрядъ показаній крестьянъ въ формулировкѣ статистиковъ. «Гораздо больше пошли на раздѣлы отъ тѣсноты, земли мало, нечѣмъ души прокормить, ненависть, дурость пошла: не за що зачепиться, той красти пуйде,

да и дѣлятся» (с. Махматинъ). «Чѣмъ труднѣе времена, тѣмъ больше дѣлятся: при недостаткахъ больше перекоровъ, особенно какъ пришлось добывать хлѣбъ заработками» (д. Ведильцы). «Дѣлиться стали чаще, когда пошли трудныя времена, пошли перекоры— одинъ идетъ въ заработки, другой не хочетъ, а послѣ дѣлежа еще больше бѣднѣютъ» (д. Малыя Осняки). «Одинъ не хочетъ работать на семью другаго, чтобы чужихъ дѣтей не кормить» (с. Старшій Бѣлоусъ). «Зачали дѣлиться, какъ достатки стали меньше» (д. д. Шастовица и Андреевка). «Братъ съ братомъ не хочетъ жить вмѣстѣ: какъ женятся, такъ и расходятся, говоря: батька еще кормить!» (д. Альсоховка). «У казаковъ меньше раздѣлу, чѣмъ у крестьянъ; лѣса, открылись (стало дешевле, удобнѣе строиться),оттого и дѣлятся» (д. Рудка). «Больше раздѣловъ, потому что трудно жить; думаетъ что на другаго работаетъ, да и отдѣляется» (д. Чернетчина). «Якъ семья велыка безъ земли, то одинъ робыть, а другій злыться, и диляться» (с. Уборки).

Въ четырехъ случаяхъ причиною усиленія раздѣловъ признано своеволіе крестьянъ, образованное отсутствіемъ надзора за ними. «Прежде меньше дѣлились: помѣщикъ сгонялъ» (д. Фукотка). «Отъ воли больше: прежде помѣщикъ не дозволялъ дѣлиться» (д. Левоньки, Жеведь). «За старины (при отцахъ) Палата роздиляла, а теперъ братъ отъ брата отдѣляется, не требуя согласія общества» (д. Коты).

Если основная причина распаденія большой крестьянской семьи коренится въ постепенномъ упадкѣ крестьянскаго хозяйства то лучшая мѣра для устраненія семейныхъ раздѣловъ состоитъ въ поднятіи экономическаго благостоянія народа, мѣры же репрессивнаго характера могутъ имѣть значеніе лишь какъ палліативное средство. Между тѣмъ считается за лучшее лекарство противъ указаннаго явленія запрещеніе семейныхъ раздѣловъ.

Мы не знаемъ, когда начались запрещенія семейныхъ раздѣловъ путемъ законодательнымъ; но у насъ имѣется одинъ документъ, который показываетъ, что частныя распоряженія правителей отдѣльныхъ мѣстностей въ указанномъ направленіи существовали еще въ прошломъ столѣтіи.

Приводимъ распоряженіе въ этомъ смыслѣ, сдѣланное харьковскимъ и воронежскимъ генералъ-губернаторомъ Чертковымъ въ 1782 году.

«Указъ ея императорскаго величества, самодержицы всероссейской, изъ воронежскаго намѣстническаго правленія, Бѣловодскому господину городничему. [1]) По указу ея императорскаго величества, воронежское намѣстническое правленіе, слушавъ полученное отъ господина генералъ-порутчика, правящаго должность генералъ-губернатора харьковскаго и воронежскаго, и кавалера Василія Алексѣевича Черткова предложеніе, въ которомъ, объясняя: дошло до свѣденія его, что многіе казеннаго вѣдомства поселяне, а особливо однодворцы, не токмо изъ большихъ или посредственныхъ, но и изъ малыхъ семействъ, отдѣляются къ жительству особыми дворами, отчасти по происходящимъ между домашними ссорами, а болѣе дабы, такимъ образомъ раздробившись, избыть взятія въ рекруты, изъ людныхъ домовъ бывающаго, изъ каковыхъ раздѣловъ и слѣдуетъ, что старыя семейства въ упадокъ приходятъ и новыя не имѣютъ способа достигнуть желаемое хозяйственное совершенство, стало быть и тѣ и другія, разоряяся, повергаютъ себя въ бѣдность и истощеніе, а тѣмъ же самымъ въ платежѣ податей недоимки, а въ рекрутскихъ наборахъ остановки и затрудненія содѣлываютъ. Почему, во отвращеніе сего, намѣстническому правленію предлагаетъ всѣ таковые изъ семействъ вредные отдѣлы, особливовъ однодворствѣ, запретить со строгостію, исключая тѣхъ токмо, которымъ по самымъ прямымъ надобностямъ раздѣлъ, къ ихъ-же благоустройству и выгодамъ, нуженъ будетъ, но и о таковыхъ велѣть однакожъ частнымъ головамъ представлять напредъ господину директору экономіи, съ объясненіемъ при семъ и обстоятельствъ, къ тому побуждающихъ и дозволить дѣйствительный раздѣлъ не инако, какъ по его разсмотрѣнію и резолюціи, о чемъ отъ него господина генералъ-порутчика и кавалера воронежскаго намѣстничества господину директору экономіи знать дано. Приказали: о непремѣнномъ по сему именованнаго господина генералъ-порутчика и кавалера предложенію исполненіи къ воронежкому коменданту, господину полковнику Хрущову и ко всѣмъ уѣзднымъ городничимъ и въ нижніе земскіе ссуды предложить изъ Правленія указомъ. Декабря 23 дня 1782 года».

Мы не знаемъ, какое вліяніе оказало настояще распоряженіе на семейные раздѣлы въ воронежскомъ и харьковскомъ намѣстни-

[1]) Бѣловодскъ—нынѣ слобода старобѣльскаго уѣзда, харьковской губерніи.

чествахъ. видимъ, что попытки измѣнить соціальныя явленія, совершающіяся по своимъ глубокимъ внутреннимъ законамъ, или положить имъ преграду, имѣютъ свою исторію.

П. Е

НАХОДКА ВЪ ОБЛАСТИ СТАРИННОЙ ЮЖНО-РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

Въ актовой книгѣ гродскаго житомирскаго суда, хранящейся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ и заключающей въ себѣ судебные акты съ 1590 по 1644 годы, писанные въ большей части на западно-русскомъ языкѣ и лишь изрѣдка на польскомъ, на листѣ 278, въ той части книги, гдѣ записаны акты за 1635 годъ, въ ряду постороннихъ приписокъ, неоконченныхъ фразъ, стихотвореній и т. под., мы нашли стихотворное переложеніе 42-го псалма, сдѣланное на южно-русскую рѣчь, но записанное польскими буквами.

Прежде чѣмъ говорить о значеніи этой находки, укажемъ на нѣкоторыя обстоятельства и внѣшнія особенности оной. Найденное нами стихотвореніе, какъ и прочія приписки, среди которыхъ оно находится, написано почеркомъ, весьма близко подходящимъ къ почерку многихъ подлинныхъ документовъ, внесенныхъ въ книгу подъ 1635 и предшествующими годами, изъ чего слѣдуетъ заключить, что оно вписано въ книгу одновременно съ ними кѣмъ-либо изъ писцевъ канцеляріи гродскаго житомирскаго суда, имѣвшихъ вообще привычку вписывать на «голыхъ мѣстахъ» (пробѣлахъ) въ актовыхъ книгахъ различныя замѣтки, изреченія, афоризмы, шутки и даже цѣлые документы шуточнаго содержанія, притомъ писцемъ русскимъ и православнымъ, такъ какъ вслѣдъ за псалмомъ записано начало извѣстной церковной пѣсни канона Успенію Божіей Матери: «Побѣждаются естества уставы«... и также польскими буквами, но съ южно-русскою фонетикою: *pobizdaiutsia... o Tebi bo Diwo czystaia...*

Приводимъ текстъ этого переложенія въ русской транскрипціи, но съ точнымъ соблюденіемъ фонетическихъ его особенностей:

«Во невинности моій, Боже мой, суди ми,
Отъ мужа неправа и льстыва збави ми;

Яко Ты есы, Боже, держава моя.
Воскую мя остави, Боже, милость Тоя?
Пошлы ми, Боже, свитъ Твой и истыну Твою,
Яко та мя воведе въ гору святу Твою.
Вниду въ села Твоя, ко олтару Твоему...
. . . . . .[1]).
А во гуслахъ исповимся, Цару, предъ Тобою,
А во арфѣ я прославлю, Цару, славу Твою.
Надіюся на Бога, на Бога жывого,
А той ми откріетъ свитъ—то истына іого».

Сличая современный славянскій текстъ 42 псалма съ текстомъ переложенія, видимъ, что хотя авторъ послѣдняго не вездѣ точно слѣдовалъ славянскому тексту, служившему конечно для него оригиналомъ, тѣмъ не менѣе онъ довольно близко передаетъ содержаніе псалма, и во всякомъ случаѣ его переложеніе не болѣе удаляется отъ текста подлинника, чѣмъ любое изъ современныхъ намъ стихотворныхъ переложеній псалмовъ.

Форма стихосложенія въ переложеніи—силлабическая; въ стихѣ по 13-ти слоговъ, и только четыре стиха отступаютъ отъ этой нормы и чрезъ то становятся тоническими: 2-й и 3-й имѣютъ по 12-ти, а 8 и 9 по 14 слоговъ; но это отступленіе, по всей вѣроятности, надо приписать не перелагателю, а переписчику, который, безъ сомнѣнія, записывалъ псаломъ по памяти и невольно измѣнялъ силлабическому размѣру, впадая въ болѣе естественный и знакомый ему по народнымъ пѣснямъ размѣръ тоническій.

Находка, какъ видитъ читатель, сама по себѣ не важная, ибо никого не прельститъ тяжелый силлабъ давняго времени, не представляющій ни вдохновенія, ни иной поэтической прелести: но она наводитъ на одно немаловажное соображеніе. Откуда судовой писецъ заимствовалъ записанный имъ псаломъ? Приписывать переложеніе псалма ему самому нѣтъ никакого основанія; необходимо поэтому предположить, что существовало въ то время въ южной Руси стихо-

---

[1]) Здѣсь несомнѣнно пропущена переписчикомъ строка; на это указываетъ нечетное количество стиховъ въ псалмѣ (11) и отсутствіе риѳмы, соотвѣтствующей предыдущей строкѣ.

творное переложеніе или цѣлой псалтыри, или-же избранныхъ псалмовъ, сдѣланное кѣмъ-либо въ XVI и во всякомъ случаѣ не позже начала XVII вѣка, переложеніе настолько популярное, что тогдашніе грамотные люди знали многіе псалмы изъ него наизустъ. До насъ не дошло это переложеніе, или, по крайней мѣрѣ, доселѣ оно не было открыто; но это не можетъ, конечно, служить возраженіемъ противъ высказываемаго нами предположенія. Существованіе въ южно-русской письменности того времени подобнаго труда представляется весьма вѣроятнымъ, если вспомнимъ, что въ сосѣдней, польской литературѣ въ XVI в. появились одно за другимъ два стихотворныхъ переложенія псалтыри: одно—принадлежавшее талантливому перу Николая Рея изъ Нагловицъ, изданное въ 1555 г., а другое еще болѣе удачное и скоро затмившее собою славу перваго—сдѣланное извѣстнымъ поэтомъ Яномъ Кохановскимъ и напечатанное въ Краковѣ (съ музыкою) въ 1578 г. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ въ данную минуту подъ рукою этого послѣдняго изданія, а было-бы любопытно опредѣлить, въ какомъ отношеніи къ нему находится найденное нами переложеніе 42-го псалма, тѣмъ болѣе, что переводъ Кохановскаго такъ-же написанъ силлабическимъ стихомъ. Съ другой стороны, предположеніе о существованіи въ ту пору южно-русскаго стихотворнаго переложенія псалтыри является еще болѣе вѣроятнымъ въ виду извѣстныхъ понынѣ, неоднократно предпринимавшихся въ XVI в. разными лицами опытовъ перевода св. писанія на народный языкъ, изъ коихъ нѣкоторые были даже изданы тогда въ печати, какъ наприм. евангеліе, напечатанное около 1580 г. въ типографіи Вас. Тяпинскаго. Въ частности, книга псалмовъ неоднократно была переводима на западно-русское нарѣчіе. Еще въ началѣ XVI в., около 1525 г., извѣстный докторъ Фр. Скорина издалъ въ Вильнѣ подобный переводъ [1]); другой, южнорусскій переводъ псалтыри XVI вѣка извѣстенъ по рукописи, хранящейся въ Москвѣ, въ Румянцевскомъ музеѣ. Если были попытки приблизить къ народному пониманію псалмы Давида путемъ перевода ихъ на «простую, посполитую мову», то не было ничего естественнѣе, какъ появленіе этой, по преимуществу поэтической, священной книги и въ стихотворномъ переложеніи.

---

[1]) См. Хронологич. указатель славяно-русск. квигъ церковной печати, № 18.

Намъ думается, что періодъ открытій памятниковъ старинной южно-русской письменности далеко еще ие законченъ и—почемъ знать! быть можетъ со временемъ отыщется цѣлый сборникъ псалмовъ въ старинномъ стихотворномъ переложеніи; а до тѣхъ поръ и тотъ, къ сожалѣнію, *единственный* псаломъ, какой удалось намъ извлечь изъ Леты вѣковаго забвенія, надѣемся, будетъ имѣть нѣкоторый интересъ въ глазахъ изслѣдователей старинной южно-русской письменности.

О. Левицкій.

СПРАВКА ОБЪ АВТОРѢ «ТОПОГРАФИЧЕСКАГО ОПИСАНІЯ ХАРЬКОВСКАГО НАМѢСТНИЧЕСТВА.»

«Топографическое описаніе харьковскаго намѣстничества», изданное въ Москвѣ, въ 1788 году, принадлежитъ къ числу главнѣйшихъ пособій и даже источниковъ по исторіи и статистикѣ Слободской Украйны; поэтому самому и вопросъ объ авторѣ этой книги не лишенъ нѣкотораго значенія, а между тѣмъ доселѣ онъ рѣшался и теперь рѣшается совершенно неправильно.

Кто составилъ «Топографическое описаніе», на немъ самомъ не означено. Митрополитъ Евгеній въ своемъ «Словарѣ свѣтскихъ писателей» приписываетъ «Топографическое описаніе» Н. Переверзеву, бывшему директору училищъ харьковскаго намѣстничества; хотя предположеніе знаменитаго историка и библіографа принималось и принимается за несомнѣнное, тѣмъ не менѣе оно и до сихъ поръ ничѣмъ не подтвердилось. Правда, въ предисловіи ко второму изданію «Историческаго Обозрѣнія гражданскаго устроенія Слободской Украйны» П. И. Срезневскаго (вышло въ Харьковѣ въ 1883 году въ видѣ приложенія къ «Статистическому Листку»), редакторъ «Статистическаго Листка» И. П. Сокальскій говоритъ, что, «по указанію покойнаго ректора харьковскаго университета, А. П. Рославскаго - Петровскаго, авторомъ «Топографическаго Описанія» былъ Переверзевъ» [1]), но, по всей вѣроятности, и самъ Рославскій-

---

[1]) Полное заглавіе: „Топографическое описаніе харьковскаго намѣстничества съ историческимъ предувѣдомленіемъ о бывшихъ въ сей странѣ съ древ-

Петровскій основывался ни на чемъ иномъ, какъ на «Словарѣ» же митрополита Евгенія [2]).

Для того, чтобы рѣшить вопросъ, кто составилъ «Топографическое Описаніе», теперь нѣтъ уже надобности прибѣгать ни къ «Словарю» митрополита Евгенія, ни къ «указанію» Рославскаго-Петровскаго. Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ на основаніи оффиціальнаго документа, опубликованнаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а именно на основаніи «Вѣдомости цензора, префекта московской славяно-греко-латинской академіи, игумена Моисея». «Вѣдомость» напечатана въ I томѣ «Осьмнадцатаго вѣка» Бартенева и въ ней въ числѣ книгъ, «подписанныхъ» игуменомъ Моисеемъ «къ печати» въ февралѣ 1787 года, упоминается между прочимъ и «Топографическое описаніе харьковскаго намѣстничества» *капитана арміи Н. Загоровскаго (Осьм. вѣкъ, изд. 2, т. I, стр. 498)*. Такимъ образомъ, авторомъ «Топографическаго описанія» былъ не Переверзевъ, а капитанъ Загоровскій. Изъ той же «Вѣдомости» видно, «что Топографическое описаніе» было не единственнымъ сочиненіемъ Загоровскаго: въ теченіе 1787 года игуменъ Моисей «подписалъ къ печати» еще три произведенія того же автора: «О душевномъ мирѣ» «Юридическій Словарь» и «Чудеса натуры» въ двухъ томахъ,' (*ibid.*, стр. 499).

Н. Черняевъ.

нихъ временъ перемѣнахъ, взятымъ къ объясненію дѣяній и хронологіи изъ татарской исторіи Баядуръ-Хана-Абулгадзи, Россійской исторіи князя Щербатова, начертанія Европейской исторіи Готфрида Ахенвалля и политической исторіи Самуила Пуффендорфа. Москва. 1788 г."

1) Замѣтимъ кстати, что на „указаніе" Рославскаго-Петровскаго ссылался и г. Нельговскій, редактировавшій 2 изданіе „Топографическаго описанія", напечатанное въ видѣ приложенія къ Харьковскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ (см. „Харьковъ", прибавленіе къ Хар. Губ. Вѣд., 1865 г., № 44). „Указаніе", на которое ссылаются гг. Нельговскій и Сокальскій, было сдѣлано Рославскимъ-Петровскимъ словесно: въ печати онъ такого „указанія" никогда не дѣлалъ.

2) Тоже самое можно сказать и объ „указаніи" „Харьковскаго Календаря" на 1886 годъ, всѣ сообщенія котораго о жизни и литературныхъ трудахъ Переверзева (отд. IX, ст. 141), очевидно взяты изъ „Словаря" митр. Евгенія.

НАДГРОБНЫЙ ЗАПОРОЖСКІЙ КРЕСТЪ.

Въ херсонскомъ уѣздѣ, при днѣпровскомъ лиманѣ, расположено село Александровка; у дороги, пролегающей черезъ это село и соединяющей по берегу лимана Николаевъ съ Херсономъ, нѣсколько въ сторонѣ отъ нея, находится небольшая «могилка». Проходя осенью по этой мѣстности, я замѣтилъ на могилѣ разбросанные обломки каменнаго креста; на нѣкоторыхъ изъ нихъ видны были буквы и начертанія. Послѣ нѣкоторыхъ усилій мнѣ удалось собрать и сложить всѣ разбросанные обломки и возстановить разрушенный надгробный памятникъ; затѣмъ я его раставрировалъ и поставилъ на прежнемъ мѣстѣ на могилѣ. Получился средней величины, каменный, шестиконечный крестъ, концы котораго значительно шире раменъ и отдѣланы въ видѣ площадей, ограниченныхъ тремя пересѣкающимися дугами; на одной сторонѣ начертано изображеніе прямоугольнаго креста, а надъ нимъ и около него буквы: и н ц и—ис—хс—ни—ка—г—г—м—л—р—б (послѣднія шесть буквъ не вполнѣ ясны). На другой сторонѣ сохранилась слѣдующая надпись въ 12 строкъ: *Бывшаго войска Запорозскаго козакъ куреня Платниревскаго зде опочивае рабъ Божій Василій Коношко блаженой памяти 1782 году мця генваря 21.*

Мнѣ неизвѣстно, насколько замѣтное положеніе занималъ въ войскѣ запорожскомъ Василій Коношко и въ мѣстномъ преданіи не сохранилось свѣдѣній о побужденіяхъ, заставившихъ его провести послѣдніе годы жизни на берегахъ днѣпровскаго лимана, т. е. пріютился ли онъ здѣсь у родственниковъ послѣ исчезновенія воинственной общины, или занялся рыбнымъ промысломъ, понынѣ процвѣтающимъ на нашемъ берегу. Во всякомъ случаѣ существованіе памятника указываетъ на нѣкоторый почетъ, которымъ пользовался у своихъ современниковъ односельчанъ братчикъ «бывшаго войска запорожскаго».

Замѣчая, что лица интересующіеся исторіею новороссійскаго края, тщательно собираютъ свѣдѣнія оставшіяся въ видѣ вещественныхъ памятниковъ отъ быта Запорожья, я рѣшаюсь сообщить эту замѣтку, полагая, что, можетъ быть, и сія крупица на что-либо понадобится лицамъ, собирающимъ коллекціи и свѣдѣнія объ аналогичныхъ предметахъ.

В. Бны—къ.

КАКЪ СУДИЛИ И РЯДИЛИ ВЪ СѢЧИ ЗАПОРОЖСКОЙ.

Въ оригинальнѣйшей запорожской общинѣ, подобной которой не представляетъ ни одна страна въ мірѣ, все было оригинально, начиная отъ ея внутренней организаціи и международныхъ сношеній и кончая мелочами внѣшняго быта, пищи, одежды и домашней обстановки. По части запорожской дипломатіи довольно вспомнить знаменитый и единственный въ своемъ родѣ отвѣтъ кошеваго Сѣрка султану Ахмету II.

Оригинальны были въ Запорожьѣ судъ и расправа, но письменные памятники ихъ въ большей части погибли, преданія о судѣ словесномъ исчезли, вымерли.

Не смѣлою рукою беремся за предметъ столь занимательный, и вмѣстѣ столь малоизвѣстный. Хотѣлось бы хотя въ слабыхъ чертахъ воскресить образъ самобытнаго запорожскаго судопроизводства. У насъ подъ руками кипы судебныхъ актовъ, составленныхъ или полученныхъ въ Кошѣ; но большая часть ихъ касается пограничныхъ распрей и представляетъ собою болѣе политическую переписку, чѣмъ судъ и расправу внутри общины, или же даетъ рядъ общихъ уголовныхъ дѣлъ, каковы дѣла по наѣздамъ на сосѣдей и гайдамацкія. Дѣлъ чисто уголовныхъ, касающихся преступленій, совершенныхъ въ районѣ Сѣчи, незначительное число. Еще менѣе дѣлъ чисто гражданскихъ, касающихся личныхъ правъ, собственности, убытковъ, долговыхъ претензій и т. п., притомъ всѣ они времени позднѣйшаго. Послѣднее неудивительно: довольно вспомнить составъ войска, его духъ, происхожденіе и строй гражданскій, чтобы понять отсутствіе въ его архивахъ судебныхъ расправъ, касающихся правъ личности или состояній. Никто у запорожцевъ не требовалъ актовъ о его рожденіи, крещеніи или смерти; никто не приносилъ и не пріобрѣталъ недвижимой собственности. Не было межевыхъ споровъ внутри Коша, ибо зимовниками «сидѣли» на рѣчкахъ и обще владѣли безмѣрными полями и лугами. Дѣла торговыя, долговыя, о заграбленіи имущества, всего чаще стадъ, дѣла прибытка рыболовнаго, звѣроловнаго, промысловаго, существовали, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что они разбирались и рѣшались словесно. Судебная власть въ запорожскомъ войскѣ не

отдѣлялась отъ военно-административной и исполнительной. Высшимъ представителемъ войсковой общинной власти былъ Кошъ, онъ же былъ центральною и высшею судебною властію, которая, какъ и всякая другая власть, распредѣлялась по числу 38 куреней. Случалось, что кошевой, вмѣстѣ съ войсковымъ судьею и писаремъ объѣзжалъ паланки и по пути творилъ судъ и расправу, устанавливалъ всякіе порядки, а его рѣшенія и постановленія записывались въ такъ называемый «походный журналъ».

Первый найденный нами такой журналъ относится къ 1772 г. и былъ веденъ походною канцелярію, во время объѣзда кошевымъ и старшиною кодацкой и самарской паланокъ, гдѣ было *все добро войсковое*, т. е. важнѣйшіе зимовники, лѣса и перевозы на Днѣпрѣ и Самарѣ. Въ этомъ журналѣ записаны всѣ дѣла, походнымъ Кошемъ произведенныя, рѣшенія уголовныхъ дѣлъ, споровъ, раздача *байраковъ*, хуторовъ, уравненіе повинностей и освобожденіе отъ оныхъ, хозяйственныя и пограничныя распоряженія паланокъ и т. п. Любопытно самое начало журнала или исторія путешествія «пана кошеваго и старшинъ въ Кодакъ» въ 1772 году. Приводимъ его во всей цѣлости, какъ образчикъ, между прочимъ, домашняго быта запорожской старшины.

«Его вельможность, атаманъ кошевый, Петръ Ивановичъ Калнишевскій, панъ судья войсковый Николай Тимофѣевичъ, панъ писарь войсковый Иванъ Яковлевичъ Глоба, бывшій войсковый судья Анрей Артемовичъ Носачъ, начальникъ церквей отецъ Владиміръ Сокальскій съ дьякономъ и войсковая канцелярія походная, февраля 28 числа 1772 года, въ чегвертокъ, до всходу солнца (изъ Сѣчи) выѣхали. И ѣхали чрезъ весь день и ночи до полчаса на зимовникъ бывшаго старшины, войсковаго асаула, Василія Андреевича Пишмича. Но по темности ночи, не доѣзжая сего Пишмичева зимовника, подъ сѣномъ стали, и заночевавъ чрезъ всю ночь, онымъ сѣномъ лошадей кормили. 24 числа февраля взяли дальшій путь; въ какомъ пути поспѣли уже въ обѣдное время въ зимовникъ Пишмичевъ [1]). Коимъ встрѣчею будучи приняты весьма хорошо, пановъ и при панахъ бывшихъ принимано, какъ-то: обѣдъ достаточный становилъ и горилкою не скудно подчивалъ. За се ему отблагодаривши, поѣхали

[1]) На р. Комышеватой, гдѣ былъ этотъ зимовникъ, есть до сихъ поръ селеніе, именуемое *Писмичевка*.

и ѣхали до Кодаку чрезъ весь день поспѣшно, куда въ Кодакъ уже при захожденіи солнца наспѣли. Но прежде въѣзда встрѣчены были въ *Попасныхъ буераках*ъ козаками ново-кодацкими, въ достаточномъ числѣ, хорошо одѣтыми, съ прапоремъ. А какъ стали подуспѣвать и къ кодацкому городу, тогда во первыхъ два изъ пушекъ сигнала дано, а потомъ разъ по разъ изъ всѣхъ имѣющихся около городу раскатовъ стрѣльбу пушечную произведено. И были приготовленные въ священническое одѣяніе всѣ священники со діаконы, при башнѣ, что отъ войсковаго дворца, для встрѣчи со крестомъ; но что не въ сію, а въ другую поѣхали башню, для того священники уже разобравшись (раздѣвшись) съ священнаго одѣянія, съ поклономъ на квартиру въ войсковый дворецъ къ пану кошевому приходили, и хорошо принятые будучи, отойшли. Гдѣ въ войсковомъ дворцѣ панъ кошевой съ паномъ писаремъ, панъ судья-же съ Андреемъ Артемовичемъ у Кондрата Сѣверскаго, а отецъ начальникъ съ дьякономъ у священника Василія Алексѣева квартирами стали. И ходили 25 числа въ субботу въ церковь на утреню и на службу. Прежде службы былъ акафистъ, а по акафистѣ пѣто умиленную пѣснь: «О всепѣтая Маты!» и другія. А когда акафистъ совсѣмъ совершился, начата отцомъ Федоромъ Фомичемъ (кодацкимъ настоятелемъ) служба Божія. А по службѣ панъ кошевой всѣхъ пановъ и священниковъ, въ томъ числѣ чрезъ ночь зъ Самары въ Кодакъ поспѣвшаго и намѣстника (протоіерея, старшаго въ духовномъ правленіи) Григорія Порохню звалъ и по нѣсколько чарокъ горѣлки трактовалъ. И ходили всѣ по просьбѣ къ Полтавцу кушать, коимъ весьма хорошо, какъ сказываютъ, будучи принятые, воротились по квартирамъ. А на своей панъ кошевой опочивши, ходилъ до вечерни; а по вечерни никуда нейдя, у себя вечерялъ и спать легъ, и спалъ до утренняго звона, а въ то время въ церковь на утреню ходилъ, также и на службу, которая соборомъ отправуемая была отцемъ начальникомъ. А по службѣ всѣ вообще званы кушать къ пану судьѣ. Пообѣдавши-жъ, въ домъ идучи, заходили въ квартиру іерея Феодора, гдѣ побывъ малое время, разойшлись по квартирамъ. И панъ кошевой въ своей до вечерняго звона бывъ, а тогда въ церковь на вечерню. По вечерни-жъ къ іерею Василію вечерять и въ гости до іерея Артема ходилъ, у коего и пѣвчими былъ позабавленъ; а оттуда, нейдя уже никуда, разойшлись по домамъ.

И отъ 27 февраля за прощеніе принялись. Въ субботу сообщались (пріобщались Св. Тайнамъ) всѣ паны. Отъ субботы до вовторника въ Кодакѣ живя, всякіе порядки обществу тамошнему полезные учреждали. И по учрежденіи у вовторникъ, 6 числа марта о полдень, взялись въ обратный маршъ: панъ кошевой, панъ судья и отецъ начальникъ, кои коль скоро съ квартиры выѣхали, заразъ разъ по разъ выстрѣлено изъ 2 пушекъ, и козаки съ прапоромъ до Попасныхъ (буераковъ) провожали, а отъ Попасныхъ повернулись. Мы-же противу 7 числа марта невдаль Стефана Васильевича зимовника, что въ Сурѣ, а противъ 8 числа марта въ Камяноватой ночевали. Авось либо и въ Сѣчь попадемъ».

Сохранился и другой, болѣе краткій походный протоколъ 1774 года слѣдующаго содержанія:

«Его вельможность, атаманъ кошевый, П. И. Калнишевскій, господа войсковый старшина Андрей Носачъ, писарь войсковый И. Я. Глоба, Владиміръ архимандритъ, сѣчевыхъ церквей начальникъ, іеродіаконы Меркурій и Палладій, также канцелярія войсковая походная и церковные сѣчевой церкви служители, выѣхали зъ Сѣчи въ четвертокъ 27 дня ноября, и ночевали у Пишмичева зимовника. А оттоль рано двинувшись, въ Кодакъ Новый 28 дня ноября въ пятокъ, при захожденіи солнца настигли и стали квартирами, панъ кошевый и панъ писарь войсковый въ войсковомъ дворцѣ, а Андрей Артемовичъ Носачъ у священника Кондрата Сѣверскаго, отецъ-же архимандритъ у вдовы попадьи Василихи, а канцелярія у обывателя ново-кодацкаго Телюка. При въѣздѣ же въ Кодакъ, оттоль встрѣчены козачею командою въ Попасныхъ, а духовенствомъ въ предградіи и выстрѣлено 15 разъ съ пушекъ». По окончаніи списка дѣлъ, въ этой паланкѣ производившихся, протоколъ такъ заключается: «12 декабря рано зъ Кодаку поѣхали, и опровожденные до Попасныхъ командою козачею, подъ управленіемъ полковника Святого зъ старшиною, при чемъ стрѣляно изъ батарейныхъ пушекъ. Ночевали слѣдовавшую тогда ночь въ зимовникѣ Пишмичевомъ, а о полночь выѣхали и поспѣли въ Сѣчь предъ вечернею 13 декабря».

Дѣлались-ли такіе объѣзды и съ такими церемоніями прежде 1770 годовъ, мы сказать не можемъ, не имѣя ни одного на то письменнаго акта, но вѣроятно было что нибудь похожее, иначе Кошъ не могъ-бы сдѣлать столь многихъ нововведеній, не возбудивъ об-

щаго въ войскѣ ропота. Что-же это были за дѣла и порядки, полезные для общества, упомянутые въ протоколѣ, сейчасъ увидимъ. Большею частію это были хозяйственныя распоряженія и единственныя дѣла гражданскаго суда и расправы, нами въ архивѣ найденныя.

Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ нихъ, чтобы составить себѣ представленіе о гражданскомъ судопроизводствѣ въ Запорожьѣ, и начнемъ съ дѣла найболѣе ранняго изъ числа находящихся у насъ въ рукахъ.

Это дѣло по неправильной денежной претензіи. Оно началось еще въ 1745 году и состояло въ слѣдующемъ. Бывшій войсковый писарь, а послѣ малороссійскій помѣщикъ и войсковый товарищъ Алексѣй Петруша, будучи еще полковымъ старшиною и писаремъ калміусской паланки, въ наказаніе за какой-то проступокъ забралъ у козака минскаго куреня Стефана Чорнаго, сидѣвшаго зимовникомъ на р. Еланчику, скотъ и другое его имущество. Козакъ прибылъ въ паланку съ жалобою, но писаря уже не засталъ за отбытіемъ его на раду въ Кошъ, а потому, по обычаю, онъ взаимно въ его жилищѣ взялъ тоже скотъ, 1 р. 50 к. денегъ, бурку и другія вещи. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, когда Петруша оставилъ войско и поселился въ Малороссіи, разныя бѣдствія его разорили, и онъ, оскудѣвъ въ своемъ состояніи, вздумалъ чрезъ гетманское правленіе требовать удовлетворенія съ козака Чорнаго, который тогда женился, и, какъ посполитый, жилъ въ самарской паланкѣ, въ с. Чернечомъ. Призванный въ Кошъ, Чорный объяснилъ дѣло, признанъ *невиннымъ* и отпущенъ, но по приказанію кошеваго Григорія Федорова, по уваженію, что Петруша «въ крайнемъ недостаткѣ и скудности» находится, по «добровольной и плачевной его просьбѣ», далъ ему 40 руб. и въ томъ взялъ отъ него собственноручную росписку іюня 2-го, 1756 года. Въ ней сказано: «по принесенной отъ Степана Чорнаго повинной, отъ господина кошеваго приказано, со всей моей претензіи, 146 р. и 80 к., уплотить мнѣ (Петрушѣ) только 40 р. ровно. И что вышеписанное число 40 р. деньги я отъ него принялъ и на него Чорнаго нигдѣ ни въ какомъ судѣ и правѣ не челобитчикъ, въ паланкѣ самарской, при полковнику Петру Шабельнику зъ старшиною, сію росписку мою далъ и на оной подписался». Казалось, дѣло было кончено. Но упрямый украинецъ не удовольствовался 40 р., и чрезъ малороссійскую войсковую кан-

целярію опять требовалъ не только остальныхъ денегъ, но и на казанія Стефану Чорному. Кошъ вторично вытребовалъ истца подъ карауломъ въ Сѣчь и содержалъ его въ тюрьмѣ или на порукахъ въ селѣ Чернечомъ лѣтъ нѣсколько; наконецъ, видя явную со стороны Петруши ябеду, сдѣлалъ слѣдующій приговоръ:

«1764 года іюля 22, по жалобѣ войсковаго товарища Алексѣя Петруши, козакъ и житель самарскій Степанъ Чорный зысканъ былъ чрезъ ордеръ за конвоемъ въ Кошъ и кромѣ сего тоже его зыскивано подъ карауломъ разовъ нѣсколько, который предъ судомъ войсковымъ былъ, и по объявленію бывшаго атамана кошеваго Григорія Федорова, что они прежде между собою совсѣмъ погодились (помирились), съ тѣмъ, чтобы уже къ Чорному, по принятіи Петрушею 40 р., ничего не искать, росписался, но что онъ Петруша, тѣмъ не удовольствуясь, и не устоявъ на словѣ и данной роспискѣ, его Чорнаго турбуетъ (безпокоитъ) напрасно и Кошъ утруждаетъ по пустому, безъ и малѣйшей причины, для того, дабы впредь, если искать Петруша будетъ, за нимъ Чорнымъ не посылалось и отказывано Петрушѣ вовсе было,—сіе для пріобщенія на всегдашнее время до дѣла ихъ записано и подписано: году, мѣсяца и числа вышеписанныхъ.—Слѣдуетъ подпись войсковаго писаря: «съ повелѣнія господина кошеваго атамана Филиппа Федорова и вышереченнаго бывшаго кошеваго атамана Григорія Федорова войсковый писарь Иванъ Глоба».

Вотъ образчикъ рѣшенія долга.

«Приказъ Коша самарскому полковнику Карпу Гуртовому съ старшиною:

«Козака и жителя самарскаго Грицька Бѣлого заведенное (о неуплатѣ) дѣло съ жителями самарскими Харькомъ Порожнимъ и Иваномъ Сычкомъ, нами разсматривано. И по расмотрѣніи явились оные Харько Порожній и Иванъ Сычокъ должными заплатить ему Бѣлому денегъ 46 руб. 67 коп. Якіе деньги Харько Порожній заразъ 23 р. 33 коп. съ денежкою заплатить долженъ, а Сычокъ за поворотомъ съ Крыма въ домъ свой таковуюжъ часть, безъ всякаго отлагательства, ему Бѣлому имѣетъ. О чемъ къ вамъ ко исполненію предлагаемъ». 1772 года декабря 7.

Здѣсь не видимъ ни процедуры дѣла, ни мотивовъ рѣшенія, а только голое рѣшеніе; но это потому, что оно соединялось съ

разбирательствомъ и въ дѣлахъ несложныхъ послѣднее, равно и мотивы, излагаемые словесно, такъ сказать подразумѣвались, какъ показываетъ слѣд. ордеръ войсковому асаулу Федору Завезіону.

«По жалобѣ козака и жителя вѣдомства Протовчанской паланки с. Байбаковки Якова Глухого, на бывшаго атамана тамошняго Прокопа Самарского, имѣете вы съ полученіемъ сего съѣхать въ означенную слободу Байбаковку заразъ, и въ жалобѣ его Глухого съ отвѣтною стороною сдѣлать по самой справедливости, зрѣлымъ окомъ, разборъ. И кто явится виновнымъ, тому безъ всего приказать обидимую сторону удовлетворить такъ, чтобы больше о семъ жалобы не заходило къ намъ». 1772 года, декабря 8.

Образчикъ дѣла о давности владѣнія (praescriptio) находимъ въ ордерѣ кошеваго войсковому старшинѣ Андрею Порохнѣ:

«Изъ Самары вдова Ганка Силиха жалуется, что ея мужъ, имѣвши надобность въ огородѣ, ради онаго занялъ мѣсто въ Панчовомъ, гдѣ прикохалъ черное и родючее дерево, владѣя тѣмъ чрезъ 13 лѣтъ свободно. Теперь же отъ того вы ее отдаляете, и егда дойдетъ до того, что отдалите, то весьма обидимою будетъ, поелику остается вдовою и безпомощною. Какъ же съ сего представленія является, что ея мужъ *тѣмъ чрезъ 13 лѣтъ владѣлъ, обзаведши своимъ трудомъ;* то и рекомендуемъ вамъ, дабы вы жалующейся Силихѣ во владѣніи ею тѣмъ препятствія не дѣлали и возвратили безъ всего. Еслижъ въ такомъ мѣстѣ надобность имѣете, такъ можете избрать тамъ, гдѣ должно и согласно порядку». 1774 года декабря 10.

Въ приказѣ войсковому старшинѣ Лукьяну Великому имѣемъ образчикъ рѣшенія, касающагося исполненія *договора*.

«Вдова попадья ново-кодацкая Акулина жалуется въ Кошъ, что она должные вамъ 500 рублей сполна отдала, въ чемъ и росписку на бумагѣ получила отъ васъ. Не смотря на то, вы требуете еще какихъ-то процентовъ и за то взяли ея скотъ и лошади. Она, представивъ вашу росписку, объясняетъ, что вы, идучи въ походъ, дали ей 2,000 руб, съ тѣмъ, чтобъ людямъ въ займы давать, а о процентахъ уговора не было. Она отдавала въ заемъ изъ вашихъ денегъ 500 руб. и получила только 200, а 300 пропало, почему она своими эту потерю вашу пополнила и проситъ, чтобы Кошъ приказалъ ея скотину возвратить, иначе она разорена будетъ. Мы,

разсмотрѣвъ жалобу ея и росписку вашу въ подлинникѣ, въ которой написанно: «1774 года апрѣля 27-го я нижеподписавшійся далъ сію росписку жительницѣ ново-кодацкой Акулинѣ отца Василія покойнаго попадьѣ, въ томъ, что она мнѣ виновата была 500 руб., кои она мнѣ уже всѣ сполна отдала вышеписанная Акулина, въ чемъ и подписуюсь собственноручно крестомъ: козакъ куреня дядьковскаго Лукьянъ Великій»,—находимъ, что она попадья не состоитъ вамъ должною, а потому скотъ и кони удерживаете не надлежаще,—то и повелѣваемъ вамъ, чтобы вы, не принося во извиненіе никакихъ отговорокъ, съ полученія сего заразъ вами удерживаемое ей попадьѣ Акулинѣ возвратили». 1774 года декабря 8-го.

Приводимъ наконецъ примѣръ рѣшенія по поводу неравнаго раздѣла взысканія.

«Приказъ волосской слободы [1]) начальнику».

«Волошинъ Афанасъ жаловался, что у сего бывшій въ Кодакѣ полковникъ Поповичъ взялъ денегъ 16 руб. за то, что послѣдовала въ байракѣ рощѣ шкода отъ козъ. А козы были не одного его, но еще и другихъ волоховъ: Ивана, Дмитра, Евстафія да Василія, то и просилъ, чтобы и сіи волохи были помощниками въ возвратѣ ему, жалобливому Афанасу, въ то число денегъ, сколько изъ нихъ на всякаго и Афанаса достанется по раскладкѣ. И такъ приказываемъ, чтобы съ жалобливаго и обжалованные претендуемые деньги 16 руб., до равномѣрной части распредѣливши, взыскать и отдать жалобливому за росписку, егда есть только такъ, какъ представляетъ». 1774 декабря 3.

Какъ изъ приведенныхъ 6-ти дѣлъ, такъ и изъ сотни другихъ, видимъ прежде всего, что судъ Коша былъ окончательный и безъ аппеляціи. Почти всегда за приговоромъ слѣдовали донесенія паланки или асаула войсковаго, что приказъ Коша исполненъ. Войсковый асаулъ былъ, такъ сказать, министръ юстиціи и полиціи въ

---

1) Волосская слобода составлена была изъ поселенныхъ на запорожской землѣ волоховъ и молдаванъ, взятыхъ было въ плѣнъ татарами и отбитыхъ въ 1733 году начальникомъ запорожской флотиліи Даніломъ Третьякомъ. Она существуетъ доселѣ подъ именемъ Волосскихъ Хуторовъ у Рябой Могилы, въ 31 верстѣ отъ Екатеринослава.

войскѣ; безпрестанно находимъ данныя ему порученія: или сдѣлать разсмотрѣніе на мѣстѣ жалобы, или исполнить приговоры рады, или преслѣдовать вооруженною рукою воровъ, гайдамакъ и грабителей. И тогда въ помощь давался ему войсковый довбышъ, очень похожій своимъ званіемъ на бывшаго въ западной Европѣ *Prevôt*, пристава при экзекуціяхъ, а иногда два-три старшины изъ куренныхъ атамановъ. Сужденіе и рѣшеніе дѣлъ въ Кошѣ, основывалось, безъ сомнѣнія, только на обычаѣ и простомъ здравомъ смыслѣ. Нигдѣ не упоминается о законахъ польскихъ или русскихъ. Кошъ говоритъ просто: «мы разсмотрѣли и рѣшили.» Этотъ «обычай» было дѣло столь положительное и освященное временемъ, что даже въ актахъ русское правительство ссылалось на оный. Такъ сдѣлалъ Румянцевъ въ воззваніи къ войску по случаю гайдамацкихъ набѣговъ въ 1768 году; сама даже императрица въ указѣ своемъ отъ 12 іюля 1768 года повелѣвала поступать «по всей строгости запорожскихъ обрядовъ». Письменныя доказательства въ дѣлахъ очень уважались Кошемъ, какъ это видимъ изъ приведенныхъ выше примѣровъ. Извѣстна была давность владѣнія (praescriptio) и право перваго обладанія (jus primi occupantis). Справедливость рѣшенія удивительная. Мы нарочно приводили дѣла простыхъ козаковъ съ войсковою старшиною, и Кошъ всегда рѣшалъ въ пользу первыхъ. Что касается языка, то въ записываніи жалобъ и рѣшеній употребляется языкъ русскій, но въ словесномъ разбирательствѣ и рѣшеніяхъ былъ, конечно, свой, мѣстный, малороссійскій. Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе относительно ролей лицъ, творившихъ судъ въ Кошѣ. Войсковой судья, первый сановникъ въ Запорожьѣ послѣ Кошеваго, по всему видно, разбиралъ дѣло, объяснялъ оное и совѣтовалъ, рѣшалъ кошевой, а исполнялъ асаулъ.

Перейдемъ теперь къ судопроизводству уголовному и прежде также приведемъ нѣсколько примѣровъ суда по дѣламъ уголовнымъ.

Ставимъ на первомъ планѣ дѣло амурнаго свойства, всего вѣроятнѣе блудъ съ насиліемъ, тягчайшее по обычаямъ сѣчевымъ преступленіе. Вотъ приказъ о немъ самарскому полковнику.

«Самарчицкая жителька Анна Перехристка, какъ намъ представляете, козакомъ куреня каневскаго Федоромъ Маляромъ опорочена не по пристойности; а какъ сей порокъ не только къ ней Перехристкѣ, но къ обезславленію и всего войска Запорожскаго

простирается, а вы его сослали до поворогу нашего съ Кодаку, для того вамъ господинъ полковникъ съ старшиною повелѣваемъ: онаго Маляра сыскать, а дабы и другіе таковыхъ непристойныхъ худостей дѣлать не отваживались, въ страхъ прочимъ, публично на базарѣ кіями наказать и намъ репортовать, по исполненіи». 1772 года декабря 7.

Слѣдующій отрывокъ изъ судебнаго показанія и допроса, сдѣланнаго казаку Стефану Чорному показываетъ, что для отвлеченія отъ разбоевъ и грабежа въСѣчи, вмѣсто наказанія, практиковались увѣщанія съ принесеніемъ виновнымъ публичнаго покаянія и присяги.

«Стефанъ Чорный совокупился въ 1745 году съ ватагомъ гайдамацкимъ Левушковскимъ куреннымъ, уже умершимъ, Охтирою и съ нимъ бывшими 13 чел. товарищами, съ ними не малое время прожилъ, довольствуясь только угономъ скота отъ татарскихъ чабановъ; а какъ присланы отъ Коша въ упомянутому ватагу съ товарищи его, по многимъ ихъ въ великихъ и заграничныхъ степахъ партіями воисковыми поискахъ и непоимкахъ, нарочные, чтобъ по степу перестали шататься и татарамъ чинить обидъ, но ишлибъ на покаяніе добровольное въ Сѣчь, безъ сумнѣнія, и въ томъ, что шататься и воровать не будетъ, въ сѣчевой церкви выконали бы присягу, почему и будутъ отъ Коша всѣ прощены; то онъ съ ватагомъ и прочими товарищами заразъ поѣхали въ Сѣчь, и за пріѣздомъ, по довольному тогда бывшаго атамана кошеваго Василія Григорьева Сича и всѣхъ атамановъ и старшинъ *словесному истязанію* въ церкви, въ недѣланіи уже напредки никакихъ самовольствъ присягли... отъ всѣхъ къ Кошѣ правящихъ и обществомъ войсковымъ за всѣ ихъ преступленія, за самовольное покаяніе, прощены... онъ же Чорный началъ жить въ Самарѣ въ р. Кильчени зимовникомъ честно, а какъ оженился, то въ Чернечомъ селѣ». 1756 іюня 2.

А вотъ образчикъ публичнаго выговора, соединеннаго съ сидѣніемъ на пушкѣ, за дерзость противъ пограничнаго начальства.—Въ 1763 году вытребованы были и отправлены въ кр. св. Елисаветы три запорожскіе старшины, для опредѣленія границъ и рѣшенія могущихъ встрѣтится межевыхъ споровъ. Одинъ изъ нихъ, полковый старшина и писарь Андрей Семеновъ, а по прозванію Товстикъ, замѣтивъ многія злоупотребленія при межеваніи, противныя смыслу высочайшихъ повелѣній императрицы, протестовалъ безъ спросу

своихъ старшихъ товарищей и, въ присутствіи генералъ-поручика Мельгунова, сказалъ: «развѣ здѣсь такое мѣсто, что всѣхъ насильно грабятъ?» Обиженный генералъ, не желая быть самъ судьею виновнаго, отослалъ его въ Кошъ. Старшина войсковая, чтобы доказать непричастность свою къ такимъ неприличнымъ поступкамъ, приговорила Товстика: «при собраніи всего Коша жестоко быть *избранену* и, по *обычаю*, держиму на базарѣ, публично, на пушкѣ цѣлую недѣлю».

Увѣщанія и выговоры были конечно самыми легкими наказаніями въ Сѣчи, обыкновенно же практиковавшіяся тамъ наказанія поражаютъ своею суровостію. Таково напр. оригинальнѣйшее наказаніе уломленіемъ одной ноги, а быть можетъ и вообще лишеніемъ какого либо члена тѣла преступника, въ родѣ извѣстнаго на Москвѣ урѣзыванія языка и въ Польшѣ отсѣченія руки и ноги на крестъ. Уломленіе ноги преступнику совершилось по такому случаю. Шатавшійся по Запорожью *наймитъ* Грицко Капустенко, 25 лѣтъ отъ роду, находясь на рыбныхъ ловляхъ въ калміусской паланкѣ, служилъ при заводѣ запорожскаго козака корсунскаго куреня Демка Кумпана. 24 числа марта вечеромъ онъ напился пьянъ и, поссорившись изъ за трубки съ запорожцемъ Никитою Тараномъ, ударилъ его ножемъ; увидя же, что его крѣпко ранилъ, испугался, сталъ бѣжать, но за ночною темнотою не могъ никуда убѣжать. Прибѣжавши въ рыбный заводъ, отъ страху скрылся было въ чуланѣ; но на гвалтъ Тарана сбѣжались другіе козаки и узнавъ о происшествіи, начали поискъ чинить, а сыскавши, въ чуланѣ его обыскали и нашли въ платьѣ ножъ весь окровавленный; взяли его и держали всю ночь подъ карауломъ, а между тѣмъ дали знать его хозяину Кумпану, который его представилъ немедленно въ калміусскую паланку». *Приговоръ отмѣченъ такъ*: «1767 года августа 8 наказанъ на сходкѣ уломленіемъ одной ноги».

Общеупотребительно было наказаніе «кіями», съ отпускомъ на покаяніе. Вотъ примѣръ. «Козакъ платниревскаго куреня Иванъ Пастрида служилъ по зимовникамъ и на рыбной ловлѣ въ Гарду честно по 25 апрѣля 1766 года; ѣхавши-жъ въ новороссійскія слободы, остановился въ зимовнику на р. Чорномъ-Ташлыку, у запорожскаго козака же ночевати. Тутъ съ другимъ напившись пьянъ, потерялъ всю память и служителя того зимовника, подошедшаго

къ его возу, кулаками и дугою такъ сильно билъ, что тотъ на третій день умеръ». *Приговоръ*: «1767 г. августа 8 на сходкѣ наказанъ жестоко кіями и пущенъ на покаяніе».

Обстоятельства дѣла, иногда вовсе независѣвшія отъ воли преступника, давали иногда поводъ къ уменьшенію наказанія. Одинъ житель запорожскаго селенія Лебедивки (протовчанской паланки), будучи обвиненъ какою-то женщиною въ грѣхѣ, который больше всего наказывался въ Запорожьѣ и, подвергшись за то тяжкому взысканію, изъ мщенія не только ее убилъ, но даже тирански ножемъ изрѣзалъ и въ томъ преступленіи въ паланкѣ сознался. Взятый подъ арестъ и отправленный въ Сѣчь, онъ преданъ былъ суду. Вотъ приговоръ Коша, сообщенный войсковому старшинѣ Порохнѣ, командовавшему въ заднѣпровскихъ паланкахъ: «присланный при вашемъ рапортѣ въ Кошъ, вѣдомства протовчанскаго с. Лебедивки житель Василь Беркутъ, хотя за его въ убійствѣ чужой женщины винность подлежалъ смертной казни... но что онъ имѣетъ у себя малолѣтнихъ дѣтей и жену, и чтобы оные не оставались безъ воскормленія, по разсужденіи Коша, вмѣсто таковой ему за то слѣдовавшей смертной казни, жестоко здѣсь наказанъ кіями и отпущенъ на прежнее жительство на покаяніе». 1767 года, августа 8.

Къ этому слѣдуетъ добавить, что еще прежде объявленія приговора, Кошъ приказалъ войсковому асаулу поѣхать въ с. Лебедивку и взявъ скотъ убійцы, раздѣлить его, по обычаю, на три части: одну на Кошъ, одну на старшину войсковаго Порохню, какъ главнаго мѣстнаго начальника, третью-же часть скота и все движимое имущество виновнаго, слѣдовавшія главной старшинѣ въ Сѣчи, отданы женѣ его на прокормленіе себя и дѣтей.

Смертная казнь замѣнялась наказаніемъ кіями въ случаѣ поручительства, но тогда это наказаніе производилось подъ висѣлицею. Запорожскій козакъ куреня полтавскаго Максимъ Шульга нѣсколько лѣтъ сряду гайдамачилъ, особенно же занимался воровствомъ лошадей въ Польшѣ и Буджакѣ; но въ одномъ шинку на р. Солонцѣ, гдѣ онъ скрывался, войсковымъ асауломъ взятъ и привезенъ въ Сѣчь, здѣсь же, «по довольномъ *кіевдмѣ* наказаніи подъ висѣлицею, войскомъ и священниками испрошенъ и отпущенъ на поруки» 1759 г. генваря 3. Ручался родной его братъ и другіе товарищи въ слѣдующихъ словахъ; «что его Шульгу взяли на поруки и впредь во-

вовать не будетъ, мы вѣ томъ обязуемся и повинны отвезти въ монастырь по его обѣщанію. Ежели жъ онъ Шульта впредъ воровать станетъ и на него претензія зайдетъ, мы обидимыхъ довольствовать и его сыскивать къ поставкѣ въ Кошъ имѣемъ».

На поруки брали иногда цѣлымъ куренемъ, и это въ силу круговой отвѣтственности всего Коша предъ правительствомъ, куреня и паланки предъ Кошемъ. Денежнаго залога не существовало, но отвѣтственность была полная, взысканіе дисциплинарное и имущественное. Отсюда тѣ оригинальные мотивы, по которымъ курень бралъ на поруки провинившагося товарища. Въ 1755 году, октября 29, атаманъ кисляковскаго куреня Самоилъ Щербина съ товарищи, выпросили у кошеваго Григорія Ѳедорова на поруки козака своего куреня Кирилла Письменнаго, содержавшагося въ пушкарнѣ войсковой подъ карауломъ, за его по причинѣ гайдамачества винность, и дали росписку въ томъ, что онъ по первому востребованію представленъ будетъ къ отвѣту, а паче, что онъ впредь воровать не пойдетъ и нигдѣ съ ворами сообщенія никакова имѣть не будетъ; «еслижъ бы паче чаянія, добавляли поручители, отъ нашего надъ нимъ небреженія, въ какомъ подозрительствѣ явиться могъ бы, тогда мы нижеподписанные подлежатимемъ войсковому штрафу и за него Письменнаго отвѣгу». И вотъ мотивъ столь отвѣтственнаго поручительства. «Козакъ Письменный многимъ козакамъ и постороннимъ людямъ на не малую сумму денегъ задолжался, козаки-жъ запорожскіе, по обычаю своему, а паче по нѣкоейсь злобѣ, намѣревались собравшись, его, яко вора, въ смерть убить». «А егда убитъ будетъ, разсуждала куренная братія, то куреню нашему платить за него денегъ на не малую сумму воспослѣдуетъ напрасно; и по крайнейшей таковой причинѣ упросили мы его милость пана кошеваго Федорова и старшины войсковой на поруки наши его козака Письменнаго отпустить». При этомъ, добавляетъ росписка, «по обыкности нашей, яко старшинѣ, помянутому г. кошевому Федорову, принявши отъ рукъ вышеписаннаго вора, я атаманъ съ товариствомъ дали за утружденіе его одного червонца и причислили оного дать не зъ воровского, *но съ куреня*».

Къ числу наказаній относилось и привязываніе у позорнаго столба. Столбъ стоялъ у самой колокольни при Сѣчевой Покровской церкви, и привязываніе къ нему, въ присутствіи всего войска,

было величайшимъ посрамленіемъ для козака. Вотъ примѣры этого наказанія. Въ 1758 г. 11 іюня «козакъ Герасимъ Рябый, за побои въ пьянствѣ причиненные, наказанъ у стовба кіями и тамо умеръ». Козакъ пашковскаго куреня Федоръ Литвинъ «за отнятіе у другаго козака лошади у *столба въ Сѣчи былъ привязанъ*». Тоже наказаніе опредѣлено было дезертирамъ, которые во время войны самовольно отъ своихъ прапоровъ уходили въ степь, подъ предлогомъ полевыхъ работъ. Въ 1770 году кошевой писалъ войсковому судьѣ: «дезертировъ ушедшихъ изъ экспедиціи отряда подъ Очаковомъ и Хаджибеемъ, наказавъ на базарѣ кіями, держать у столба до возвращенія моего въ Сѣчь».

Высшею степенью наказанія была смертная казнь, и она практиковалась также въ Сѣчи запорожской. Кошевой былъ главный судья и верховный начальникъ войска, и приговоры его, даже смертные, исполнялись въ Кошѣ безъ апелляціи къ гетману, или Высочайшей власти. Хотя указъ 1749 года марта 13 строго воспрещалъ такіе приговоры, но они до самаго уничтоженія Сѣчи существовали. Мы нашли цѣлый списокъ казненныхъ, оффиціально представленный кошевымъ Павломъ Козелецкимъ въ пограничную коммисію, учрежденную въ Бахмутѣ для рѣшенія споровъ донскаго и запорожскаго войскъ 17 ноября 1747 года. Тутъ между прочимъ показано: 1) козакъ Иванъ Покотило въ 1744 г. при Сѣчи повѣшенъ, 2) козакъ Сухій за воровство кіями до смерти въ Самарѣ 1746 г. убитъ, 3) Павло Щербина въ томъ же году въ самарской паланкѣ повѣшенъ и три другіе въ Сѣчи повѣшены и т. д.

Судъ въ Запорожьѣ былъ простъ и очень кратокъ: допрашивали виновныхъ и свидѣтелей и тутъ же полагали рѣшеніе. На время допросовъ и увѣщанія преступникъ содержался въ пушкарнѣ, которая представляла собою родъ погреба или ямы, гдѣ, во избѣжаніе побѣга, виновнаго приковывали къ пушкѣ. Если увѣщаніе не помогало, прибѣгали къ пристрастію или пыткѣ. Къ чести Запорожья сказать надо, что, кромѣ батоговъ, никакихъ другихъ орудій для пытки не употреблялось, хотя и допросъ съ батогами заканчивался иногда смертію. Вотъ одинъ такой случай. Въ 1774 г. какойто молодикъ Никонъ хвастался предъ козакомъ Борисомъ Шевцемъ, что получивъ наслѣдство, онъ намѣренъ себѣ и ему лошадей купить, дабы въ компанію быть готовымъ, ибо, присовокупилъ молодикъ,

«если въ походъ не пойдемъ, то какъ пановъ выбивать будутъ, чтобъ и намъ смертоубійства не случилось». Видно, что тогда въ Сѣчи затѣвалось нѣчто въ родѣ возстанія 1768 года. Козакъ Борисъ Швець, напившись пьянъ въ Новомъ-Кодакѣ, разсказалъ это въ корчмѣ; старшина взяла его въ секвестръ сперва къ простому, а послѣ и къ пристрастному допросу; но «отъ тѣхъ трехъ *пристрастныхъ* допросовъ, онъ Швець дней чрезъ 4 и умре въ ямѣ», какъ замѣчаетъ приговоръ.

Когда преступникъ сознавался въ винѣ, старшина на сходкѣ произносила приговоръ, который войсковый писарь надписывалъ на самомъ допросѣ. Исполненіе сентенцій производилъ войсковый довбышъ публично на базарѣ у висѣлицы, или у столба, или же партикулярно на сходкѣ, судя по важности преступленія.

Достойно вниманія то уваженіе, которое запорожцы питали къ праздникамъ и постамъ, при производствѣ суда. Въ 1762 г. въ кодацкой паланкѣ содержались два молодика по подозрѣнію въ убійствѣ одного тамошняго жителя. Случилось это въ первую недѣлю великаго поста. По донесеніи о семъ Кошу, на запросы полковника Кодацкаго, какъ поступить съ арестантами, послѣдовалъ такой отвѣтъ: «А яко въ нынѣшніе постные дни наступившей первой седьмицы о томъ убійствѣ изслѣдованія чинить не слѣдуетъ и не можно до окончанія тѣхъ дней; содержащихся же отцы жительствующіе въ Кодакѣ суть люде осѣдлые, для того повелѣваемъ: обвиненныхъ отцамъ ихъ до имѣюшагося быть ихъ дѣлу разбора за роспискою отдать на поруки, съ тѣмъ, чтобы они, по востребованіи, оныхъ, гдѣ слѣдовать будетъ, представили».

Въ извѣстныхъ разсказахъ столѣтняго запорожца Леонтія Коржа, записанныхъ въ 40-хъ годахъ архіепископомъ одесскимъ Гавріиломъ, находимъ любопытныя подробности внѣшняго порядка и обрядности суда у запорожцевъ. Тяжущіеся шли прежде всего къ начальству своей паланки и не иначе, какъ купивши на базарѣ по калачу. Обращеніе судей-начальниковъ къ подчиненнымъ козакамъ и обратно свидѣтельствовало объ ихъ близости, равенствѣ и братствѣ.

— Кляняемся вамъ хлибомъ-силью, говорили тяжущіеся судьямъ, полагая калачи на столъ.

— Здорови були! отвѣчали имъ судьи и спрашивали: «а яке ваше дило, панóве молодци»?

— Отъ, панове, яке наше дило! начиналъ обиженный и излагалъ свою жалобу относительно, напр., потравы, захвата и т. д.

— Ну, братику, говори, чи правда то, що товарищъ на тебе каже? спрашивали судьи обидчика, и тотъ говорилъ въ свое оправданіе.

Выслушавъ обѣ стороны, паланка иногда посылала отъ себя козаковъ для освидѣтельствованія «шкоды» или обиды на мѣстѣ и по справкамъ рѣшала дѣло такъ или иначе. При несогласіи сторонъ, паланка терпѣливо уговаривала спорящихъ и если не могла добиться отъ нихъ соглашенія, то отправляла ихъ въ Кошъ. Тамъ спорящіе, если они принадлежали къ разнымъ куренямъ, шли въ тотъ или другой курень по предварительному уговору и также съ калачами, которые клали съ поклономъ на столъ атамана.

— Здоровъ, батьку! говорили они, входя къ атаману.

— Здорови були, паны молодци! отвѣчалъ имъ атамянъ, и не зная, зачѣмъ пришли, просилъ садиться.

— Та николи, батьку, сидиты, мы дило до тебе маемъ, отвѣчали козаки и излагали свое дѣло, пояснивъ, какъ они судились въ паланкѣ и на чемъ она порѣшила.

Атаманъ, выслушавъ обоихъ и узнавъ, какого куреня другой козакъ, посылаетъ прислужниковъ попросить къ себѣ атамана того куреня. Тутъ происходило совмѣстное разбирательство, а при несогласіи сторонъ оба атамана вмѣстѣ съ спорящими шли къ войсковому судѣ. Сперва входили атаманы съ обычными привѣтствіями, а потомъ являлись съ поклономъ и калачами и тяжущіеся козаки. По словесномъ докладѣ и выясненіи всего дѣла судья объявлялъ свое рѣшеніе, и если и послѣ этого одна изъ споривших сторонъ оставалась недовольною, тогда судья говорилъ:

— Ну, теперъ-же, панове атаманы, идить зъ ними до п. кошового, тамъ уже буде имъ конечный судъ! и, обращаясь къ тяжущимся, прибавлялъ: а вы, братци, забирайте съ собою и свій хлибъ съ сырна.

— Та ни, добродію, мы соби купимъ на базари, говорили тѣ.

— Забирайте, забирайте, съ гнѣвомъ повторялъ иногда судья, и не держить отаманивъ, бо имъ не одно дило ваше.

У кошеваго та-же церемонія, съ привѣтствіями, поклонами и калачами, и тотъ-же патріархальный пріемъ, ничѣмъ не выдающій неравенства судьи и подсудимыхъ. Рѣшеніе кошеваго было безъапелляціонымъ и если оно принималось съ удовольствіемъ тяжущи-

мися, разставаніе ихъ съ кошевымъ дышало братскою пріязнію и имѣло видъ прощанія гостей съ хозяиномъ.

— Прощай, вельможный пане! говорили, уходя, атаманы и козаки.

— Прощайте, панове молодци, прощайте та и насъ не забувайте, отвѣчалъ имъ кошевой.

Но при упорствѣ и рѣзкомъ протестѣ виновнаго, или большой его винѣ сцена перемѣнялась и кошевой грозно командовалъ: «сторожи, кіивъ!» и когда появлялись кіи, вельможный объявлялъ виновному: «ну лягай, братику! ось мы тебе проучимо, якъ-то по правди робити и панивъ шанувати!»

— Помилуй вельможный пане! взывалъ тогда козакъ.

— Ни, братику, нема вже тоби помилуванья, коли ты такій. Козаки! сидайте на рукахъ и на ногахъ, сторожи! бийте его добре кіями, щобъ знавъ, почимъ кившъ лиха.

«И якъ почнуть кіи межъ собою розговорювать по сей бикъ и по той бикъ, разсказывалъ Коржъ, то козакъ все мовчить, та слухае, що-то вони скажуть. И якъ уже ёго добре употчують, 50 або 100 кіивъ дадуть, то кошовый крикне: «годи!» Тоди сторожи, пиднявши кіи на плечи, стоять якъ салдаты зъ ружьями на часахъ, козаки потроху ще придержують виноватого, а кошовый вычитуе ёму зновъ свое ришеніе. «Чую, вельможный пане», кричить винъ, а кошовый ёму на остатокъ: «ну, вставай съ Богомъ, та шануйся! А що це тебе выбили, то здоровъ зноси: то, щобъ ты не дуже мудровавъ не упрямився».

Иногда кошевой шутливо спрашивалъ наказываемаго: «а може тоби ще прибавить кіивъ?» Но виновный съ крикомъ и воплемъ отпрашивался: «буде зъ мене и сёго, до вику не буду противиться, буду шановати панство!» Тогда кошевой, приходя въ себя, командовалъ козакамъ и сторожамъ: «ну, буде, вставайте и козака на волю пускайте, а кіи де дальше ховайте».

Изъ разсказовъ того-же Коржа узнаемъ, что въ Запорожьи было три рода казней и три особыя для нихъ орудія:

1) Шибеница или висѣлица. Висѣлицы устроены были въ разныхъ мѣстахъ надъ большими дорогами, почти во всякой паланкѣ, но способъ вѣшанія былъ очень оригинальный. Преступника подвозили подъ висѣлицу верхомъ, здѣсь накидывали ему на шею сильце (петлю) и ударивъ лошадь, прогоняли ее, а осужденный

повисалъ такимъ образомъ на веревкѣ. Иногда вѣшали вверхъ ногами, иногда за ребро желѣзнымъ крюкомъ, и висѣлъ такъ преступникъ, пока и кости его разсыплются, въ примѣръ и страхъ другимъ, и никто его оттуда снять не смѣлъ, подъ смертною казнію.

2) Острая паля, или колъ. Это былъ высокій деревянный столбъ, вышиною въ 6 аршинъ и болѣе. съ желѣзнымъ острымъ шпилемъ въ два аршина. На этотъ шпиль насаживали осужденнаго такъ, чтобы острый конецъ на $^1/_2$ аршина выходилъ спиною; и сидѣлъ на томъ шпилѣ несчастный дотолѣ, пока не изсохнетъ, «поки не выкорениця, по выраженію Коржа, якъ вяла рыба, щобъ якъ витеръ повіе, то-бъ крутився кругомъ и торохтили-бъ уси ёго кисточки». Эта казнь употреблялась очень рѣдко, быть можетъ затѣмъ, чтобы не было сходства съ польскими старостинскими судами, которые всѣхъ пойманныхъ гайдамакъ, а иногда просто бѣдныхъ запорожцевъ на колъ сажали безпощадно.

3) Кіи или бичи—дубовые или изъ другого крѣпкаго дерева. Преступника привязывали или приковывали къ столбу въ Сѣчи, или въ паланкѣ на площади; вокругъ столба ставили разные напитки: водку, медъ, пиво и брагу, много калачей и тутъ же цѣлые связки *кіівъ*. Осужденному прежде всѣхъ предлагали ѣсть и пить; потомъ всякій козакъ бралъ кій и выпивъ *корякъ* водки или меду, ударялъ преступника, приговаривая: «ото-то тоби, вражій сыну, щобъ ты не кравъ и не розбивавъ; мы вси за тебе цилымъ куренемъ платили». И били осужденнаго, пока не убивали въ смерть.

А. Скальковскій.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

2.

Въ «Русскомъ Архивѣ» за 1873 г. (Т. I. стр. 341—388) помѣщена статья Александра Матвѣевича Лазаревскаго «Очерки изъ быта Малороссіи въ XVIII вѣкѣ. III. Сотники». Почтенный авторъ говоритъ, что ни генеральная, ни полковая старшина не имѣли опредѣленнаго круга обязанностей, что они находились въ полной зависимости отъ атамана и полковника, служили по ихъ указаніямъ и распоряженіямъ, исполняли всякую нужную службу. Гетманъ, полковники и сотники пользовались найбольшимъ значеніемъ, най-

большею властью, были главными властителями въ Малороссіи, имѣвшими почти неограниченное вліяніе на подначальный народъ. Сила власти этихъ трехъ чиновъ была такова, что каждый изъ нихъ видѣлъ въ себѣ перваго «пана» въ своемъ округѣ. Конечно, эти «паны» пользовались своимъ привиллегированнымъ положеніемъ и всячески угнетали низшую братію. А. М. Лазаревскій и переходитъ, послѣ общей характеристики малороссійскаго уряда, къ описанію нѣкоторыхъ особенно примѣчательныхъ проявленій необузданнаго «паньского» произвола.

Сохранившіеся архивы сотенныхъ канцелярій могутъ дать болѣе или менѣе ясное представленіе о кругѣ дѣятельности сотника. Далеко не всѣ сотенные архивы уцѣлѣли, но и по оставшимся, будь они вполнѣ разобраны, можно бы очертить довольно правильно и полно обязанности и вообще характеръ служебныхъ занятій сотника.

Ко мнѣ случайно попали «входящія и исходящія» Варвинской сотенной канцеляріи прилуцкаго полка, безъ малаго за годъ, съ 8 декабря 1740 г. по 10 октября 1741 г., всего сто семнадцать номеровъ. Я сдѣлаю общій очеркъ ихъ содержанія, такъ какъ это можетъ пригодиться тому, кто пожелалъ-бы выяснить себѣ вопросъ о службѣ сотника.

Бумаги эти состоятъ изъ ордеровъ прилуцкаго полковника варвинскому сотнику, изъ рапортовъ послѣдняго, извѣщающихъ о полученіи ордеровъ и о принятыхъ къ выполненію ихъ мѣрахъ, а также изъ ордеровъ варвинскаго сотника подвѣдомственнымъ ему атаманамъ, старостамъ и войтамъ (свѣтличанскимъ, снѣдичанскимъ, остаповскимъ, озерянскимъ и брагинскимъ [1]). Въ сорока четырехъ номерахъ идетъ рѣчь о принятіи мѣръ къ поимкѣ дезертировъ и другихъ преступниковъ, въ четырнадцати о жалобахъ регулярныхъ войскъ и полковыхъ коммисаровъ (провіантъ собирался по распоряженію выборныхъ изъ мѣстныхъ обывателей-коммисаровъ) на несвоевременную доставку провіанта, о принятіи противъ этого мѣръ и веденіи строгой отчетности, чтобы не брать съ кого-либо изъ

[1]) Села- Свѣтвичное, Гнѣдинцы, Остановка, Озеряны и Брагинцы и по нынѣ существуютъ, поэтому можно судить о территоріи, которую занимала варвинская сотня.

обывателей лишняго, но чтобы и добирать сполна слѣдуемое; въ двѣнадцати объ отдачѣ податей и полковыхъ сборовъ на откупъ и о правильномъ собираніи ихъ, въ шести объ исключительной продажѣ селитры казнѣ, о присылкѣ умѣлыхъ слесарей, неканщиковъ, литейщиковъ и рабочихъ для поправки крѣпостей и о надзорѣ за потребленіемъ пороха, въ трехъ о правильномъ разведеніи «силенокъ» и о продажѣ шерсти, въ трехъ о немедленномъ удовлетвореніи челобитныхъ, въ другихъ трехъ о злоупотребленіяхъ нѣжинской старшины и произведенномъ надъ нею слѣдствіи и судѣ; въ двухъ о присылкѣ выборныхъ козаковъ въ комисію опредѣленія границъ между Россіею и Турціею, въ распоряженіе генералиссимуса герцога брауншвейгъ-люнебурскаго, и наконецъ въ двухъ о содержаніи плѣнныхъ турокъ подъ крѣпкимъ карауломъ.

Остальные восемнадцать номеровъ самого разнороднаго содержанія:

1) Прилуцкій полковникъ Григорій Галаганъ объявляетъ, что 6-го декабря 1740 г. получеиъ высочайшій указъ «о отпущеніи, для поминовения височайшого милосердія императрицы Анны Іоанновны, впадшимъ въ разния вины наказаний, такожъ штрафовъ, доимокъ, процентовъ и свободѣ каторжнихъ и другихъ, содержащихся подъ карауломъ, о пресѣченіи слѣдствий и о прочемъ».

2) Полковничій ордеръ, чтобы владѣльцы обжалованныхъ земель не скупали грунтовъ у посполитыхъ, въ силу указа сената, полученнаго въ январѣ 1741 г.

3) Полковничій ордеръ объ увольненіи варвинскаго сотника Дмитрія Конѣскаго, по его просьбѣ, отъ слѣдствія надъ монастырищенскимъ сотникомъ Романовичемъ, его родственникомъ, и о дозволеніи ему ѣхать въ Глуховъ только тогда, когда будетъ имъ назначенъ къ исправленію его должности человѣкъ угодный козакамъ.

4) О гербовой пошлинѣ (см. «Кіев. Стар.» 1885 г., май, «Къ исторіи канцелярской переписки въ Малороссіи»).

5) Полковничій ордеръ, извѣщающій, что вслѣдствіе отъѣзда Кейта въ Петербургъ до пріѣзда Неплюева малороссійской генеральной канцеляріей будетъ управлять Леонтьевъ.

6) Полковничій ордеръ о томъ, чтобы публикація о винахъ регента Бирона была читана вездѣ по сотнѣ трижды.

7) Ордеръ «содержащаго полковое правленіе» Якова Офоновича, объявляющій о продажѣ байдаковъ на Днѣпрѣ.

8) Вторичное объявленіе о продажѣ байдаковъ.

9) Полковничій ордеръ, извѣщающій о новомъ высочайшемъ указѣ относительно недорослей изъ дворянъ, чтобы записывать ихъ въ полки.

11) Полковничій ордеръ о возвращеніи вещей и денегъ Бироновыхъ, если таковыя у кого есть, Ушакову.

11) Полковничій ордеръ, запрещающій козакамъ переписываться въ посполитые, дабы избавиться отъ службы.

12) Полковничій ордеръ о высылкѣ изъ Варвы въ Кіевъ капитана, капрала и нѣсколькихъ рядовыхъ ладожскаго пѣхотнаго полка.

13) Полковничій ордеръ, извѣщающій, что для удовлетворенія многочисленныхъ жалобъ на обиды, чинимыя великороссійскими офицерами, учреждена слѣдственная комиссія въ Глуховѣ.

14) Полковничій ордеръ о немедленномъ приведеніи «мѣстечка Варвы въ доброе и безопасное состояніе» подчинкою.

15) Полковничій ордеръ, извѣщающій о взятіи фельдмаршаломъ Ласси крѣпости Вильманстранда (въ Финляндіи).

16) Полковничій ордеръ о томъ, что если будутъ гдѣ подброшены проѣзжими лицами пакеты и письма, то чтобы ихъ тотчасъ же отсылали въ Глуховъ нераспечатанными.

17) Полковничій ордеръ о томъ, чтобы обыватели прилуцкаго полка не покупали скота въ миргородскомъ полку, такъ какъ тамъ падёжъ, чтобы были приняты всевозможныя мѣры предосторожности—больной скотъ отдѣлять, отдѣльно поить, падали закапывать глубоко со шкурою и т. д.

3.

Полковые прилуцкіе урядники въ 1741 г.:

Полковникъ Григорій Галаганъ.

Обозный Ѳедоръ Галенковскій.

Судья Михайло Ячельницкій.

Писарь Иванъ Александровичъ.

Асауловъ въ одинъ годъ перемѣнилось три: Михайло Мовчанъ, Михайло Величко, Михайло Стороженко.

Хорунжій Иванъ Семеновичъ.
Старшій канцеляристъ Яковъ Стефановичъ.
Подканцеляристъ Лавровскій.
Атаманъ городовой Леонтій Никифоровичъ.
Городничій Иванъ Дмитріевъ.
Коммисары: Иванъ Новицкій, Ѳедоръ Каневскій, Степанъ Кисловичъ.
Прилуцкимъ сотникомъ былъ Степанъ Лукомскій.

Н. В.

ИСПОВѢДЬ МАРГАСА.

Подъ такимъ заглавіемъ помѣщаемое здѣсь стихотвореніе въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія шибко ходило по рукамъ въ средѣ духовенства юго-западнаго края, усердно переписывалось и читалось, заучивалось наизустъ и декламировалось въ веселыхъ компаніяхъ. Причина въ томъ, что оно отвѣчало злобѣ времени, касалось одного изъ самыхъ больныхъ мѣстъ низшаго сельскаго духовенства.

Читатель не съ разу догадается, какой сюжетъ стихотворенія и какая его цѣль. И сфера дѣйствія, и время онаго слишкомъ отдалены отъ насъ и мало извѣстны. Необходимы нѣкоторыя объясненія, необходимо вспомнить кое-что изъ прошлаго нашего края.

Маргасъ, отъ лица котораго идетъ въ стихахъ вся рѣчь, названіе не существующее, да едва-ли и существовавшее; имъ окрещенъ дьячекъ или пономарь, вообще причетникъ стараго времени. А причетники въ нашемъ краѣ до начала нынѣшняго столѣтія не подлежали вѣдѣнію епархіальной власти и въ духовномъ званіи не считались вовсе. Это были люди вольной профессіи, свободные, такъ сказать, артисты; избирались они къ мѣстамъ прихожанами съ благословенія священника, послѣ пробы и могорича у старосты и даже просто въ сельской корчмѣ. Договоры ихъ съ прихожанами были словесные, записывались изрѣдка для памяти и то на клочкѣ бумаги или на обложкѣ церковной или братской книги. Кромѣ чтенія и пѣнія въ церкви и по приходу, на обязанности дьячка лежало обученіе въ школѣ, по имени которой называлось и самое его жилище, и если онъ удовлетворялъ этимъ двумъ требованіямъ, жизнь его была безмятежная и довольная, ибо за искусство въ пѣніи и хорошее обученіе прихожане вознаграждали его и сверхъ договора. Никакая иная власть надъ нимъ не тяготѣла, кромѣ моральной власти прихода, никакимъ выговорамъ,

и взысканіямъ онъ не подвергался, никакой сверхъ-обязательной въ чью-либо пользу работы не несъ. Отношенія къ нему священника были простыя, отнюдь не начальническія. Письменной отчетности никакой на немъ не лежало, да ея, кромѣ метрическихъ книгъ и краткихъ, партикулярныхъ, записей церковнаго или братскаго дохода и расхода, вовсе не существовало, да и тѣ велись не имъ. Не нравился онъ приходу или приходъ ему,—выходъ былъ свободный во всѣ стороны и ко всякому другому занятію.

Съ присоединеніемъ юго-западнаго края къ Россіи на него распространены общеимперскіе, гражданскіе и церковные порядки, и наши причетники очутились въ замкнутомъ кругѣ духовной касты. Общій духъ всего тогдашняго строя, проникавшій всѣ человѣческія отношенія, коснулся и свободнаго дьячка: выборный священникъ, старшій братъ, становился его начальникомъ; за нимъ стояла другая болѣе сильная власть въ лицѣ благочиннаго; надъ нимъ возвышалось духовное правленіе съ повѣтовымъ протопопомъ во главѣ, а надъ всѣмъ царила консисторія съ ея указами, экзаменами и контролемъ. Изъ человѣка вольной профессіи дьячекъ сталъ кабальнымъ членомъ не высоко стоявшаго сословія и занялъ въ немъ самую низшую, послѣднюю ступень, безъ права сойти съ нея безъ особыхъ усилій и существенныхъ правовыхъ потерь; изъ равноправнаго, но свободнаго члена сельской общины онъ попадалъ въ такое строго подчиненное положеніе, которое, опредѣляя его службу и жизнь до костюма и косички включительно, налагало на него новыя обязанности по церковному письмоводству и натуральныя повинности по разноскѣ указовъ и сдачѣ отчетности, не считая злоупотребленій отяготѣвшей надъ нимъ духовной власти въ числѣ нѣсколькихъ инстанцій. Въ ряду ихъ особымъ бременемъ для причетниковъ сказывались канцеляріи духовныхъ правленій. Надѣленныя при самомъ учрежденіи мизернымъ содержаніемъ, онѣ заполнены были людьми другихъ учрежденій, привыкшими уже къ вымогательствамъ и подачкамъ.

Но прошло два-три десятка лѣтъ и то, что было, можетъ быть, только дурною привычкою, стало въ нѣкоторомъ смыслѣ прямою необходимостію; мизерное содержаніе стало нищенскимъ,—его не хватало уже на прокормъ голодающей семьи, а извѣстно, что въ дѣлѣ взяточничества границы между нуждою и прихотью не полагалось. И власти чисто духовныя во вкусъ новыхъ порядковъ вошли не вдругъ и тяжесть новаго режима сказалась не скоро, но, какъ кажется, именно къ тому времени, къ которому относпится настоящее стихотвореніе, къ 30-мъ годамъ настоящаго столѣтія. Священники, тяготясь произ-

водившеюся въ духовныхъ правленіяхъ „драчею“ и безцеремоннымъ обращеніемъ столоначальника и канцеляристовъ, возлагала сдачу метрическихъ, приходо-расходныхъ, исповѣдныхъ и другихъ записей на дьячковъ, съ придачею иногда и церковнаго старосты. Неисправность записей давала поводъ не только къ вымогательствамъ деньгами и натурою, но и къ нѣкоторому издѣвательству надъ сдающимъ и презрительному съ нимъ обращенію.

Вотъ тутъ-то дьячекъ почувствовалъ всю приниженность, всю тягость своего положенія и излилъ волновавшія его думы и чувства въ стихахъ, начавъ ихъ совершенно естественнымъ воплемъ:

Ахъ, ахъ, ахъ!
Во коликихъ азъ бѣдахъ...

Изобразивъ рельефными чертами претерпѣнныя имъ въ разныхъ инстанціяхъ невзгоды, онъ рисуетъ затѣмъ возвращеніе свое подъ кровъ мирной „школицы“, радостную встрѣчу его учениками, сладостный отдыхъ дома, ласковый пріемъ у священника, не отбившагося еще отъ старыхъ порядковъ, и шумное пированье на крестинахъ у перваго прихожанина

Здѣ, братъ, здѣ намъ благо жить,
Сладко ѣсть, сладко пить—

заканчиваетъ онъ свою исповѣдь, рисуя такимъ образомъ идеалъ своей жизни, согласно пронесенному задолго предъ тѣмъ повсюду идеалу послѣднихъ представителей запорожской вольницы:

Спати и лежати,
Все горилочку кружати.

Такимъ образомъ приводимое здѣсь стихотвореніе является отголоскомъ отдаленнаго духа времени, отраженіемъ борьбы въ данное время старыхъ порядковъ съ новыми, изъ которыхъ тѣ и другіе имѣли свои хорошія и дурныя стороны, голосомъ жизни, давно отошедшей въ область преданія, своего рода письменнымъ историческимъ памятникомъ. Для насъ интересны и эти отжившіе типы благочиннаго, протопопы, столоначальника и даже его одежды краткой, что красную имѣла подкладку, и этотъ вымершій, какъ зубръ, дьякъ-учитель, съ его „школицею и косіею“, и близкій къ нему батюшка Игнатій, и путешествіе его съ матушкой и дьячкомъ на крестины къ мужику-прихожанину, и общее непринужденное ихъ веселіе, какъ членовъ одной духовной семьи...

Стихъ памятника мѣстами бойкій и плавный; языкъ можно-бы назвать правильнымъ и чистымъ, если-бы не намѣренная примѣсь мѣстнаго и церковно-славянскаго элемента, вызванная памфлетнымъ характеромъ произведенія, выходящаго изъ духовной среды и для нея-же предназначеннаго. Это однако не языкъ среды, хотя-бы письменный, но языкъ, введенный для подобныхъ темъ царившимъ тогда въ мѣстной литературѣ украинскимъ писателемъ И. П. Котляревскимъ, которому авторъ этого стихотворенія очевидно подражалъ.

Ахъ, ахъ, ахъ!
Въ коликихъ азъ бѣдахъ,
Въ коемъ горѣ пребываю,
Кую чашу испиваю!
Нѣтъ отрады ни на часъ!
Говорилъ, стеня, Маргасъ.
Проклиная людску злобу,
Онъ желалъ идти ко гробу;
Лучше, думалъ, погибать,
Чѣмъ такъ горестно страдать.
Жизнь моя мнѣ наскучаетъ:
Благочиниый угнетаетъ
И правленіе деретъ,
Протопопъ-же тако-жъ жметъ.
Тотъ курсоріей моритъ,
Все кричитъ, не говоритъ;
Въ страны дальны посылаетъ,
Тяжко, тяжко устрашаетъ.
И работати велитъ:
Молотити, жати и косить.
Правда, дастъ за то покушать,
Однакъ долженъ во всемъ слушать.
Вотъ велитъ Минею внесть
И по ней заставитъ честь;
Коль чести тамъ не возможешь,
То поклоновъ сто положишь.
И на жертвы вымагаетъ.
Братъ нашъ деньги полагаетъ,

Коль-же денегъ не даси,
То пѣть скажетъ на гласы.
Аще кто сего не знаетъ,
Отлучаетъ, устрашаетъ;
Разны бѣды все творитъ
И зѣло, зѣло кричитъ.
То по шеи ударяетъ,
То за волосы торгаетъ,
Или палицею бьетъ,
И во очеса плюетъ.
По сихъ мукахъ оставляетъ
И въ правленье посылаетъ;
Но и тутъ тебѣ не рай,
Бѣдный ты, Маргасъ, страдай!
Коль несчастный тамъ предстанешь
И на всѣхъ очима вглянешь,
Начнешь, бѣдный, трепетать,
Слезы горьки проливать.
Въ каждомъ зрима здѣ гордыня,
Каждый здѣ будто святыня,
Каждому здѣ поклонись,
Хоть невиненъ, то смирись.
Скорописцы тамъ сѣдяше
И со смѣхомъ поглядаше,—
Вопрошаютъ: отколя
Сельско, мерзко, ты теля?
А узнавши то селенье
И откуда принужденье,
Начнутъ въ руцѣ ударять,
Станутъ тако провѣщать:
Ужъ давно мы ожидали,
Чтобъ тебя сюда прислали;
Знаемъ, что съ тобой творить
И къ чему тя обратить.
Тутъ всю ярость изъявивши,
Трость за уши положивши,
Со сѣдалища грядутъ,

О, коликія напасти
И колики тяжки страсти
Братъ тогда нашъ претерпитъ,
Письмоводца коль узритъ!
Съ видомъ важнымъ выступаетъ
И хартіею кидаетъ.
Скорописцы востаютъ,
Честь ему всѣ отдаютъ.

Братъ-же, стоя у порога,
Видя, что бѣда здѣ многа,
Начинаетъ представлять,
Сколько будетъ здѣ страдать!
Письмоводецъ, обратившись
И сильнѣйше разъярившись,
Вопрошаетъ: ты отколь
Непотребнѣйшая моль?

Братъ тогда нашъ, встрепетавши
И хартію въ руцѣ давши,
Пренижайшій бьетъ поклонъ,
Чтобъ не разсердился онъ.
Коль хартію прочитаетъ,
Тамо-жъ сущая узнаетъ,
Вдругъ за волосы поймет,
Иль ногою попереть.

На работу посылаше
И отдыху не даяше:
И правленье заметати,
Подъ столомъ соръ очищати.
Иль велитъ ремень сапогу
Вытирати по премногу,
Дабы славно онъ блисталъ
И, какъ въ зиму, скрежеталъ.

Илъ одежду ону кратку,
Имать красну что подкладку,
Многократно очищать,
Чтобы въ оной похождать.

Огнь во пещи возжигать,
Чтобы тепло было спать,
Или яствія варить,
Чтобы чрево угобзить.
Коль же прійдетъ со метрики,
Кія тамъ бѣды велики:
Начнутъ акты всѣ читать,
Начнутъ тяжко ихъ марать.
И велятъ ихъ преписати,
Гдѣ-жъ тутъ хартіи набрати?
Скорописцу нужно дать,
Чтобъ изволилъ преписать.
Переписаны чигаютъ
И вся акты повѣряютъ;
Дай за всякой актъ копѣекъ пять,
Коль не хочешь во бѣду попасть.
Письмоводцу-жъ за папиры
Серебренныхъ три-четыре
Всеконечно нужно дать,
Чтобъ изволилъ ихъ принять.
И коль хочешь быть спокойнымъ,
То иди съ карманомъ поянымъ,
Скоро тутъ опорожнятъ:
Обопьютъ и объѣдятъ.
Но еще того и мало,
И на томъ еще не стало.
Протопопъ нашъ коль узритъ,
До себя прійти велитъ.
И оставитъ во поварни,
Гдѣ суть слуги всѣ коварны;
Начнутъ брата угнетать
И какъ вѣникомъ кидать.
То вотъ станутъ посылать
Мѣста смрадна очищать,
То заставятъ дворъ подместь,
Или конямъ давать ѣсть.
А во времена досуговъ
Сами велятъ идти за плугомъ

Сѣять, ралить и влачить,
И дрова во пещь рубить.
Въ положеньи столь несчастномъ,
Въ угнетеніи ужасномъ
Истощаетъ нашъ тамъ братъ
И послѣдній малъ кондрантъ.

Вся-же видя искощенна,
Къ протопопу онъ смиренно
Идетъ его упросить,
Чтобъ изволилъ отпустить.

А свободу получивши
И мѣхъ на плечи вложивши,
Поспѣшаетъ онъ въ домъ свой—
Тамо чтобъ вкусить покой.

О, коликую здѣ радость
И какую въ сердцѣ сладость
Удрученный ощутитъ,
Когда школку онъ узритъ.

Мала братья выбѣгаетъ,
Руцѣ къ нему простираетъ,
Не престаетъ лобызать,—
Горьки слезы проливать.

Онъ-же сладко утѣшаетъ:
Милы чада! восклицаетъ,
Ужъ не буду больше я страдать,
Перестаньте вы рыдать.

И во школицу вошедши,
На сѣдалище возсѣвши,
Отдыхаетъ уже тамъ
И даетъ дреманіе очамъ.

Настоятель коль узнаетъ,
Тотъ часъ за нимъ посылаетъ,
Чтобы скоро приходилъ
И вся бывша возвѣстилъ.

Братъ, косію причесавши
И одежду на ся взявши,

Къ настоятелю грядетъ
И пришедъ, поклонъ кладетъ.
Руцѣ потомъ лобызаетъ
И косію потираетъ,
Отдаетъ повиину честь.
Настоятель проситъ сѣсть.

Сколь минута здѣ счастлива,
Здѣ сейчасъ даютъ сочива;
Просятъ, чтобъ изволилъ пить
И новины возвѣстить.

Красовулю-же испившу
И вся ему возвѣстившу,
Настоятель такъ вѣщалъ:
Въ горькихъ ты бѣдахъ бывалъ!

Ибо онъ отецъ Игнатій
Былъ изъ нашихъ горькихъ братій,
Для того-то сожалѣлъ,
Самъ-бо тоже все терпѣлъ.

Намъ-же говорящимъ
И піеніе творящимъ,
Нѣкій мужъ туда грядетъ
И со калачи сосудъ несетъ.

На столѣ я полагаетъ
И моленье простираетъ,
Чтобы въ домъ его спѣшить,
Вновь рожденное крестить.

Мы прошенію внимаемъ,
Мужа она посылаемъ,
Чтобы въ домъ свой поспѣшалъ,
Благо ся распоряжалъ.

Настоятель со женою
И сопутствуемы мною
Къ мужу оному грядемъ,
Сладко кушаемъ и пьемъ.

Куры, гуси предлагаютъ,
Съѣсти оны умоляютъ

И хлѣбъ хитро исплетенъ
И на кругло сотворенъ.
Тутъ мяса стоятъ смачныя,
А найболѣе свинныя
Услажденьемъ суть для всѣхъ.
Слышенъ тамо многій смѣхъ.
Часто пищу прерываютъ,
И сикеру предлагаютъ,
Чтобы яства подливать,
Капли чтобъ не оставлять.
О, коликое блаженство!
И благъ кое совершенство!
Тамо бо на всякой часъ
Полны суть уста у насъ.
Пѣсни громки воспѣваемъ,
Красовули не минаемъ,
Зѣло благо тамъ жіемъ,
Сладко кушаемъ и пьемъ.
А коль скоро ужъ темнѣетъ,
Наступити нощь имѣетъ,
Цѣлованье отдадимъ,
Тогда скоро въ домъ спѣшимъ.
И, пришедъ, опочиваемъ,
А заутра ожидаемъ,
Вновь не будетъ ли для насъ
Кій подобный благій часъ?
Такъ дни въ счастьѣ пролетаютъ,
И скорбь бывшу увлекаютъ.
Здѣ, братъ, здѣ намъ благо жить:
Сладко кушать, сладко пить.

Сообщ. свящ. **Іоаннъ Борковскій.**

Отъ Редакціи. Въ мартовской книжкѣ «Кіев. Старины» замѣчены слѣд. опечатки:

Стр. 574. Отд. III, № 2, слѣдуетъ „Маякъ“ вм. „Макъ“.

Стр. 275 № 12 и 577 № 12, слѣд. „Заря“ вм. „Зоря“.

Стр. 576 № 13 слѣд. Sowinski вм. Sawiński.

„ „ № 22 слѣд. „Жинзирова“ вм. Жинзирова.

Стр. 577 № 23 слѣд. 1859 г. вм. 1б59 г.

Стр. 591 № 78 слѣд. „Згарскій“, а не Згорскій и № 81 слѣд. Curives вм. Curieus и alaska Herald вм. aloska Herold.

Стр. 582 № 102 слѣд. „Статутъ“ вмѣсто „сто душъ“.

Объявленія.

Подписка на 1886 г. на слѣдующіе журналы и газеты:

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

ВѢСТНИКЪ ТИРАЖЕЙ,

помѣщающій таблицы погашеній всѣхъ русскихъ цѣнныхъ бумагъ, выигрышныхъ займовъ, пріютскихъ лотерей, облигацій и проч., равно какъ тѣ номера ихъ, которые погашены въ прежніе тиражи и еще не предъявлены къ оплатѣ.

Цѣна съ доставкою

на 3 мѣсяца **1 руб.**, на годъ **3 руб.**

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ банкирскомъ домѣ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ.

НЕВСКІЙ, 36, д. Бенардаки.

Одинъ номеръ высылается по первому требованію за одну почтовую марку.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ДѢТСКІЙ ЖУРНАЛЪ
ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ

„ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ".

Этотъ журналъ предназначается для дѣтскаго и юношескаго возраста. Въ немъ будутъ печататься: *повѣсти, разсказы, бытовые очерки, сказки, стихотворенія, путешествія, историческіе очерки* (преимущественно изъ отечественной исторіи). *статьи по естествознанію и другимъ отраслямъ знаній.*

Для родителей, отъ времени до времени, въ видѣ приложеній, *будутъ печататься* статьи педагогическія и по дѣтской гигіенѣ.

Журналъ будетъ иллюстрированнымъ, причемъ рисунки будутъ прилагаемы отдѣльно отъ текста, такъ что въ концѣ года изъ нихъ составится прекрасный альбомъ.

Въ „Журналѣ для дѣтей" изъявили желаніе сотрудничать: *М. Н. Альбовъ, С. Н. Атава, К. С. Баранцевичъ, магист. П. В. Безобразовъ, И. В. Быковъ, профес. П. П. Вагнеръ, В. Э Иверсенъ, Н. Н. Каразинъ, Котъ-Мурлыка, Н. С. Лѣсковъ, Н. А. Несмѣловъ, Я. П. Полонскій, А. Г. Сахарова, Л. Х. Симонова, Всеволъ Сер. Соловьевъ, А. Н. Толиверова, К. М. Фофановъ, и мн. др.*

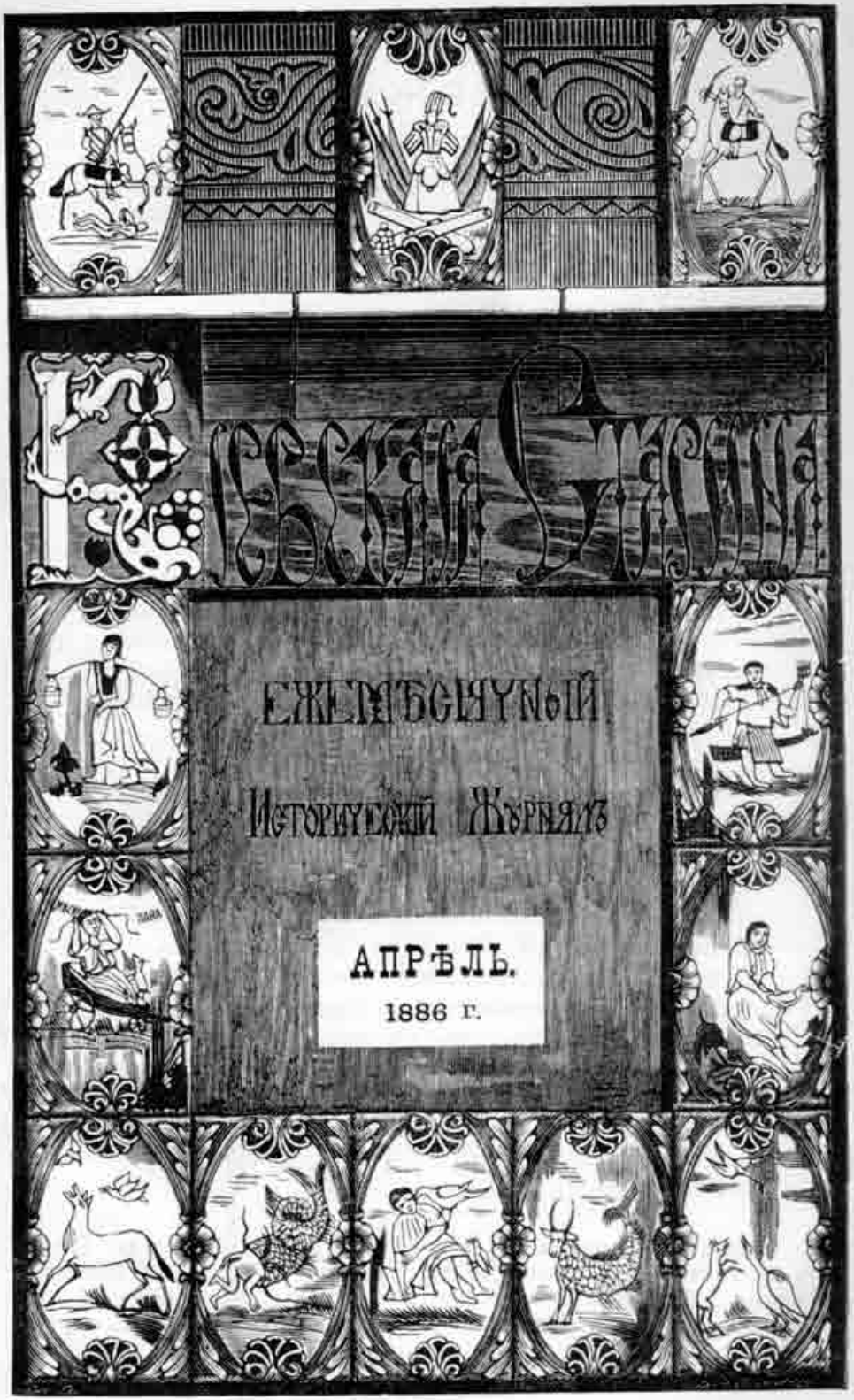
Для научнаго и педагогическаго отдѣловъ приглашены профессора и педагоги.

Редакторъ-издательница, *Княгиня Е. Несвицкая.*

ЦѢНА: на годъ съ пересылкою для городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ—пять руб., на полгода 3 руб

ДЕНЬГИ И ПИСЬМА ВЫСЫЛАЮТСЯ

въ С.-Петербургъ, въ редакцію „Журналъ для дѣтей", Пушкинская ул., д. № 10 кв. 3.



Кіевъ. Типографія А. Давиденко, арендуемая Л. Штамомъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XIV.

1886 г.

КІЕВЪ.
Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул

КНИЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО
BOOK SPACE

СОДЕРЖАНІЕ.

Апрѣль, 1886 г.

I. КОЛОМЫЙКИ. **Н. Ѳ. Сумцова** 635

II. ЗАМѢТКИ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ ЮЖНО-РУССКИХЪ СТЕПЕЙ. **Пл. Бурачкова** 659

III. ВѢДЬМА (полѣсскій разсказъ). *(Продолженіе)* 684

IV. ТРЕВОГА НАДЪ СВѢЖЕЙ МОГИЛОЙ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. **И. Билыка** 708

V. ЗАПИСКИ НОВО-ОСКОЛЬСКАГО ДВОРЯНИНА И. О. ОСТРОЖСКАГО-ЛОХВИЦКАГО (1771—1846 г.) *(Продолженіе)* 729

VI. МИХАИЛЪ ЧАЙКОВСКІЙ И КОЗАКОФИЛЬСТВО. . . . 763

VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Библіографическій указатель матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Г. Шевченка *(Окончаніе)*.—б) Витебская Старина, т. IV, съ приложеніями и рисунками въ текстѣ. Витебскъ. 1885 г.—*И. Каманина.*—в) Историческіе матеріалы. Изъ архива кіев. губ. правленія. Выпускъ 10-й. Кіевъ. 1886 г.—*К. Цыбульскаго.*—г) Исторія Новой Сѣчи или Послѣдняго Коша Запорожскаго. *А. Скальковскаго.* Изданіе третье. Часть I. Одесса. 1885 г.—*И. Каманина.*—д) Памятники русской старины, изд. П. Н. Батюшковымъ. Выпускъ VIII. Холмская Русь Спб. 1885 г.—*Ѳ. Лободы.* 778

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Потребность въ біографическомъ словарѣ южно-русскихъ дѣятелей и нѣсколько словъ о его программѣ.—*П. Е.*—б) Отвѣтъ на вопросъ о малорусскихъ одахъ изъ времени Наполеоновскихъ войнъ.—*С. П.*—в) Изъ записной книжки.—*Н. В.*—г) Волынская бывальщина.—*И. О—въ.*—д) «Нѣчто о дикомъ попѣ».—Сообщ. *Л. Мацѣевичъ.*—е) Дополненіе къ біографіи Адама Киселя.—*Е. Д—каго.*—ж) Памяти преосв. Филарета, архіепископа черниговскаго.—Сообщ. *И. Карпольцевъ.*—з) Владиміро-волынскій мстиславовскій соборъ XII в. и предстоящее его обновленіе. *Е. Д.* . . 805

IX. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) *(Продолженіе).* . . . . . 273—288

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на „Кіевскую Старину“ 1886 года. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Трехсвятительская улица, д. № 8.—Оставшіеся въ незначительномъ числѣ экземпляры журнала за 1882—1885 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го марта 1886 года.